
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 11, № 3. 2020

Сквозной номер – 41

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 11, No. 3. 2020

Continuous issue – 41

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в объединенном каталоге
"Пресса России" – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Academic Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications
June, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-reviewed journals, in which should be published basic academic results of degree dissertations
(12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory of law and state,
12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law,
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law,
12.00.09 Criminal proceedings,
12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity,
12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

The Journal is included in the Russian Science Citation System (e-library)

The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory
The Journal is included in the electronic periodical "Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

email: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, Казанского юридического института МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гилянский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Мезяев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, БашГУ). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, профессор **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе). ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права КЮИ МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Хрусталева Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-0275-5373

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Full Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy, Candidate in Laws (Doctor habilitatus), Professor of Criministics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Ol'ga Nikolaevna Hrustal'jova, Candidate of Pedagogy (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-0275-5373

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Laws (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	264
<u>ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА</u>	
Багаудинов Ф.Н. Незнание закона не освобождает от ответственности?!.....	266
<u>ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</u>	
Абакумова Е.Б., Маматов Р.Р. Правовые основы предоставления служебного жилого помещения военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации.....	269
Саегаев В.Ф. Основные направления модернизации законодательства в сфере взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества по вопросам противодействия коррупции.....	276
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Абдулганеев Р.Р. Дерадикализация как средство предупреждения религиозного экстремизма.....	284
Амирова Д.К., Гараева Д.М. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на него.....	292
Налимов Ю.Д. Общественное место как конструктивный признак объективной стороны вандализма.....	297
Отбоева Р.Р. Предупреждение жестокого обращения с животными.....	302
Рамазанов А.В. Финансовые инструменты фондового и банковского рынков при совершении коррупционных преступлений и их правовое регулирование.....	308
Сидорова Е.З. Современная социально-типологическая характеристика обучающихся, совершивших преступление.....	318
Хафизова А.М. Ресоциализация осужденных как задача уголовно-исполнительной политики России: к вопросу о терминологии.....	324
Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Криминологическо-психологические характеристики личности преступника: от теории к практике.....	329
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Богаткина Р.Ш. Проблемы реализации и перспективы развития категории «справедливость» в уголовном судопроизводстве.....	338
Гарипов Т.И. Некоторые вопросы правовой регламентации и правоприменительной практики при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при производстве по уголовному делу.....	343
Гусак В.В. Понятие процессуального руководства расследованием преступлений.....	351
Кульчарова А.В. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме.....	357
Маликова Н.В. Сравнительно-правовой анализ проблем обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по законодательству России и Кыргызской Республики.....	363

Маркелов А.Г. Идея использования процессуального компромисса как доказательственной технологии достижения цели современного уголовного судопроизводства.....	368
Терехов А.Ю., Латыпов В.С. К вопросу о возмещении расходов лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, не имеющих постоянной заработной платы.....	375
Чаплыгина В.Н., Гулакова И.И. Лингвокультурологический аспект подготовки следователем процессуальных документов на стадии предварительного расследования.....	381
Шайдуллина Э.Д., Моругина Н.А. Классификация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве России: вопросы теории и практики.....	387
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	393

CONTENTS

DISCUSSION

Bagautdinov F.N. Is Ignorance of the Law no Excuse?!	266
--	-----

HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Abakumova E.B., Mamatov R.R. Legal Basis for Providing Staff Housing to Military Personnel of the National Guard of the Russian Federation.....	269
Saetgaraev V.F. Main Directions of Modernization of Legislation in Interaction of the Internal Affairs Bodies and Civil Society Organizations in Anti-Corruption.....	276

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Abdulganeev R.R. Deradicalization as a Means of Preventing Religious Extremism	284
Amirova D.K., Garayeva D.M. Criminal Liability for Incitement to Suicide or Attempted Suicide: Challenges of Legislative Regulation.....	292
Nalimov Yu.D. Public Place as a Constructive Sign of the Objective Side of Vandalism.....	297
Otboyeva R.R. Prevention of Cruelty to Animals	302
Ramazanov A.V. Financial Instruments of Stock and Banking Markets in Corruption Crimes and their Legal Regulation.....	308
Sidorova E.Z. Modern Socio-Typological Characteristics of Students who have Committed a Crime.....	318
Khafizova A.M. Resocialization of Convicts as a Penal Policy Task of Russia: the Issue of Terminology.....	324
SHalagin A.E., Khrustaleva O.N. Criminological and Psychological Characteristics of Criminal's Personality: from Theory to Practice.....	329

CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATION AND CRIMINALISTICS

Bogatkina R.Sh. Justice in Criminal Process: Issues of its Realization and Development Prospects	338
Garipov T.I. Certain Issues of Legal Regulation and law Enforcement Practice in Obtaining Information on Connection Between Subscribers and (or) Subscriber Devices in Criminal Procedure.....	343
Gusak V.V. The Concept of Procedural Guidance in Crime Investigation.....	351
Kulcharova A.V. Procedural Powers of Head of the Inquiry Division when Conducting an Inquiry in Abbreviated Form	357
Malikova N.V. Comparative Legal Analysis of Ensuring the Safety of Participants of Criminal Proceedings under the Laws of Russia and the Kyrgyz Republic.....	363
Markelov A.G. Procedural Compromise as an Evidentiary Technology to Achieve the Goal of the Modern Criminal Proceedings.....	368

Terekhov A.YU., Latypov V.S. Refunding the Expenses of Persons Without Set Wage Assisting Administration of Justice.....	375
Chaplygina V.N., Gulakova I.I. Linguoculturological Aspect in Preparation of Procedural Documents at Preliminary Investigation by Investigator.....	381
Shaidullina E.D., Morugina N.A. Classification of Evidence in Criminal Proceedings in Russia: Theories and Applications.....	387
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	393

УДК 34.03

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.001

Ф.Н. Багаутдинов

НЕЗНАНИЕ ЗАКОНА НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?!

IS IGNORANCE OF THE LAW NO EXCUSE?!

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы действия в современных условиях принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности», во взаимосвязи с необходимостью усиления работы по правовому просвещению граждан, их ознакомлению с изменениями законодательства.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись следующие методы: сравнительно-правовой, логико-юридический, научного анализа.

Результаты исследования: рассматривается действие принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности» применительно к деятельности правоохранительных органов и судов, а также граждан.

Обсуждение и заключения: сделан вывод, что действие принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности» должно обеспечиваться комплексом мероприятий, и в первую очередь за счет широкого правового просвещения граждан.

Ключевые слова: уголовная ответственность; непредоставление уведомления о наличии второго гражданства; общеправовые принципы; опубликование законов и нормативных правовых актов; правовое просвещение граждан

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. Незнание закона не освобождает от ответственности?! // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 266 – 268. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.001

Introduction: the author analyses selected issues of the principle "ignorance of the law is no excuse" through the necessity to strengthen the work on legal education of citizens including legislative change.

Materials and Methods: the author used comparative legal, logical and legal methods of academic research.

Results: the author considered the effect of the principle "ignorance of the law is no excuse" in the context of law enforcement bodies, courts and citizens.

Discussion and Conclusions: the author concludes that various activities, firstly legal education of citizens, ensure the principle "ignorance of the law is no excuse".

Keywords: criminal liability; failure to give notice on second citizenship; general legal principles; laws and legal acts publication; legal education of citizens

For citation: Bagautdinov F.N. Is Ignorance of the Law no Excuse?! // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 266 – 268. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.001

Введение

Недавно в электронных и других СМИ прочитал, что против Петра Верзилова (издателя интернет-СМИ «Медиазона», оппозиционного деятеля) возбуждено уголовное дело по статье 330.2 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) из-за наличия у него канадского гражданства – за неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства либо вида на жительство.

Честно скажу, я до этого не знал Петра Верзилова, кто он такой и чем занимается. Меня в этом сообщении заинтересовало и удивило другое – я не знал про существование уголовной ответственности за неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного госу-

дарства либо вида на жительство. При том что я сам являюсь доктором юридических наук, много лет проработал в органах прокуратуры и суда, длительное время занимаюсь наукой. Уже в силу этого я, казалось бы, должен об этом точно знать, но – не обессудьте – не знал.

В связи с этим я вспомнил один из главных постулатов советского и современного права – незнание закона не освобождает от ответственности, в том числе и уголовной. А сегодня – это конституционный принцип, хотя и не все об этом знают.

Результаты исследования

Статья 67.4 Конституции Российской Федерации гласит: каждый должен соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, уважать права и свободы других лиц, нести иные установленные законом обязанности.

Незнание официально опубликованного закона не освобождает от ответственности за его несоблюдение.

Часть 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации содержит требование: органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения должны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Для того чтобы соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, соответственно, их надо знать.

Конечно, любое правовое государство заинтересовано в том, чтобы его граждане хорошо знали и соблюдали законы своей страны. Если поставить под сомнение обсуждаемый нами принцип, то может получиться так, что какая-то часть преступников, ссылаясь на незнание закона, будут избегать уголовной ответственности. Путь губительный, и поэтому не должно быть никаких сомнений в необходимости неукоснительного соблюдения указанного принципа.

И все же в реальной жизни возникают различные ситуации. Может быть, не всегда человек виноват в том, что он не знал отдельные положения нашего огромного российского законодательства, которое досконально не знают даже многие ученые и специалисты?

Закономерен и следующий вопрос – а каким образом организована и проводится работа по ознакомлению наших граждан с новыми законами, с изменениями, внесенными в законодательство? Ведь не все читают «Российскую газету», где публикуются новые законы, не все просматривают официальные порталы размещения новых законодательных и нормативных правовых актов.

В частности, кто и каким образом должен оповещать граждан о наличии уголовной ответственности, предусмотренной ст. 330.2 УК РФ? Логично бы это сделать при вручении молодому гражданину российского паспорта.

Я наводил справки, узнавал – никто этого в подразделениях по выдаче, замене российских паспортов не разъясняет.

И откуда же наш обычный гражданин – не юрист – должен узнать об этом? Конечно, у большинства обычных граждан нет и второго гражданства. Но ведь чисто гипотетически может быть, что, например, обычный российский гражданин, имеющий родственников на Украине, решит получить украинское гражданство, чтобы облегчить свое общение с родственниками. Получил и не подал уведомление – и он уже преступник?

А как доказать, что человек знал о наличии такой уголовной ответственности? Никак. Не знал, не читает он газет, не смотрит телевизор, не проводит значительную часть своего времени в Интернете. Все равно, пусть отвечает!?

Не все судьи, прокуроры успевают следить за изменениями законодательства. Можно привести немало казусов на эту тему, когда сами правоприменители не знали о состоявшемся изменении законодательства и продолжали применять его по-старому.

Например, существует уголовная ответственность по ч. 3 ст. 327 УК РФ за использование заведомо подложного документа. Эти дела в соответствии с положениями о подсудности ранее рассматривали мировые судьи. Федеральным законом № 209-ФЗ от 26 июня 2019 г. законодатель установил, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ, исключаются из подсудности мировых судей и передаются в подсудность районных судов.

Но в г. Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югры новый закон не прочитали и продолжали судить по-старому. В частности, 30 августа 2019 г. заместитель прокурора г. Сургута утвердил обвинительный акт по делу дознания в отношении Ж. по ч. 3 ст. 327 УК РФ и направил уголовное дело для рассмотрения мировому судье. В этот же день мировой судья вынесла постановление о назначении судебного заседания и рассмотрела дело по существу с участием прокурора 13 сентября 2019 г. с постановлением обвинительного приговора. Приговор не был обжалован и вступил в законную силу.

Таким образом, судом был нарушен конституционный принцип – подсудимый лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено уголовно-процессуальным законом.

Лишь 14 апреля 2020 г. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции отменил состоявшееся судебное решение и направил дело на новое рассмотрение в Сургутский городской суд¹.

Другой случай. Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ была введена в действие новая редакция статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации, изменившая правила исчисления сроков отбывания и зачета наказания. Эти изменения предусматривают дифференциальный подход, в частности, они исключают возможность «льготного» зачета для осужденных в случае наличия особо опасного рецидива и в других случаях, в том чис-

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2020 г. № 77-522/2020/http://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2955990&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 19.07.2020).

ле и при совершении отдельных преступлений, – например, часть 2 и 3 ст. 228 УК РФ (то есть срок нахождения под стражей засчитывается в обычном порядке – один к одному).

Казалось бы, все судьи должны знать об этих изменениях, т.к. именно они назначают наказание. Но – 13 ноября 2018 г. судья Лыткаринского районного суда Московской области осудил С. по ч. 2 ст. 228 УК РФ к 4 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. При этом судья допустил ошибку при расчете срока отбывания наказания при применении положений ст. 72 УК РФ. Причем эта ошибка была в пользу осужденного, т.к. судья применил льготный порядок исчисления срока нахождения С. под стражей в следственном изоляторе.

Между тем ФЗ-186 от 3 июля 2018 г. установил, что «льготный» порядок исчисления срока ареста не применяется в случаях осуждения за преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 228 УК РФ.

Московский областной суд, рассматривая настоящее уголовное дело, вынес частное постановление в адрес судьи за допущенную ошибку. В кассационной жалобе судья просил отменить частное постановление в свой адрес, признав допущенную ошибку, и указал, что новая редакция ст. 72 УК РФ применяется всего несколько месяцев и его ошибка носит неумышленный характер. Президиум Московского областного суда «пожалел» судью, посчитал, что допущенное им нарушение закона не является столь серьезным, и отменил вынесенное в его адрес частное постановление¹.

Таким образом, с момента принятия нового закона в течение четырех месяцев федеральный судья не знал об изменениях законодательства, о которых тогда, кстати, много говорили и писали.

Как же при таких обстоятельствах предъявлять претензии обычным гражданам?!

Уголовный кодекс Российской Федерации сегодня содержит 361 статью. В других отраслях законодательства – еще больше. В административном законодательстве столько административных правонарушений – не сосчитать, не запомнить. И многие нормы законодательства устанавливают обязанности, ответственность и так далее.

Конечно, почти все граждане знают, что нельзя убивать, воровать, грабить и так далее – это многолетние, общежитийские требования. Но в то же время есть редкие составы преступлений, о которых мало кто знает. Статья 330.2 УК РФ относится к их числу.

Обсуждение и заключения

Подводя итог вышесказанному, отметим, что обозначенную нами проблему частично можно решить за счет введения административной прерогативы к отдельным составам преступлений. После привлечения к административной ответственности человек уже в любом случае будет знать о наличии уголовной ответственности за повторные действия.

И, конечно же, широкое правовое просвещение граждан – общее, индивидуальное, специальное, целевое – должно способствовать тому, чтобы люди знали законы. Пока эта работа проводится недостаточно.

В то же время очевидно, что применение принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности» зависит от конкретных обстоятельств дела, личности правонарушителя, от общественной опасности преступления, давности действия какой-либо новой нормы и от многого другого.

Об авторе: Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

email: kzn.ui.agprf@mail.ru

© Багаутдинов Ф.Н., 2020

About the author: Bagautdinov Fleur N., Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Investigation Activity and the Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Russian Federation

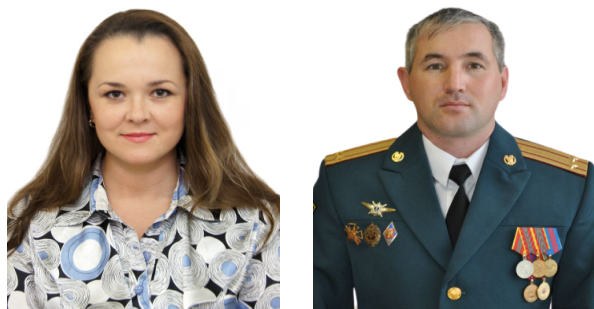
Статья получена: 19.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

¹Постановление Президиума Московского областного суда от 15 мая 2019 г. № 225// https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=28318480&_uid=8b37957c-ef88-4a65-b441-159ac9e061db&_deloid=4&_caseType=0&new=2450001&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 19.07.2020).

Е.Б. Абакумова, Р.Р. Маматов

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СЛУЖЕБНОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**LEGAL BASIS FOR PROVIDING STAFF HOUSING TO MILITARY PERSONNEL
OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Введение: в статье исследуется комплекс правовых основ нормативного регулирования порядка предоставления служебного жилого помещения военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации; отдельно рассматривается правовое регулирование вопроса определения норматива площади предоставляемого служебного жилого помещения – в части соотношения общих и специальных норм федерального законодательства и подзаконных актов разного уровня.

Материалы и методы: использована комплексная методология сочетания теоретических, логических, эмпирических методов, позволяющих провести полное исследование предмета.

Результаты исследования: на основании проведенного исследования авторы пришли к выводу, что в отношении военнослужащих, в том числе войск национальной гвардии Российской Федерации, принят и действует специальный порядок предоставления служебного жилого помещения, подкрепленный нормами федерального законодательства. Полагаем, что даже теоретическая возможность применения диспозитивного подхода, в том числе в ведомственных подзаконных нормативных правовых актах, к вопросу должного императивного закрепления Федеральным законом «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ (далее – Закон о статусе военнослужащих) порядка жилищного обеспечения их и членов их семей, а именно в части определения площади предоставляемого служебного жилого помещения, является недопустимой. Считаем необходимым нормативно исключить возможность предоставления военнослужащему служебного жилого помещения меньшей площади, чем установлено Законом о статусе военнослужащих. Научно-прикладная аргументация этого подхода, а также доводы о легитимности нормативного правового установления норматива площади предоставляемого служебного жилого помещения на уровне муниципалитетов приведены в материалах исследования.

Обсуждение и заключение: в результате научного анализа авторы пришли к заключению, что по исследуемому предмету правового регулирования приоритетное значение имеют специальные нормы федерального законодательства, устанавливающие, в том числе, социально-экономические гарантии прав военнослужащих. Проведенный анализ не является исчерпывающим и предполагает дальнейшую исследовательскую работу в избранном направлении; содержание исследования и полученные результаты могут быть использованы в последующем анализе правовых основ порядка предоставления служебного жилого помещения военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации и военнослужащим в целом, а также иных этапов динамики реализации права военнослужащего на жилье.

Ключевые слова: служебное жилое помещение; предоставление служебного жилого помещения военнослужащим; норма; норматив площади предоставления служебного жилого помещения; правовое обеспечение статуса военнослужащих; жилищное обеспечение военнослужащих; социальные гарантии прав военнослужащих

Для цитирования: Абакумова Е.Б., Маматов Р.Р. Правовые основы предоставления служебного жилого помещения военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 269 – 275. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.002

Introduction: the authors investigate legal bases for legal regulation of the procedure for providing staff housing to military personnel of the National Guard of the Russian Federation. The legal regulation of determining the standard area of the staff housing is also considered. The correlation of general and legal norms of federal legislation and by-laws is analyzed.

Materials and Methods: a comprehensive methodology of theoretical, logical, empirical methods was used to fully investigate the subject.

Results: the authors concluded that a special procedure for providing staff housing was applied and functions to military personnel of the National Guard of the Russian Federation. The authors believed that theoretical possibility of usage of the disposition principle including departmental regulatory laws and regulations to the issue of mandatory recognition by the Federal law of Russia No 76 "Status of Servicemen Act" dated 27/05/1998 the order of material support of the military personnel and their families, namely space allowance determination of staff housing is unacceptable. The authors stated that it was necessary to legally exclude corporate housing to members of the armed forces of less area according to the Status of Servicemen Act. Academic arguments to the approach and arguments on legality of the standard of space allowance of corporate housing in the municipalities were in the study.

Discussion and Conclusions: the authors come to the conclusion that special norms of federal legislation that establish, among other things, socio-economic guarantees of rights of military personnel as a result of academic analysis are of priority importance for the subject of legal regulation under study. The analysis is not exhaustive, but suggests further study in the chosen direction; the content of the study and the results obtained can be used in the subsequent analysis of the legal basis for the procedure for providing staff housing to military personnel of the National Guard of the Russian Federation and military personnel.

Keywords: service accommodation; provision of service accommodation to servicemen; norm; norm of the area of provision of service accommodation; legal provision of the status of servicemen; housing provision to servicemen; social guarantees of servicemen's rights

For citation: Abakumova E.B., Mamatov R.R. Legal Basis for Providing Staff Housing to Military Personnel of the National Guard of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 269 – 275. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.002

Введение

В связи с особым, более того – исключительным характером служебных обязанностей военнослужащих, им предоставляется комплекс социально-экономических компенсаций и гарантий, значимым в ряду которых является своевременное и достаточное (по показателям местонахождения, площади и иным) обеспечение военнослужащих жилыми помещениями. Данное является последствием – отраслевой нормативной и практической реализацией декларируемого ст. 40 Конституции Российской Федерации права каждого на жилище¹.

Предоставление служебных жилых помещений военнослужащим и членам их семей законодательно обеспечивается специальной нормой (абз. 2 п. 1 ст. 15 «Право на жилище» Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»). Статьей 15.1 этого же закона установлена норма пре-

доставления площади жилого помещения, которая составляет 18 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека (военнослужащего и лиц из состава совместно проживающих членов семьи военнослужащего)².

Обзор литературы

Основы и отдельные нюансы правового регулирования порядка предоставления служебных жилых помещений военнослужащим становятся предметом научных исследований авторов различных сфер отраслевых научно-правовых интересов – специалистов в области конституционного, военного, жилищного законодательства, а также практиков административных служб, структурных подразделений воинских частей, дирекций и других – как офицеров, так и гражданских служащих. При этом, как правило, в научных статьях авторами исследуются в большей степени имен-

¹ Конституция Российской Федерации: официальный текст: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

² О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

но отдельные нюансы предметной разработки. В частности, Е.А. Глуховым было сделано критическое заключение о законодательном установлении порядка обеспечения служебным жилым помещением военнослужащих в отсутствие четкого определения понятия «близлежащий населенный пункт», что придает механизму реализации рассматриваемой социальной гарантии военнослужащих – не абсолютный характер [1, с. 62 – 63]. В более поздней своей работе Е.А. Глухов в соавторстве с профессором В.М. Корякиным в результате анализа практики судов о праве военнослужащих на получение денежной компенсации за наем жилого помещения указывает связь права на компенсационную выплату с реализацией военнослужащим своего права в форме получения жилого помещения на постоянной основе не по месту прохождения им военной службы [2, с. 118 – 130]. В свою очередь, Корякиным В.М. в собственной авторской научной разработке были рассмотрены нормы Федерального закона «О статусе военнослужащих», закрепляющие социальные гарантии военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, и проведен анализ дифференциации данных гарантий по такому основанию, как время поступления лица на военную службу и время увольнения со службы [3, с. 20 – 23].

В аналитической части материала также представлены научно-практические выводы, сделанные профессором М.Г. Потаповым, указывающим на некоторую нестыковку муниципального нормативного правового регулирования и корреспондирующих федеральных норм, в том числе Жилищного кодекса РФ (далее ЖК РФ) и Закона о статусе военнослужащих.

Последствием рассмотрения указанных и иных авторских работ стала предпринятая нами попытка комплексного исследования основ (законодательного и подзаконного порядка) правового обеспечения вопросов предоставления служебных жилых помещений военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации с точки зрения определения теоретических и правоформирующих оснований удовлетворения потребностей в жилище данных субъектов права и членов их семей. При этом отдельно проведен анализ

нормативного закрепления и практического применения норматива площади предоставляемого жилого помещения. Сформулированные выводы предопределены, с одной стороны, постулатами – основными методологическими аксиомами общей теории права, с другой – конституционным закреплением основ и гарантий обеспечения и защиты прав военнослужащих в части предоставляемых им социально-экономических гарантий, в том числе их права на жилище.

Материалы и методы

Нормативная детализация регулирования порядка предоставления служебного жилого помещения военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации осуществляется на основании подп. 6 п. 10 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 30.09.2016 № 510, согласно которому распоряжение служебными жилыми помещениями; ведение учета военнослужащих войск национальной гвардии, не обеспеченных жилыми помещениями в населенном пункте по месту службы, осуществляется Росгвардией в целях своих полномочий. При этом абз. 25 подп. 10 п. 14 того же Положения устанавливает, что директор федеральной службы войск национальной гвардии утверждает порядок учета военнослужащих войск национальной гвардии, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в том числе в целях последующего предоставления служебного жилого помещения (первичного или повторного – с учетом изменения норм обеспечиваемой площади)¹.

Подзаконную ведомственную нормативную основу правового обеспечения порядка предоставления военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации жилых помещений специализированного жилищного фонда также составляет приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 20.05.2019 № 161 и утвержденный им Порядок².

Указанный нормативный Порядок регламентирует организацию работы в Росгвардии по предоставлению жилых помещений специализированного жилищного фонда военнослужащим – гражданам, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии.

¹О федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента РФ от 30.09.2016 № 510 (ред. от 18.03.2020). Вместе с Положением о федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.

²Об утверждении Порядка предоставления военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, федеральным государственным гражданским служащим и работникам войск национальной гвардии Российской Федерации жилых помещений специализированного жилищного фонда: приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 20.05.2019 № 161 (запер. 17.06.2019 № 54934). URL: <https://rosgvard.ru/ru/Documents/article/prikaz-federalnoj-sluzhby-vojsk-nacionalnoj-gvardii-rossijskoj-federacii-ot-20052019--161> (дата обращения: 25.04.2020).

Методологическую основу исследования, помимо комбинации общенаучных методов, составил формально-юридический метод. Данный метод применен в направлении оценки юридико-технической (с точки зрения правоустановления и правоприменения) составляющей нормативных и правоприменительных актов.

Результаты исследования

Специализированные жилые помещения предоставляются на основании решений центральной жилищной комиссии Росгвардии и иных территориальных жилищных комиссий управлений, подразделений, воинских частей и иных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации в порядке очередности, исходя из времени принятия военнослужащих и иных, а также совместно проживающих с ними членов их семей на учет.

Далее рассмотрим нормы, являющиеся правовой основой определения понятий «специализированный жилищный фонд» и «служебные жилые помещения» и их правового режима. Правила отнесения жилого помещения или комплекса жилых помещений к специализированному жилищному фонду и типовые договоры найма специализированных жилых помещений утверждены постановлением Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 (ред. от 18.07.2016). Как следует из текста постановления, служебные жилые помещения – это специализированные квартиры и отдельные комнаты, предназначенные для заселения граждан, которые в связи с характером их служебных отношений должны проживать по месту службы или вблизи от него. Жилое помещение включается в число служебных решением исполнительного органа муниципального образования. Служебные жилые помещения предоставляются гражданам в виде отдельной квартиры (ч. 1 ст. 104 ЖК РФ¹). При этом в качестве служебных могут быть использованы все жилые помещения или их часть в многоквартирном доме. Выделение под служебное жильё отдельных комнат в квартирах, в которых проживают другие собственники и (или) наниматели жилых помещений, не допускается (ст. 93 ЖК РФ², п. 5 Правил № 42³). Категории военнослужащих, которым предоставляются служебные жилые помещения, устанавливаются: органом государственной власти Российской Федерации. Договор найма жилого помещения с

военнослужащим войск национальной гвардии заключается на период прохождения службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации. На основании решения жилищной комиссии Росгвардии военнослужащему выдаётся ордер на служебное жилое помещение по форме, утверждаемой Правительством Российской Федерации.

Члены семьи военнослужащего-нанимателя, имеющие право совместного с ним проживания, не приобретают самостоятельное право пользования этим помещением; их права являются производными – организационно следующими за правом военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации, получившего служебное жилое помещение в связи с прохождением военной службы, следовательно, члены семьи вправе пользоваться помещением наравне военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации до тех пор, пока последний не утратил правовой – служебной связи с военной организацией, предоставившей это помещение (с Росгвардией). Лица, проживающие в служебных жилых помещениях, не обладают рядом полномочий, которые предоставлены гражданам, пользующимся помещением в домах государственного и общественных жилищных фондов по договору найма. Так, граждане, проживающие в служебных жилых помещениях, не вправе сдавать эти помещения в поднаём, обменивать (в том числе на другое служебное), бронировать, изменять договор найма служебного жилого помещения по требованию членов семьи нанимателя. Служебные помещения не подлежат разделу.

Увольнение со службы представляет собой основание для прекращения договора найма служебного жилого помещения. Названное, по сути, является основными правовыми нормами, определяющими понятийный и правоустанавливающий базис отношений по предоставлению служебного жилого помещения военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации и конечного следствия прекращения соответствующих правоотношений, регулируемых, по сути, с сочетанием комплексной – частноправовой и публично-правовой методологии, с последствием выселения из служебного жилого помещения⁴. Данный аспект будет исследован авторами в последующих статейных материалах.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть I). Ст. 14.

² Там же.

³ Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений: постановление Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 (ред. от 18.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 6. Ст. 697.

⁴ Там же.

В связи с определением комплекса правовых основ предоставления служебного жилого помещения военнослужащему и членам его семьи авторами рассматривается проблематика определения нормы площади предоставления жилого помещения, к которой отсылает ст. 50 Жилищного кодекса РФ, такую норму точно не закрепляющая, а указывающая на норму предоставления площади жилого помещения по договору социального найма¹. При этом, как уже было сказано выше, такой норматив предоставления площади жилого помещения по договору социального найма устанавливается актом органа местного самоуправления. Например, в городе Новосибирске норма предоставления площади жилого помещения по договору социального найма установлена в размере не менее 15 кв. м общей площади жилого помещения на каждого члена семьи². Аналогичный размер норматива действует, например, в Красноярске³; а вот в Барнауле установлен более высокий норматив - 16 кв. м общей площади на одиноко проживающего гражданина⁴.

Как мы видим, норматив, установленный федеральным законом о статусе военнослужащих, с формальной точки зрения не соответствует нормативу, установленному на муниципальном уровне – актами соответствующего уровня (более низкой юридической силы, по территориальному принципу и по критерию принимающего органа нормотворчества). При этом, конечно, рассматриваемые нормативные акты муниципальных органов власти являются легитимными – приняты на основании требований ч. 2 ст. 50 ЖК РФ, закрепляющей за органом местного самоуправления право определять норму предоставления площади жилого помещения по договору социального найма⁵, и применяются длительное время.

Профессор М.Г. Потапов указывает на нестыковку описанного нормативного правового положения, урегулированного на уровне муниципалитетов, с правилом федеральной законодательной нормы ч. 8 ст. 5 ЖК РФ, которой закреплено, что в случае несоответствия норм федеральных законов и иных нормативных правовых актов (в том числе органов местного самоуправления) применяются нормы федерального законодательного

уровня. М.Г. Потаповым указывается на логичность необходимости внесения изменения в п. 1 ст. 15.1 Закона о статусе военнослужащих, приводящего его в соответствие с ч. 2 ст. 50 ЖК либо внесения соответствующего изменения в ч. 2 ст. 50 ЖК РФ.

Вышеназванным нормативным Порядком предоставления военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации жилых помещений специализированного жилищного фонда, утвержденным приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 20.05.2019 № 161, сделан также ряд отсылок к ст. 15.1 Закона о статусе военнослужащих, как было указано М.Г. Потаповым [4, с. 200-205], вступающей в части установленной нормы предоставления в формальный резонанс с нормами муниципального уровня власти.

Обсуждение и заключения

Как установлено ч. 5 Раздела I рассматриваемого Порядка, в случае невозможности предоставления военнослужащим и членам их семей специализированных жилых помещений по нормам предоставления при их согласии могут предоставляться меньшие по площади специализированные жилые помещения. И здесь, действительно, мы видим явное противоречие данной нормативной диспозиции Порядка, утвержденного приказом Росгвардии, являющимся подзаконным, более того, ведомственным нормативным правовым актом, – императивной норме ст. 15.1 ФЗ о статусе военнослужащих, которая по своей правовой сути императивна и предоставляет военнослужащим однозначную гарантию определенного порядка жилищного обеспечения их и членов их семей. Считаем, что названное несоответствие нуждается в устранении путем внесения изменения в текст Порядка, утвержденного приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 20.05.2019 № 161, исключающего возможность предоставления военнослужащему служебного жилого помещения меньшей площади, чем установлено Законом о статусе военнослужащих.

Что же касается подчеркнутого профессором М.Г. Потаповым несоответствия нормы закона о

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть I). Ст. 14.

² О Положении о порядке управления и распоряжения муниципальным жилищным фондом города Новосибирска: Решение городского Совета Новосибирска от 28.09.2005 № 94 (ред. от 24.04.2013). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2020).

³ Об установлении нормы предоставления площади жилого помещения муниципального жилищного фонда по договору социального найма и учетной нормы площади жилого помещения на территории г. Красноярска: постановление администрации г. Красноярска от 14.04.2005 № 192 URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/krasnoiarisk/118504/> (дата обращения: 25.04.2020).

⁴ Об установлении учетной нормы и нормы предоставления площади жилого помещения по договору социального найма в г. Барнауле: решение Барнаульской городской думы от 27.02.2006 №294 (ред. от 30.08.2019) URL: <http://docs.cntd.ru/document/438947852> (дата обращения: 25.04.2020).

⁵ Жилищный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть I). Ст. 14.

статусе военнослужащих в части установления норматива предоставления площади служебного жилого помещения установлениям муниципальных норм разных территорий [4, с. 200-205], мы приходим к выводу, что в этом аспекте противоречие отсутствует. Действительно, проведенный в настоящей статье анализ некоторых нормативных основ предоставления военнослужащим служебных жилых помещений свидетельствует о неполном соблюдении общеправового принципа свойств нормативного акта порождать правовые последствия – в части соотношения актов различного нормативного уровня по юридической силе. Описанное коллегой положение дел отчасти демонстрирует проявление нарушений юридической техники в нормотворчестве и правоприменении этой сферы законодательства и является примером правотворческой сущности правоприменения. А именно на практике: применение ч. 4.2 Раздела 4 «Норма предоставления и учетная норма площади жилого помещения» Положения о порядке управления и распоряжения жилищным фондом, находящимся в собственности муниципального образования города Новосибирска, утвержденного решением городского Совета от 28.09.2005 № 94, и иных муниципальных актов схожего предмета регулирования происходит во всех случаях, когда имеются основания для заключения договора социального найма для предоставления служебного жилого помещения федеральным государственным гражданским служащим, государственным гражданским служащим субъектов Российской Федерации и работникам, в том числе разных категорий войск, но при этом, что принципиально, не военнослужащим. Если же служебное жилое помещение предоставляется гражданину, имеющему статус военнослужащего, то данное предоставление осуществляется по нормативу, установленному ст. 15.1 Закона о статусе военнослужащих как специальной нормой.

Более того, стоит отметить, что ч. 4.2 Раздела 4 «Норма предоставления и учетная норма пло-

щади жилого помещения» Положения о порядке управления и распоряжения жилищным фондом, находящимся в собственности муниципального образования города Новосибирска, утвержденного решением городского Совета от 28.09.2005 № 94, установлено, что норма предоставления площади жилого помещения по договору социального найма – не менее 15 кв. м общей площади жилого помещения на каждого члена семьи, то есть «15 квадратных метров» и схожие нормативы местного уровня установления, закреплены в качестве именно минимального норматива, что вполне соотносится с легитимной возможностью предоставления служебного жилого помещения меньшей площади (менее 18 кв. м), что урегулировано Порядком, утвержденным приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 20.05.2019 № 161. Отмеченное демонстрирует все возрастающую роль практики применения норм в деле уточнения порядка правоприменения отдельных основоположений законодательства и подзаконных норм, в том числе в части регулирования правоотношений по предоставлению служебного жилого помещения военнослужащим в целом и военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации в частности. Наличие специальных норм правового обеспечения статуса военнослужащих и их приоритетная юридическая сила над нормами общими, регулирующими сопредельные предметы и правоотношения, – предопределено именно специальным характером и содержанием их особого исключительного правового статуса. Однако иерархия по действию и юридической силе внутри законодательства, условно рассматриваемого в качестве системы норм, обеспечивающих статус военнослужащих, его отдельные элементы и прочее – нуждаются в более детальной нормативной, правоприменительной проработке и уточнении, что оптимально для осуществления с учетом комплексного теоретического подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухов Е.А. К вопросу о критериях отнесения населенного пункта к категории близлежащего при предоставлении военнослужащим служебных жилых помещений // *Право в Вооруженных Силах*. 2010. № 8. С. 62 – 63.
2. Глухов Е.А., Корякин В.М. Получение постоянного жилья в избранном месте жительства как основание утраты права на служебное жилье по месту военной службы: дискуссионные вопросы // *Военное право*. 2019. № 1 (53). С. 118 – 130.
3. Корякин В.М. Зависимость объема жилищных гарантий военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, от времени их поступления на военную службу и увольнения с военной службы // *Право в Вооруженных Силах*. 2014. № 1 (199). С. 20 – 23.
4. Потапов М.Г. Правовые проблемы обеспечения военнослужащих жилыми помещениями // *Военное право*. 2019. № 1 (53). С. 200 – 205.

REFERENCES

1. Gluhov E.A. K voprosu o kriteriyah otneseniya naselennogo punkta k kategorii blizlezhazhego pri predostavlenii voennosluzhashchim sluzhebnyh zhilyh pomeshchenij // Pravo v Vooruzhennyh Silah. 2010. № 8. S. 62 – 63.
2. Gluhov E.A., Koryakin V.M. Poluchenie postoyannogo zhil'ya v izbrannom meste zhitel'stva kak osnovanie utraty prava na sluzhebnoe zhil'e po mestu voennoj sluzhby: diskussionnye voprosy // Voennoe pravo. 2019. № 1 (53). S. 118 – 130.
3. Koryakin V.M. Zavisimost' ob"ema zhilishchnyh garantij voennosluzhashchih i grazhdan, uvolennyh s voennoj sluzhby, ot vremeni ih postupleniya na voennuyu sluzhbu i uvol'neniya s voennoj sluzhby // Pravo v Vooruzhennyh Silah. 2014. № 1 (199). S. 20 – 23.
4. Potapov M.G. Pravovye problemy obespecheniya voennosluzhashchih zhilymi pomeshcheniyami // Voennoe pravo. 2019. № 1 (53). S. 200 – 205.

Об авторах:

Абакумова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН

email: civilization1981@mail.ru

Маматов Ринат Рахматуллович, преподаватель кафедры гражданского права Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

email: maamatov@bk.ru

© Абакумова Е.Б., 2020

© Маматов Р.Р., 2020

About the authors:

Abakumova E. B., Candidate of Law (Research Doctorate), Associate Professor of Civil Law of the Novosibirsk Military Institute Named After General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Senior Researcher of Social and Legal Research of the Juridical and Philosophy Institute in Siberian Department of Russian Academy of Sciences

email: civilization1981@mail.ru

Mamatov R.R., Lecturer of Civil Law of the Novosibirsk Military Institute Named After General of the Army I.K. Yakovlev of The National Guard of The Russian Federation

email: maamatov@bk.ru

Статья получена: 14.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Абакумова Екатерина Борисовна – сбор, обобщение и анализ теоретического и эмпирического материала, постановка научных задач, формирование выводов.

Маматов Ринат Рахматуллович – подготовка рабочего варианта текста, поиск научного материала, доработка текста, оформление статьи по установленным требованиям.

УДК 342.951

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.003

В.Ф. Саетгараев

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ВОПРОСАМ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

**MAIN DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF LEGISLATION IN
INTERACTION OF THE INTERNAL AFFAIRS AND CIVIL
SOCIETY ORGANIZATIONS IN ANTI-CORRUPTION**

Введение: в рамках статьи обозначены основания объединения усилий органов внутренних дел и институтов гражданского общества в процессе противодействия коррупции. Акцентируется внимание на незадействованном потенциале указанных в антикоррупционном законе общественных комиссий, мерах по минимизации (ликвидации) последствий коррупции, сущность которых законом не раскрыта.

Материалы и методы: материалами исследования послужили международные и отечественные антикоррупционные правовые акты, статистические сборники о состоянии преступности и научные труды. Методологической основой исследования является общенаучный диалектический метод познания социальных явлений, также использованы частные научные методы анализа и синтеза, теоретического моделирования, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-логический методы и метод юридической интерпретации.

Результаты исследования: выработаны рекомендации по внесению изменений в антикоррупционное законодательство и разработке ведомственного нормативного правового акта.

Обсуждение и заключения: предлагается законодательно закрепить общественные комиссии в качестве субъектов общественного контроля с правом проведения общественных расследований, предложен перечень мер по минимизации (ликвидации) последствий коррупции, обоснована необходимость принятия инструкции по организации совместной деятельности органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: органы внутренних дел; институты гражданского общества; взаимодействие и сотрудничество; противодействие коррупции; общественный контроль; общественные комиссии; общественное расследование; социально-негативные последствия коррупции

Для цитирования: Саетгараев В.Ф. Основные направления модернизации законодательства в сфере взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества по вопросам противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 276 - 283. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.003

Introduction: the author outlines the grounds for combining the efforts of the internal affairs bodies and civil society organizations in combating corruption, focuses his attention on the untapped potential of the public commissions specified in the anti-corruption law, measures to minimize (eliminate) the consequences of corruption, the essence of which is not disclosed by law.

Materials and Methods: the study materials were international and Russian anti-corruption legal acts, statistical collections on the state of crime and academic works. The methodological basis of the study was both a general academic dialectical method of cognition of social phenomena, and academic methods of analysis and synthesis, theoretical modeling, comparative legal, historical legal, logical and legal interpretation.

Results: the author recommended to amend anti-corruption legislation and develop a departmental regulatory legal act.

Discussion and Conclusions: it is proposed to legislatively consolidate public commissions as subjects of public control with the right to conduct public investigations, a list of measures to minimize (eliminate) the consequences of corruption is proposed, the necessity of adopting instructions on organizing joint activities of the internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption is justified.

Key words: internal affairs bodies; civil society institutions; interaction and cooperation; anti-corruption; public control; public commissions; public investigation; socially negative consequences of corruption

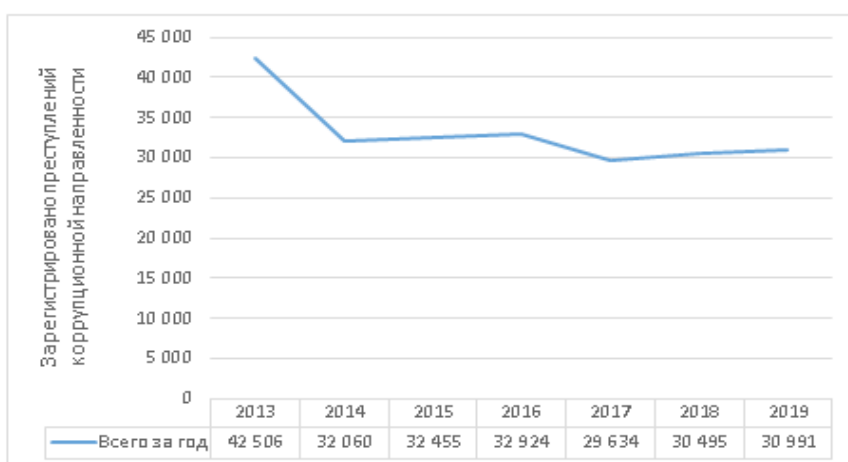
For citation: Saetgaraev V.F. Main Directions of Modernization of Legislation in Interaction of the Internal Affairs Bodies and Civil Society Organizations in Anti-Corruption // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 276 -283. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.003

Введение

Экспертный анализ программных идей политических партий Государственной Думы РФ относительно уголовной политики государства свидетельствует о том, что существуют «различные подходы в оценке и методов и средств ее реализации, но у всех партий прослеживается единство в понимании необходимости противодействия коррупционным преступлениям в российском обществе» [1, с. 122].

Согласно статистическим данным о зарегистрированных преступлениях коррупционной направленности¹, с 2014 года по 2017 год наблюдается снижение коррупционной преступности, что может быть объяснено высоким уровнем ее латентности, однако уже с 2018 года отмечается рост абсолютных показателей зарегистрированных преступлений на 2,9 % (30 495), в 2019 году на 1,6 % (30 991), и в дальнейшем эта тенденция сохраняется (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика коррупционной преступности в 2013-2019 гг.
Table 1. Corruptional Dynamics (2013-2019)

Обзор литературы

Важными теоретическими предпосылками исследования гражданского общества в контексте партнерской модели взаимодействия с государством явились классические труды Л. Фейрбаха, Л. Блана, П. Прудона, Ф. Лассалья и российских мыслителей М. Бакунина, П. Кропоткина.

Современные теории взаимовлияния и партнерства государства и гражданского общества представлены в работах зарубежных авторов: Э. Арато, Х. Арентс, Э. Гидденса, Д. Грина, Дж. Кина, Дж.Л. Коэна, Шумпетера, А. Эдвардса и др. Участию гражданского общества в противодействии коррупции посвящены работы А.С. Автономова, Н.А. Головановой, О.И. Семькиной, Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой, А.М. Цирина и др.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования выступили положения действующего международного и национального антикоррупционного законода-

тельства, работы зарубежных и отечественных ученых по анализу практики реализации мер, минимизирующих коррупционные факты в структуре государственного и муниципального управления, статистические и аналитические сборники.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания социальных явлений, позволяющий исследовать их в динамике и взаимосвязи. Автором также были использованы такие методы, как анализ и синтез, теоретическое моделирование, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-логический и юридической интерпретации.

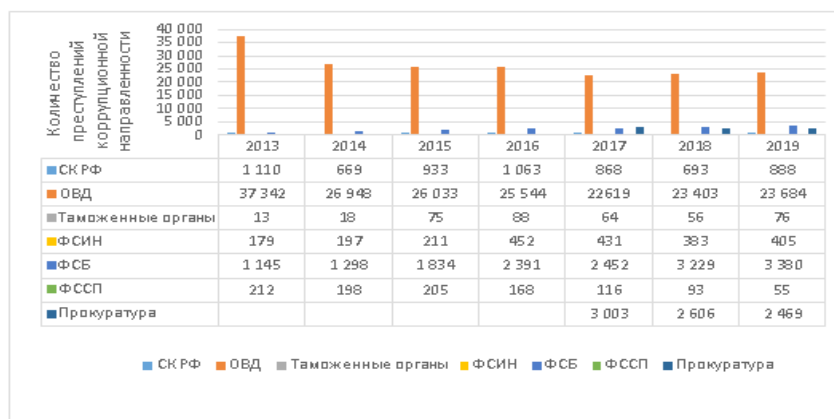
Результаты исследования

Законодательно определены ключевые субъекты противодействия коррупции: органы государственной власти, местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица². Основную нагрузку по выявлению коррупционных преступлений несут органы внутренних дел (см. табл. 2).

¹О состоянии преступности России за январь-декабрь 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 28.04.2020).

²См.: О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ п. 2 ст. 1 // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

Таблица 2. Участие правоохранительных органов в выявлении преступлений коррупционной направленности¹
Table 2. Law Enforcement Bodies Activity in Fight Against Corrupt Crimes

В ходе исследований ученые получили данные о «парадоксальной ситуации, при которой последствия коррупции вызывают у соотечественников тревогу более сильную, нежели сама коррупция, представляющая их причину» [2, с. 37]. Коррупция представляет собой сложное, многоаспектное социальное явление, оказывающее негативное влияние на различные сферы жизни государства и общества [3, с. 35], она беспокоит общество и отражается в социально-негативных последствиях, среди которых особо следует выделить такие, как подрыв доверия населения к институтам государственной власти; подрыв положительного имиджа России на международной арене; подрыв режима законности в РФ и формирование чувства незащищенности у граждан; расшатывание нормального механизма государственного управления; при огромных ресурсных и иных возможностях РФ коррупция не позволяет планомерно развиваться стране.

Эксперты отмечают, что «многие российские граждане скептически оценивают антикоррупционное законодательство, не верят в его эффективность, набирает силу правовой нигилизм, растет социальная напряженность» [4, с. 125]. Мы согласны с экспертным выводом, что «в социально-политическом понимании коррупция воспринимается в качестве объективного показа-

теля неэффективности системы государственного управления и степени зрелости гражданского общества» [2, с. 24]. Мнение представителей общественных организаций также состоит в том, что России требуется сильное государство для поддержания единства этнокультурно, экономически и социально многообразного пространства: «можно и нужно бороться с конкретными злоупотреблениями и несправедливостью, с бюрократией и отдельными чиновниками, но поступательное движение возможно путем конструктивных споров, кропотливой и тщательной работы, постепенно меняющих устройство государственных институтов и мировоззрение граждан»².

Среди основных направлений по повышению эффективности противодействия коррупции в антикоррупционном законе предусмотрено создание механизма взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества. Учитывая их роли в противодействии коррупции, можно выделить следующие основания совместной деятельности в данной сфере:

юридические – международные³ и национальные⁴ нормативные правовые акты в сфере противодействия коррупции регламентируют взаимодействие органов государственной власти с гражданами и институтами гражданского общества, а также формирование и совершенствование

¹ О состоянии преступности России за январь–декабрь 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 29.03.2020).

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации. 2017. С. 85.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) и др.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ, Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ, О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ, Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ, Об основах общественного контроля в РФ: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ и др.

данного организационно-правового механизма. Федеральный закон «О полиции»¹ напрямую устанавливает принцип взаимодействия и сотрудничества полиции с общественными объединениями, организациями и гражданами;

экономические – обеспечение экономической безопасности нашей страны представляет собой комплекс правовых и организационных мер по защите законных экономических интересов государства, частных и общественных организаций, а также отдельных граждан, предусматривающий объединение ресурсов всего общества для достижения указанных целей. Отдельные авторы справедливо замечают, что «тенденция усиления и увеличения масштабов проявления коррупции ведет к неэффективному распределению и расходованию государственных средств и ресурсов в экономике, снижению объемов собираемых налогов, повышению уровня «зарегулированности» экономики и т.д.» [5, с. 74]. Теневой оборот средств, полученных в результате совершения коррупционных преступлений, причиняет серьезный ущерб использованию национальных ресурсов;

организационные – учитывая различные индикаторы уровня коррупции, сложно точно оценить ее масштабы; имея дело с коррупционной преступностью, мы отмечаем не просто латентность данного явления, а сверхлатентность. Значительная часть коррупционных преступлений выявляется такими правоохранительными инструментами, как уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельности, в ходе которых информация о преступлениях поступает от самого широкого круга лиц. Решение задач оперативно-розыскной деятельности без помощи социально активных граждан практически невозможно [6], особенно при раскрытии латентных преступлений. Как отмечают специалисты, «именно в ходе оперативно-розыскной деятельности собирается исчерпывающая информация, позволяющая доказать событие преступления и виновность субъекта» [7, с. 164]. От руководителя ОВД требуется способность по налаживанию конструктивного диалога с общественностью для оперативного получения информации в сфере противодействия коррупции и принятия эффективных мер по ее нейтрализации;

исторические – взаимодействие правоохранительных структур с общественностью прослеживается и в исторической ретроспективе с положительными примерами. Советский период развития нашего общества представляет такую форму вза-

имодействия, как «народный контроль», который к тому же был урегулирован законом СССР от 30 ноября 1979 года № 49 «О народном контроле в СССР»². Народные контролирующие органы были уполномочены осуществлять контроль исполнения различных плановых заданий, планов государства экономического и социального развития, они следили за использованием резервов народного хозяйства, осуществляли борьбу с нарушениями государственной дисциплины, проявлениями местничества и ведомственного подхода, бесхозяйственностью, расточительством, волокитой и бюрократизмом, а также с попытками обмана государства и посягательством на социалистическую собственность³.

Несмотря на широкое использование в отечественном законодательстве термина «институты гражданского общества», до настоящего времени это понятие четко не раскрыто. Формулировку данного термина наиболее точно выразил Ю.А. Тихомиров: «Институт гражданского общества – это обусловленный конституционными принципами народовластия и приоритета прав и свобод человека и гражданина структурно-правовой способ легального самовыражения и социализации личности; способ непосредственного выражения мнений, предложений, позиций граждан по вопросам общественной жизни; способ прямого участия в принятии социально значимых решений» [8, с. 39]. Взаимодействие государства с институтами гражданского общества закреплено законом о противодействии коррупции в качестве принципа противодействия коррупции. Среди основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, предусмотренных законом, является создание механизма взаимодействия правоохранительных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества. Учеными отмечается, что пока механизм данного взаимодействия до сих пор не выработан и во многом декларативен. Для улучшения ситуации требуется, с одной стороны, повышение уровня правовой культуры у граждан и государственных служащих, с другой – совершенствование качества правотворчества [4, с. 104].

Следует отметить, что важным элементом рассматриваемого механизма является способ получения коррупционной информации компе-

¹См. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ ст. 10 // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7, ст. 900.

²О народном контроле в СССР: закон СССР от 30.11.1979 // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49 (2019), ст. 840.

³34 года назад в СССР был принят закон о народном контроле, который Борис Ельцин упразднил из чувства обиды. URL: <https://pravo.ru/news/view/95207/> (дата обращения: 25.08.2020).

тентными государственными организациями от неограниченного круга лиц. Законодательно установленным инструментом участия общественности в антикоррупционной политике является общественный контроль. Аналитики отмечают, что пока социальный эффект общественного контроля недостаточен, выделяя проблему недостаточной определенности понятийного аппарата в действующем Федеральном законе «Об основах общественного контроля в РФ»¹, что «препятствует системному совершенствованию правовых основ организации и осуществлению общественного контроля»². Особо следует обратить внимание на незадействованный потенциал в противодействии коррупции предусмотренных законом общественных комиссий, сущность которых законодателем не раскрыта. Одновременно с общественными комиссиями законодатель указывает парламентские комиссии, деятельность которых регламентирована Федеральным законом «О парламентском контроле»³, в котором среди субъектов парламентского контроля указаны парламентские комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, осуществляемого в порядке, установленном Федеральным законом «О парламентском расследовании Федерального Собрания РФ»⁴.

Предполагается, что общественные комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения общественного расследования, формируются институтами гражданского общества в рамках осуществления общественного контроля и руководствуются законом об основах общественного контроля, который предусматривает осуществление общественного контроля как в формах, предусмотренных законом, так и в иных формах. Хотя в тексте закона напрямую не говорится о формировании общественной комиссии, однако предусмотрено, что для осуществления общественного контроля могут создаваться иные организационные структуры.

Среди форм осуществления общественного контроля отсутствует прямое упоминание об общественном расследовании, но оговаривается, что он может проводиться в других формах при отсутствии противоречий закону. Соответственно, деятельность общественных комиссий, как и парламентских, должна воплощаться в форме об-

щественных расследований путем сбора информации о коррупционных проявлениях, подготовки полученных сведений для досудебной проверки, формировании экспертного мнения и передачи собранных материалов в правоохранительные органы для принятия процессуального решения либо проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Если основные меры по профилактике коррупции закреплены в законе, то меры по минимизации (ликвидации) последствий коррупции законом не раскрыты, их перечень, процедура применения не конкретизируются, но предусматривается, что данные меры напрямую взаимосвязаны с профилактическими мерами. По оценкам специалистов, «возмещение вреда от коррупционной деятельности продолжает оставаться слабым местом отечественной правоприменительной практики» [2, с. 220]. Многие из указанных мер описываются в национальных планах противодействия коррупции и планах по противодействию коррупции государственных и муниципальных организаций. Однако следует отметить, что данные меры также взаимосвязаны с мерами борьбы с коррупционными правонарушениями, поскольку последствия коррупции проявляются именно после совершения преступлений данной категории и требуют уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер воздействия. М.Н. Козюк справедливо отмечает, что «в законодательстве о противодействии коррупции содержится правовой пробел в виде неурегулированности правового института «минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений», который требует своего скорейшего преодоления» [9, с. 388].

Мы согласны с мнением, что минимизация социальных последствий правонарушений коррупционной направленности предполагает «деятельность органов государственной власти и управления, институтов гражданского общества в пределах их полномочий, которая представляет концептуально и научно обоснованную стратегию и тактику использования совокупности мер организационного, технического, правового, социального, экономического и иного характера, а также сокращения масштабов и уменьшения тяжести вреда, причиняемого коррупционными правонарушениями» [10]. Исходя из положений правовой доктрины, к мерам по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупции следует отнести:

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.07.2014. № 30 (Часть I). ст. 4213.

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. С. 66-65.

³ О парламентском контроле: Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 13.05.2013. № 19. ст. 2304.

⁴ О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.01.2006. № 1, ст. 7.

увольнение (освобождение от должности) лиц в связи с утратой доверия;

включение в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, бессрочно;

возмещение вреда, причиненного коррупционным правонарушением;

правовую и социальную защиту лиц, участвующих в борьбе с коррупцией (сообщающих о фактах коррупции);

обращение незаконно нажитого имущества в доход государства;

конфискацию имущества в собственность государства¹:

- полученного в результате совершения коррупционного правонарушения;

- полученного в результате совершения коррупционного правонарушения, если доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

- полученного в результате совершения коррупционного правонарушения и предназначенного для использования или финансирования иной преступной деятельности;

- а также средств совершения коррупционного правонарушения².

Полагаем, что со стороны государства требуются разработка и применение мер по минимизации (ликвидации) последствий коррупции с использованием возможностей общественных расследований, позволяющих объективно исследовать причины и условия коррупционных проявлений используя потенциал гражданского общества.

Федеральный закон «О полиции», устанавливая взаимодействие и сотрудничество полиции в качестве принципа организации деятельности полиции, не в полной мере конкретизирует его разнообразные аспекты и направления. Ранее действовавшая Концепция совершенствования взаимодействия подразделений системы МВД России со средствами массовой информации и институтами гражданского общества³ определяла цели, задачи и основные направления совершенствования взаимодействия ОВД со средствами массовой информации, политическими партиями, религиозными и иными институтами гражданского общества. После прекращения ее действия новой концепции до настоящего времени пока не приня-

то. Как следствие – возникает множество вопросов во взаимоотношениях субъектов по формам, методам, критериям оценки, ресурсам совместной деятельности в сферепротиводействия коррупции. В механизме взаимодействия и сотрудничества ОВД с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции необходимо разработать оптимальные количественные и качественные индикаторы и показатели совместной работы: количество совместных мероприятий (обсуждений отдельных направлений, форумов, конференций, брифингов и т.д.); результаты совместной деятельности (проведенных доследственных проверок, возбужденных и расследованных уголовных дел, освобождение от должности государственных служащих в связи с утратой доверия и т.п.); количество публикаций и передач в СМИ; количество принятых совместных документов (программ, планов, концепций, учебных пособий и т.д.); экспертные мнения (заключения); общественное мнение (результаты социологических исследований).

Таким образом, можем отметить необходимость принятия ведомственного документа, устанавливающего роль ОВД при осуществлении сотрудничества с институтами гражданского общества, который регламентировал бы порядок представления материалов общественных антикоррупционных расследований в ОВД, их рассмотрения и принятия по ним решений (о проведении доследственных, проверочных или оперативно-розыскных мероприятий, возбуждении уголовного дела, передаче материалов по подведомственности).

Обсуждение и заключения

Руководствуясь рассмотренными правовыми пробелами законодательства, предусматривающего вопросы взаимодействия и сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции, считаем необходимым:

1. Разработать количественные и качественные критерии оценки эффективности и порядок совместной деятельности ОВД и институтов гражданского общества, формы и методы, закрепив их приказом МВД России «Об утверждении инструкции о порядке взаимодействия и сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции».

¹ Уголовным кодексом РФ конфискация имущества предусмотрена как мера уголовно-правового принуждения, в том числе по преступлениям коррупционной направленности, кроме ч. 3 ст. 159 УК РФ. Как мера уголовного наказания – конфискация имущества исключена из системы наказаний. Допускается конфискация имущества, переданного преступником иному лицу и иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации.

²Несоответствие расходов официально задекларированным доходам следует обратить в доход государства имущество, в отношении которого не представлено сведений о приобретении на законный доход.

³Была утверждена приказом МВД России от 01.01.2009 № 1 «Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества на 2009-2014 годы», который утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 23.01.2016 № 34 «О признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России».

2. Внести изменения в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в РФ»:

- дополнить часть 2 статьи 9 «Субъекты общественного контроля» пунктом 4 «общественные комиссии»;

- статью 15 изложить в следующей редакции: «Общественные инспекции, общественные комиссии и группы общественного контроля»;

- часть 1 статьи 18 «Формы общественного контроля» изложить в следующей редакции: «Общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, общественного расследования, в иных формах ...».

3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» дополнить статьей 6.1 «Меры по мерам по минимизации (ликвидации) последствий коррупции».

Реализация указанных инициатив позволит повысить эффективность противодействия коррупции путем совершенствования взаимодействия и сотрудничества ОВД с институтами гражданского общества, обозначить новые области совместной деятельности и укрепить доверие граждан к институтам государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конев А.Н. Идеи парламентских партий об уголовном судопроизводстве в современной России // Труды Академии управления. 2018. № 3 (47). С 118 – 123.
2. Хабриева Т.Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография. М.: Юриспруденция. 2012. 688 с.
3. Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2016. 384 с.
4. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / Т.А. Едкова, О.А. Иванюк, Ю.А. Тихомиров и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС». 2013. 160 с.
5. Иноземцева Л.Н. Экономические последствия коррупции // Преодоление коррупции – главное условие утверждения правового государства / под ред. А.И. Комарова. М., 2009. Т. 1 (39). 576 с.
6. Павличенко Н.В. Взаимодействие оперативно-разыскных органов и населения: правовые и теоретические проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4 (39). С. 92 – 96.
7. Конев А.Н. Идеологические основы «обвинительной власти» в досудебном производстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3 (42). С. 101 – 105.
8. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35 – 44.
9. Козюк М.Н. Минимизация последствий коррупции как проблема законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2016. С. 386 – 388.
10. Афанасьева О.Р. Минимизация последствий коррупционных правонарушений: понятие, содержание, основные направления // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 5 (1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/minimizatsiya-posledstviy-korrupsionnyh-pravonarusheniy-ponyatie-soderzhanie-osnovnye-napravleniya.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).

REFERENCES

1. Konev A.N. Idei parlamentskih partij ob ugovolnom sudoproizvodstve v sovremennoj Rossii // Trudy Akademii upravleniya. 2018. № 3 (47). S 118 – 123.
2. Habrieva T.YA. Korrupciya: priroda, proyavleniya, protivodejstvie: monografiya. M.: YUrisprudenciya. 2012. 688 s.
3. Ivanov S.B., Habrieva T.YA., Chihanchin YU.A. Protivodejstvie korrupcii: novye vyzovy: monografiya / pod red. T.YA. Habrievoj. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M. 2016. 384 s.
4. Uchastie institutov grazhdanskogo obshchestva v bor'be s korrupciej: nauchno-prakticheskoe posobie / T.A. Edkova, O.A. Ivanyuk, YU.A. Tihomirov i dr.; отв. red. YU.A. Tihomirova. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii / ООО «POLIGRAF-PLYUS»; 2013. 160 s.
5. Inozemceva L.N. Ekonomicheskie posledstviya korrupcii // Preodolenie korrupcii – glavnoe uslovie utverzhdeniya pravovogo gosudarstva / pod red. A.I. Komarova. M., 2009. T. 1 (39). 576 s.
6. Pavlichenko N.V. Vzaimodejstvie operativno-razysknyh organov i naseleniya: pravovye i teoreticheskie problemy // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 4 (39). S. 92 – 96.
7. Konev A.N. Ideologicheskie osnovy «obvinitel'noj vlasti» v dosudebnom proizvodstve // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 3 (42). S. 101 – 105.
8. Tihomirov YU.A. Grazhdanskoe obshchestvo v fokuse prava // ZHurnal rossijskogo prava. 2013. № 10. S. 35 – 44.
9. Kozyuk M.N. Minimizaciya posledstvij korrupcii kak problema zakonodatel'stva v sfere obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 11. CH. 1. M.: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. 2016. S. 386 – 388.

10. Afanas'eva O.R. Minimizaciya posledstvij korrupcionnyh pravonarushenij: ponyatie, sodержanie, osnovnye napravleniya // Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskiy zhurnal. 2016. № 5 (1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/minimizatsiya-posledstviy-korrupcionnyh-travonarusheniy-ponyatie-soderzhanie-osnovnye-napravleniya.pdf> (data obrashcheniya: 25.08.2020).

Об авторе: Саегараев Вильсур Фирдависович, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
email: vilson78@list.ru

© Саегараев В.Ф., 2020

About the author: Saetgaraev Vilsur F., Lecturer at the Department of Investigation of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: vilson78@list.ru

Статья получена: 22.08.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

«Социология России в лицах: история и современность»

Вышло в свет энциклопедическое издание «Социология России в лицах: история и современность» (председатель редсовета – директор ФНИСЦ РАН, академик РАН М.К. Горшков), подготовленное сотрудниками Федерального социологического центра РАН совместно с Российским обществом социологов и издательством «Весь Мир».

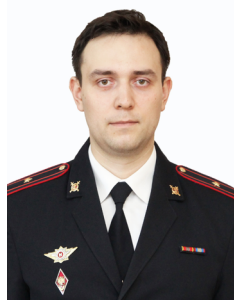
В этом уникальном издании, приуроченном к 60-летию возрождения отечественной социологии и 50-летию создания Института социологии РАН, впервые в истории отечественной социологии собрана масштабная био-библиографическая информация о более 1000 ученых-обществоведов, внесших вклад в развитие социологической науки, выделены достижения не только известных на общероссийском уровне ученых, но и представителей региональной социологии, обозначены темы практически всех проведенных когда-либо в нашей стране социологических исследований.

В работе представлены основные труды и вехи биографии доктора социологических наук, профессора кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России Юрия Юрьевича Комлева.

УДК 343.9

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.004

Р.Р. Абдулганеев

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

DERADICALIZATION AS A MEANS OF PREVENTING RELIGIOUS EXTREMISM

Введение: в статье рассматриваются актуальные правовые и организационные подходы к проблеме преодоления влияния идеологии религиозного экстремизма на этапах допреступного поведения личности. В рамках статьи раскрываются особенности дерадикализации личности как перспективного направления раннего предупреждения религиозного экстремизма, а также предлагаются правовые средства ее реализации.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили нормы действующего российского законодательства, нормативные правовые акты Федеративной Республики Германии, Австрийской Республики в сфере противодействия религиозному экстремизму, статистические данные ГИАЦ МВД России о количественных и качественных показателях преступлений экстремистской направленности, а также опубликованные материалы судебной практики о преступлениях экстремистской направленности.

Методика исследования основана на диалектическом подходе, в качестве частных научных методов применялись статистический, сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования: в статье проводится анализ современного состояния преступлений экстремистской направленности, совершенных по мотивам религиозной ненависти или вражды. На основе анализа полученных результатов обосновывается гипотеза о необходимости интегрирования в отечественную систему антиэкстремистской деятельности мер по дерадикализации личности как наиболее перспективного средства раннего предупреждения религиозного экстремизма на этапах допреступного поведения личности.

Обсуждение и заключения: по мнению автора статьи, дерадикализация представляет собой комплекс правовых, социальных, психолого-психиатрических мер, направленных на добровольную коррекцию поведенческой составляющей личности путем поэтапного снижения негативного воздействия идеологии религиозного экстремизма, а именно средствами мотивирования лица к самодистанцированию от крайних идеологических воззрений и основанных на них криминальных форм поведения.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; негативное социальное явление; преступления экстремистской направленности; безопасность государства; профилактика экстремизма; дерадикализация личности

Для цитирования: Абдулганеев Р.Р. Дерадикализация как средство предупреждения религиозного экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 284 - 291. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.004

Introduction: the article discusses current legal and management approaches to overcome influence of the ideology of religious extremism at the stages of pre-criminal behavior of an individual. The article reveals the features of the most promising area of early warning of religious extremism and offers legal means for its implementation.

Materials and Methods: the material basis of the study was the norms of current Russian legislation, legal acts of the Federal Republic of Germany and the Republic of Austria on countering extremism, statistical data of the Russian Ministry of Internal Affairs on quantitative and qualitative indicators of extremist crimes, as well as published materials of judicial practice. The author used the dialectical method, statistical, comparative-legal and logical methods as academic methods.

Results: the article analyzes the current state of extremist crimes committed on the grounds of religious hatred or enmity. Based on the results obtained, the author substantiates the hypothesis to integrate measures for deradicalization of the individual into the domestic system of anti-extremist activities as the most promising means of early warning of religious extremism at the stages of pre-criminal behavior of the individual.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the opinion that deradicalization is a complex of legal, social, psychological and psychiatric measures aimed at voluntary correction of the behavioral component of the individual by gradually reducing the negative impact of the ideology of extremism by means of motivating a person to self-distancing from extreme ideological views and criminal forms of behavior based on them.

Key words: religious extremism; negative social phenomenon; extremist crimes; state security; extremism prevention; personality deradicalization

For citation: Abdulganeev R.R. Deradicalization as a Means of Preventing Religious Extremism // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 284 - 291. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.004

Введение

Обеспечение национальных интересов Российской Федерации в сфере безопасности относится к приоритетным стратегическим направлениям развития государства. При этом внутренняя безопасность страны связана с преодолением различных дестабилизирующих процессов, в том числе протекающих в сфере межконфессиональных отношений, в которой противодействие религиозному экстремизму в условиях изменчивых реалий криминальной действительности отнесено к числу наиболее важных направлений правоохранительной деятельности.

По данным ГИАЦ МВД России, с 2015 по 2019 гг. было зарегистрировано 6150 преступлений экстремистской направленности, при этом на протяжении двух лет в стране фиксируется их снижение (в 2018 г. – более чем на 15 %, в 2019 г. – на 53 %). Так, в 2015 году было зарегистрировано 1321 преступление экстремистской направленности, в 2016 – 1450, в 2017 г. – 1521, в 2018 – 1265; в 2019 – 585. Однако мотив религиозной ненависти или вражды продолжает оставаться третьим после мотива национальной ненависти или вражды, расовой ненависти или вражды при совершении преступлений данной категории. С 2015 по 2019 гг. наиболее распространенным мотивом явился мотив национальной ненависти или вражды – 2206 преступлений; мотив расовой ненависти или вражды – 845; мотив религиозной ненависти или вражды – 698; мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – 474; мотив идеологической, политической ненависти или вражды – 354¹.

Обзор литературы

Вопросы определения наиболее эффективных приемов организации и осуществления мер по предупреждению распространения идеологии религиозного экстремизма являются наиболее актуальными направлениями антиэкстремистской деятельности в стране. Среди отечественных ученых к данной проблеме обращались: С.М. Кочои (концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: перспективы совершенство-

вания с учетом опыта борьбы против религиозного терроризма) [1]; Д.К. Нечевин, Л.М. Колодкин (молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия) [2]; О.Н. Новикова (проблемы адаптации несовершеннолетних из сирийско-иракской зоны военных действий) [3]; И.В. Пащенко (дерадикализационные программы Западной Европы: принципы реализации и оценка эффективности) [4] и другие.

Вопросу дерадикализации приверженцев идеологии религиозного экстремизма посвящены труды таких зарубежных ученых, как М. Блюме (профилактика религиозно мотивированного экстремизма) [5], Д. Динстбуль (экстремизм и радикализация: криминологическое руководство по текущей ситуации в области безопасности) [6], В. Каль, К. Траутман, А. Цик (программы профилактики исламистски мотивированной радикализации; классификация подходов и их обоснованность) [7], Т. Мюке (консультационный центр дерадикализации – поддержка родителей, когда существует риск экстремизма) [8], П. Нойман, К. Винтер (роль интернета и социальных сетей в радикализации и деадикализации) [9], К. Шуберт–Панецка (медиация перед лицом радикализма) [10] и других.

Материалы и методы

Материальную базу научной статьи составили передовые отечественные и зарубежные исследования в области дерадикализации личности экстремиста, основанные на фундаментальных трудах по криминологии, девиантологии и психологии. Достигнутые результаты исследования подкрепляются актуальными статистическими данными и материалами судебной практики. Методологическую основу составили общенаучные, частнонаучные и криминологические методы познания.

Результаты исследования

Многоплановость религиозной экстремистской угрозы, разносторонность ее воздействия на объекты критической инфраструктуры требуют постоянной работы законодателя по поддержанию в актуальном состоянии действующих механиз-

¹Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». Доступ по паролю. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 15.02.2020).

мов предупреждения данного негативного социального явления.

Законодательные основы функционирования системы предупреждения экстремизма в Российской Федерации носят системный характер и в большинстве своем акцентированы на построении уголовно-правовых и административно-правовых барьеров. Анализ руководящих нормативных правовых актов¹ в сфере противодействия экстремизму свидетельствует об отсутствии в рамках отечественного правового пространства законодательного закрепления конкретизированных средств и механизмов (программ) преодоления негативного влияния идеологии религиозного экстремизма на личность. Однако к числу важнейших направлений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года² в сфере правоохранительной деятельности отнесено проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма.

На основании вышеуказанного следует отметить, что восполнение и подготовка кадрового потенциала религиозной экстремистской организации является одним из ключевых элементов ее функционирования, а идеологическое воздействие религиозной экстремистской организации позволяет поддерживать на необходимом уровне резервы для оперативного включения экстремистски ориентированных лиц в преступную деятельность.

Согласно анализу материалов судебной практики³, более 59 % лиц, признанных виновными за совершение преступления, предусмотренного статьей 282.2 УК РФ, были осуждены по части 1.1 статьи 282.2 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации». Например, А., являясь сторонником религиозной идеологии, разделяя основные идеи международного экстремистского объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра», решил предпринять активные действия, направленные на склонение граждан РФ к участию в деятельности данного международного религиозного объединения. Во исполнение указанного преступного умысла А. неоднократно проводил беседы с О., М., Н. и С., в

ходе которых обосновывал и оправдывал деятельность международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра», убеждал последних в правильности практики его идеологии, а также уговаривал и призывал их принять участие в осуществлении указанной деятельности⁴.

К тому же, по данным статистики, в период с 2015 по 2019 г. было выявлено 4176 лиц (в 2015 г. – 931 лицо; в 2016 г. – 934; в 2017 г. – 972; в 2018 г. – 894; в 2019 г. – 445), совершивших преступления экстремистской направленности. Из них, руководствуясь мотивом религиозной ненависти или вражды, совершили указанные преступления 698 лиц (16,7 %) (в 2015 г. – 140 лиц; в 2016 г. – 110; в 2017 г. – 173; в 2018 г. – 164; в 2019 г. – 111). При этом с 2015 по 2018 г. количество преступлений экстремистской направленности, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды, увеличилось почти в два раза (в 2015 г. – 174 преступления, 2016 г. – 176, 2017 г. – 271, 2018 г. – 278.). В 2019 г. в свете общего снижения количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности изменилась их мотивационная составляющая: мотив религиозной ненависти или вражды занял второе место после мотива национальной ненависти или вражды⁵.

Все вышесказанное свидетельствует о важности противодействия угрозе популяризации религиозной экстремистской идеологии среди широких слоев населения, возрастающей опасности религиозного экстремизма при склонении, вербовке или ином вовлечении граждан Российской Федерации в целях дальнейшего совершения преступлений, что требует актуализации реализуемых мер, в первую очередь криминологического характера.

По нашему мнению, на современном этапе функционирования отечественной системы предупреждения религиозного экстремизма важное значение приобретает интеграция механизмов дерадикализации личности.

Отметим, что дерадикализация представляет собой комплекс правовых, социальных, психолого-психиатрических мер, направленных на добровольную коррекцию поведенческой состав-

¹О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031; Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2016 г. №182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. (Часть I). Ст. 3851. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.01.2020); Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2020).

²Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.01.2020).

³В ходе подготовки исследования были изучены 52 приговора по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности.

⁴Архив Теучежского районного суда Республики Адыгея. 2019. Д. 1-87/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Se8h5pJ8fObr/?regular-txt> (дата обращения: 03.06.2020).

⁵Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». Доступ по паролю. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 15.02.2020).

ляющей личности путем поэтапного снижения негативного воздействия идеологии экстремизма средствами мотивирования лица к самодистанцированию от крайних идеологических воззрений и основанных на них криминальных форм поведения.

Анализ данных ГИАЦ МВД России с 2015 по 2019 гг., материалов судебной практики и положительного правового опыта отдельных зарубежных государств¹ позволил выделить категории лиц, наиболее подверженных влиянию идеологии религиозного экстремизма, в отношении которых реализация механизмов дерадикализации личности является востребованной. Считаем, что к таковым необходимо относить: а) лиц (женщины и дети), ранее проживавших на территориях, подконтрольных квазигосударственным образованиям в сирийско-иракской зоне военных действий и вернувшихся на территорию России; б) лиц, в отношении которых вынесено предостережение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности; в) лиц, самостоятельно изъявивших желание отказаться от религиозной экстремистской идеологии и (или) выйти из состава религиозной экстремистской организации.

Дерадикализация наиболее эффективна как средство раннего предупреждения религиозного экстремизма на этапах допреступного поведения личности. В содержательной плоскости процесс дерадикализации должен основываться на осознании лицом действительности, возникшей для него угрозы, исходящей от религиозного экстремизма, и пагубности ее влияния на жизнь в социуме в случае дальнейшей приверженности искаженным идеологическим догмам.

Считаем, что достижение положительных результатов в ходе дерадикализации личности как средства предупреждения религиозного экстремизма возможно достичь путем поэтапного осуществления ряда мер.

1. Обеспечивающие меры.

Данные меры характеризуются сопряжением необходимых информационных, финансовых, материально-технических, кадровых и иных ресурсов, составляющих основу формирования пространства для дистанцирования личности от негативного влияния идеологии религиозного экстремизма. При этом их рациональное сочетание позволяет выработать инструментарий предупредительной деятельности, имманентным образом влияющей на систематизацию процесса дерадикализации, выступая ее главным синтетическим показателем.

Важно подчеркнуть, что в условиях сложившейся криминогенной обстановки в стране к числу ключевых средств предупреждения религиозного экстремизма относится развитие единой общедоступной федеральной инфраструктуры консультативных центров, подконтрольных Главному управлению по противодействию экстремизму МВД России (ГУПЭ МВД России), финансовое обеспечение которых должно осуществляться из бюджетных ассигнований, выделенных МВД России. При этом важным условием выступает анонимность и безвозмездность консультативной помощи специалистов в сфере антиэкстремистской деятельности.

На необходимость принятия мер в сфере дерадикализации личности указывает следующий пример судебной практики. Из оглашенных показаний свидетеля Г. следует, что в 2015 году Д. осудили по ч. 1 ст. 282 УК РФ. Во время рассмотрения уголовного дела в суде интернет-страница «Д.Д.» была удалена и материалы экстремистской направленности не были в свободном доступе. Однако в 2016 году Д. восстановил удаленную интернет-страницу, на ней вновь появились материалы экстремистской направленности, которые возбуждают ненависть и вражду к лицам неславянской национальности, содержат нацистскую атрибутику и символику, которые находятся на странице «Д.Д.» в свободном доступе по настоящее время. В течение 2016-2017 гг. Г. неоднократно заходил на страницу «Д.Д.» с различных аккаунтов и видел, что тот не отказался от экстремистских убеждений и продолжает размещать материалы, направленные на разжигание межнациональной розни².

В организационном аспекте функционирование данных центров должно обеспечиваться соответствующими кадрами из числа специалистов в области семейной и подростковой психологии, конфликтологии, психиатрии, представителей традиционного духовенства и специалистов из подразделений органов внутренних дел, осуществляющих свою деятельность на постоянной основе; включать в себя выделение служебных помещений из фондов МВД России для проведения очного консультирования и информирования населения; предусматривать закрепление единого федерального телефонного номера, а также создание и обслуживание специализированного сайта в сети Интернет для организации и осуществления онлайн-консультаций населения.

¹Österreichische Strategie Extremismusprävention und Deradikalisierung. Wien, 2017. 68 s.; Strategie der Bundesregierung zur Extremismusprävention und Demokratieförderung. Berlin, 2016. 62 s.

²Архив Октябрьского районного суда г. Омска. 2018. Д. 1-134/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NrVZXw0Z9PLh/?regular-txt> (дата обращения: 03.06.2020).

2. Редуцирующие меры.

Перманентной функцией идеологии религиозного экстремизма является вычленение лица из общественной ткани, создание таких условий его жизнедеятельности, при которых он находится в постоянной зависимости от религиозной экстремистской организации, а модель социального поведения регулируют искаженные предписания пропагандируемого вероучения. Соответственно, механизмы дерадикализации на данном этапе направлены на изменение социального выбора лица, снижение его подверженности идеологизированному влиянию крайних религиозных воззрений путем зарождения сомнений в их истинности и непоколебимости.

Материалы судебной практики содержат следующий пример воздействия идеологии религиозного экстремизма на личность. Так, К. проводил учения по осуществлению деятельности, направленной на привлечение новых лиц в организацию «Свидетели Иеговы». Весь ход собраний контролировался и регулировался лично К., который указывал на необходимость разрыва родственных, семейных и дружеских отношений с лицами, не являющимися последователями религии «Свидетели Иеговы», обязательности пожертвований на нужды религиозной организации, кроме того, указывал на необходимость соблюдения отказа от любого обращения в медицинские учреждения последователями религии «Свидетели Иеговы»¹.

Мы считаем, что редуцирующие меры по дерадикализации личности должны иметь соответствующее методическое обеспечение (включая индивидуальную и групповую работу), позволяющие систематически расширять влияние традиционных религиозных воззрений и общепринятых моделей социального поведения на личность.

Методическое обеспечение должно вбирать в себя комплекс первоочередных механизмов, позволяющих заинтересовать лицо в выборе нового альтернативного пути его социального поведения. Наиболее важными являются использование механизмов консультативной работы посредством телефонной и интернет-связи, а также очная работа с семьями, члены которых являются приверженцами идеологии религиозного экстремизма.

3. Стимулирующие меры.

Процесс дистанцирования личности от влияния идеологии религиозного экстремизма требует постоянного побуждения лица к возвращению к жизни в социуме, переориентации его внутренних

руководящих им духовных потребностей в соответствии с традиционными религиозными воззрениями.

Приведенные меры имеют важное значение для нивелирования негативных последствий приверженности идеологии религиозного экстремизма; они направлены на придание положительной динамики процессу самостимулирования законопослушного поведения, критического отношения к крайней религиозной идеологии, формированию мотивов к активной поступательной внутренней деятельности лица и развитию интереса к жизни в соответствии с общепринятыми нормами морали и поведения.

На основании указанного выше обратим внимание на приговор, в котором представлены мотивы дистанцирования личности от идеологии религиозного экстремизма. Допрошенный в суде и на предварительном следствии свидетель под псевдонимом «Ф.», показал, что он принимал участие в деятельности международного религиозного объединения «Нурджулар», но прекратил свое участие в данном религиозном объединении, поскольку понял, что заблуждался в идеях и целях указанной организации, заключающихся в возбуждении социальной, расовой, национальной и религиозной розни и ведущих пропаганду превосходства человека по религиозной принадлежности².

Таким образом, практическая реализация мер стимулирования дерадикалируемого лица должна выражаться в возможности достижения промежуточных результатов (возвращение к духовной жизни в соответствии с традиционными канонами, возвращение к семье, трудоустройство, восстановление в образовательной организации, поступление на обучение и другое) как составных элементов единого процесса положительного преобразования личности.

4. Поддерживающие меры.

Реализация контекстного подхода в рамках всего комплекса мер по дерадикализации личности выражается в сосредоточении усилий, в целях недопущения рецидива отклоняющегося поведения. Обобщение и анализ наиболее распространенных подходов воздействия идеологии религиозного экстремизма на личность [11] указывают на важность ограждения лица, подвергнутого дерадикализации, от опосредованного влияния крайних религиозных воззрений. Такие случаи нередки в судебной практике. Так, С., ознакомившись с идеями, задачами международного религиозного объ-

¹Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2019. – Д. 1-417/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NrJVsfDv6jor/?regular-txt> (дата обращения: 03.06.2020).

²Архив Вахитовского районного суда г. Казани. 2019. – Д. 1-27/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mitdpx3A4NNu/?regular-txt> (дата обращения: 03.06.2020).

единения «Таблиги Джамаат», принял и одобрил данные идеи, после чего в целях распространения радикальной формы ислама и создания на базе регионов с традиционно мусульманским населением единого Исламского государства «Всемирный халифат» ездил по адресам людей, которые не соблюдают исламскую религию, и к бывшим приверженцам «Таблиги Джамаат», которые отказались от деятельности в организации. С. делал напоминание данным людям и призывал их вернуться к истинной религии¹.

Мы считаем, что криминологическое свойство поддерживающих мер при их эффективном применении способно закрепить достигнутый социально значимый результат, выражающийся в коррекции поведенческой составляющей личности, ранее приверженной к идеологии религиозного экстремизма.

Реализация мер поддержки лица, прошедшего процесс дерадикализации, не носит императивный характер, так как на данном этапе воздействие идеологии религиозного экстремизма не имеет структурированной формы, что повышает способность лица к критической (само-) рефлексии, но также позволяет ему самостоятельно различать вероятность наличия скрытой угрозы.

Обсуждение и заключения

Предложенные направления по внедрению механизмов дерадикализации личности в отечественную систему предупреждения экстремизма требуют создания правовых условий по их реализации. Полагаем, что достижение указанных целей, в частности на первоначальном этапе, связано с реализацией следующих предложений:

1. Достойными внимания являются меры, направленные на совершенствование норм федерального законодательства в сфере регулирования профилактики распространения идеологии экстремизма, включая религиозный экстремизм. На основании указанного считаем необходимым рассмотреть возможность внесения изменений в нормы Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О противодействии экстремистской деятельности»² в части правовой регламентации процедуры дистанцирования личности от негативного влияния идеологии экстремизма. Мы считаем, что требуют дополнения основные направления противодействия экстремистской деятельности путем изложения статьи 3 указанного федерального закона в следующей редакции: «принятие профилактических мер, направленных

на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на дерадикализацию лиц, а также на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности».

В свете предложенных изменений указанного руководящего нормативного правового акта в сфере противодействия экстремизму необходимо предусмотреть основания для дерадикализации лиц, в отношении которых в установленном законом порядке было объявлено предостережение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. Для правового отражения предложенных изменений законодательства считаем возможным дополнить отдельные положения статьи 6 рассматриваемого федерального закона, предложив его следующую редакцию: «В случае невыполнения требований, изложенных в предостережении, лицо, которому было объявлено данное предостережение, может быть подвергнуто дерадикализации или привлечено к ответственности в установленном порядке ...».

2. Значимым направлением в вопросах повышения эффективности функционирования единого правового пространства в сфере предупреждения экстремизма является актуализация отдельных положений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Отметим, что в пункте 17 данного документа подчеркивается, что «многие экстремистские организации стремятся использовать религию как инструмент для вовлечения в свои ряды новых членов».

Исходя из указанного считаем особо важным: а) расширить перечень основных понятий, дополнив подпунктом «е» пункт 4 «Дерадикализация – комплекс правовых, социальных, психолого-психиатрических мер направленных на добровольную коррекцию поведения личности путем поэтапного снижения негативного воздействия идеологии экстремизма средствами мотивирования лица к самодистанцированию от крайних идеологических воззрений и основанных на них криминальных форм поведения»; б) включить в число ключевых направлений государственной политики по противодействию экстремизму в сфере правоохранительной деятельности реализацию мер по дерадикализации личности, изложив подпункт «б» пункта 27 следующим образом: «проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма и реализация мер по дерадикализации личности».

¹ Архив Бавлинского городского суда Республики Татарстан. 2019. – Д. 1-38/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/g70sveYsE4UI/?regular-txt> (дата обращения: 02.06.2020).

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

3. Важной составляющей в структуре реализации механизмов дерадикализации со стороны органов внутренних дел явилось бы закрепление полномочий за ГУПЭ МВД России по созданию консультативных центров по вопросам предупреждения экстремизма (в первую очередь в регионах со сложной оперативной обстановкой в сфере противодействия экстремизму) и контролю за их деятельностью. В качестве основания для ее осуществления считаем необходимым: а) в рамках приказа МВД России от 21.06.2011 № 698дсп (ред. от 26.03.2020) «Об утверждении Положения о Главном управлении по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ предусмотреть полномочия по организации работы консультативных центров по вопросам противодействия экстремизму, обеспечению их функционирования и осуществления контроля за их деятельностью; б) в постановлении Правительства РФ от 20.01.2014 № 39 (ред. от 23.09.2017) «О Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город»² закрепить

выделение МВД России отдельного канала связи с бесплатным федеральным номером в целях оказания консультативной и информационной помощи населению в вопросах предупреждения негативного влияния идеологии экстремизма; в) пункт 7 «Основные функции...» инструкции по эксплуатации аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России» к приказу МВД России от 14.01.2013 № 15 (ред. 12.03.2019) «О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России»³ дополнить подпунктом 7.17 «проведение онлайн-консультаций по вопросам противодействия идеологии экстремизма».

Не вызывает сомнений, что предложенные меры по внедрению механизмов дерадикализации личности в отечественную систему предупреждения религиозного экстремизма позволят усилить реализуемые механизмы противодействия данному негативному социальному явлению в сфере правоохранительной деятельности и окажутся значимым барьером на пути распространения идеологии религиозного экстремизма среди широких слоев российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочои С.М. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: перспективы совершенствования с учетом опыта борьбы против религиозного терроризма // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 30 – 37.
2. Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53 – 60.
3. Новикова О.Н. Дети халифата возвращаются. Что делать? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 52 (68). С. 20 – 23.
4. Пашенко И.В. Дерадикализационные программы Западной Европы: принципы реализации и оценка эффективности // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 66 – 75.
5. Blume M. Wie kommt die Gewalt in die Weltreligionen? Zur Prävention von religiös gerechtfertigtem Extremismus // SIAK-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis. 2016. № 4. S. 4–11.
6. Dienstbühl D. Extremismus und Radikalisierung: kriminologisches Handbuch zur aktuellen Sicherheitslage. Stuttgart: Richard Boorberg Verlag, 2019. 303 s.
7. Kahl W., Trautmann C., Zick A. Präventionsprogramme gegen islamistisch motivierte Radikalisierung; Klassifizierung der Ansätze und ihrer Begründetheit // Forum Kriminalprävention. 2015. № 3. S. 3 – 5.
8. Mücke T. Beratungsstelle Deradikalisierung – Eltern stärken bei Extremismusgefahr; Erfahrungsbericht // Interventionen. 2014. № 4. S. 40 – 42.
9. Neumann P., Winter C. u.a. Die Rolle des Internets und sozialer Medien für Radikalisierung und Deradikalisierung // PRIF reports. 2018. №10. S. 25 – 36.
10. Schubert-Panecka K. Mediation angesichts von Radikalismus // Perspektive. Schwerpunkt. 2018. № 3. S. 140 – 145.
11. Абдулганеев Р.Р. Религиозный экстремизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты: монография. Казань, 2015. 186 с.

¹Об утверждении Положения о Главном управлении по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 21.06.2011 № 698дсп (ред. от 26.03.2020). Документ опубликован не был.

²О Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город» (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город»): постановление Правительства РФ от 20.01.2014 № 39 (ред. от 23.09.2017) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 498.

³О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России»: приказ МВД России от 14.01.2013 № 15 (ред. 12.03.2019). Документ опубликован не был.

REFERENCES

1. Kochoi S.M. Konceptsiya protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federacii: perspektivy sovershenstvovaniya s uchetom opyta bor'by protiv religioznogo terrorizma // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. T. 14. № 1. S. 30 – 37.
2. Nechevin D.K., Kolodkin L.M. Molodezhnyj ekstremizm i preventivnye vozmozhnosti etiki nenasiliya // Administrativnoe pravo i process. 2019. № 7. S. 53 – 60.
3. Novikova O.N. Deti halifata vozvrashchayutsya. CHto delat'? // Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy. 2019. № 52 (68). S. 20 – 23.
4. Pashchenko I.V. Deradikalizacionnye programmy Zapadnoj Evropy: principy realizacii i ocenka effektivnosti // Rostovskij nauchnyj zhurnal. 2018. № 1. S. 66 – 75.
5. Blume M. Wie kommt die Gewalt in die Weltreligionen? Zur Prävention von religiös gerechtfertigtem Extremismus // SIAK–Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis. 2016. № 4. S. 4–11.
6. Dienstbühl D. Extremismus und Radikalisierung: kriminologisches Handbuch zur aktuellen Sicherheitslage. Stuttgart: Richard Boorberg Verlag, 2019. 303 s.
7. Kahl W., Trautmann C., Zick A. Präventionsprogramme gegen islamistisch motivierte Radikalisierung; Klassifizierung der Ansätze und ihrer Begründetheit // Forum Kriminalprävention. 2015. № 3. S. 3 – 5.
8. Mücke T. Beratungsstelle Deradikalisierung – Eltern stärken bei Extremismusgefahr; Erfahrungsbericht // Interventionen. 2014. № 4. S. 40 – 42.
9. Neumann P., Winter C. u.a. Die Rolle des Internets und sozialer Medien für Radikalisierung und Deradikalisierung // PRIF reports. 2018. №10. S. 25 – 36.
10. Schubert–Panecka K. Mediation angesichts von Radikalismus // Perspektive. Schwerpunkt. 2018. № 3. S. 140 – 145.
11. Abdulganeev R.R. Religioznyj ekstremizm: kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj aspekty: monografiya. Kazan', 2015. 186 s.

Об авторе: Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России
email: niirio@inbox.ru

© Абдулганеев Р.Р., 2020

Статья получена: 03.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09. 2020.

About the author: Abdulganeev Renat R., Candidate of Law (Research doctorate), Head of Research Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Associate Professor
email: niirio@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Д.К. Амирова, Д.М. Гараева

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ИЛИ ДО ПОКУШЕНИЯ НА НЕГО

CRIMINAL LIABILITY FOR INCITEMENT TO SUICIDE OR ATTEMPTED SUICIDE: CHALLENGES OF LEGISLATIVE REGULATION

Введение: в статье исследованы проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства по уголовному законодательству России, уявлены пробелы правоприменения данной нормы, а также сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в соответствующие положения Уголовного кодекса Российской Федерации с целью их совершенствования и эффективной реализации.

Материалы и методы: в качестве материалов исследования использовались нормы действующего отечественного и зарубежного законодательства, предусматривающие ответственность за доведение до самоубийства и покушения на него; отечественная и зарубежная научная литература. Использовались такие методы познания, как анализ, синтез, индукция, моделирование, а также социологический, статистический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: установлено, что в российском действующем законодательстве отсутствует определение понятия «самоубийство» как правовой категории; термин «самоубийство» ошибочно отождествляется с термином «суицид»; выявлено несоответствие наименования нормы 110 Уголовного кодекса РФ и ее содержания; доказано, что перечисление в диспозиции ст. 110 Уголовного кодекса РФ способов совершения преступления существенно сужает возможности правильной квалификации деяния, если оно совершено с применением иных способов, не указанных в статье кодекса.

Обсуждение и заключения: обосновывается целесообразность исключения указания на способы совершения деяния из диспозиции ч. 1 ст. 110 Уголовного кодекса РФ; предложен признак «заведомости» несовершеннолетия потерпевшего как отягчающий признак состава ст. 110 Уголовного кодекса РФ; предложен новый законодательный вариант редакции ст. 110 Уголовного кодекса РФ и сформулированы пути законодательного совершенствования соответствующих норм кодекса, предусматривающих ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, или за склонение к нему.

Ключевые слова: самоубийство; криминальный суицид; доведение до самоубийства; покушение на самоубийство; способы доведения до самоубийства; дистанционный способ совершения преступлений; совершенствование норм уголовного законодательства

Для цитирования: Амирова Д.К., Гараева Д.М. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на него // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 292 – 296. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.005

Introduction: the article is devoted to the study of the challenge of criminal liability for causing suicide under the criminal legislation of Russia, to clarify the gaps in its enforcement, as well as to formulate proposals for making changes and additions to the relevant norms of the Criminal Code of the Russian Federation in order to improve and effectively implement them.

Materials and Methods: as the research materials, we used the norms of current domestic and foreign legislation that provide for liability for causing suicide and attempted suicide; domestic and foreign academic literature. The following methods of cognition were used: analysis, synthesis, statistical, legal, comparative-legal.

Results: it was established that the Russian current legislation does not define the concept of "suicide" as a legal category; the term "самоубийство" (suicide) was mistakenly identified with the term "суицид" (suicide); the discrepancy between the name of the norm 110 of the Criminal Code and its content was revealed; the indication of the methods of committing a crime in the disposition of Part 1 of Article 110 of the Criminal Code significantly narrowed the possibility of qualifying a crime if it was committed using other methods not specified in the Article.

Discussion and Conclusions: the article proves the exception to the provisions of Part 1 of Article 110 of the Criminal Code of instructions on methods of committing crimes; the sign "obviously" the minority of the victim as the aggravating feature of the composition of the Article 110 of the Criminal Code; the proposed new legal text of Article 110 of the Criminal Code and formulated the ways of legislative improvement of the relevant rules of the Criminal Code provides for liability for inducement to commit suicide or organization of activities aimed at committing these acts.

Key words: suicide; criminal suicide; driving to suicide; attempted suicide; methods of driving to suicide; remote method of committing crimes; improvement of criminal legislation

For citation: Amirova D.K., Garayeva D.M. Criminal Liability for Incitement to Suicide or Attempted Suicide: Challenges of Legislative Regulation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 292 – 296. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.005

Введение

В каждом развитом государстве жизнь человека признается высшей ценностью. В связи с этим совершенствование правового механизма ее охраны, в том числе уголовно-правовыми методами, для любого государства является актуальным. Один из основных элементов в системе этого механизма представлен нормами уголовного законодательства, направленными на обеспечение безопасной жизни человека. В рамках уголовного законодательства России в ряду таких норм предусмотрена норма ст. 110 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), устанавливающая уголовно-правовой запрет на доведение человека до самоубийства или до покушение на него.

Актуальность и необходимость теоретического осмысления проблем привлечения к уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ обусловлена высоким уровнем самоубийств в России и сложностью квалификации преступлений, связанных с причинением смерти путем доведения до самоубийства. Проблема заключается в том, что внешне данное преступление выглядит как простой акт суицида и доказать наличие причинной связи между действиями лица, связанными с применением угроз, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства,

и последствиями в виде самоубийства или попытки его совершить, порой не представляется возможным. Еще больше вопросов возникает в связи с доказыванием наличия действий, направленных на склонение к совершению суицида, или созданием условий, побуждающих совершить самоубийство. Проблема привлечения к уголовной ответственности за данное преступление осложняется также недоработкой материальной нормы ст. 110 УК РФ, отсутствием законодательного понятия категорий «самоубийство», «доведение до самоубийства», их ошибочное отождествление с термином «суицид». Все это влечет возникновение противоречий в следственной и судебной практике и, как следствие, трудности квалификации и привлечения к уголовной ответственности.

Под самоубийством (суицидом) понимается намеренное лишение себя жизни¹. Высокие показатели числа самоубийств характерны для многих государств, однако для России эта проблема является наиболее актуальной. По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия находится на семнадцатом месте по числу самоубийств среди других стран в мире². По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 году 18 206 человек приняли решение добровольно уйти из жизни³.

¹ Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-30859.htm>, свободный (дата обращения 01.06.2020).

² Число зарегистрированных самоубийств на 100 000 населения // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/ru/>, свободный (дата обращения: 16.03.2020).

³ Смертность по основным классам смерти // Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб./ Росстат. Р76 М., 2019. С. 106.

Согласно официальным данным, за 12 месяцев 2019 года судами общей юрисдикции по ч. 1 ст. 110 УК РФ осуждены 9 человек, по ч. 2 – 10 человек¹. По статье о склонении к совершению самоубийства или содействию ему (110.1 УК РФ) в 2019 году был осужден один человек, при наличии отягчающих обстоятельств по ч. 3 ст. 110.1 УК РФ осуждены два человека, по ч. 5 указанной статьи – два человека. По остальным частям указанной статьи никто не был осужден. По ст. 110.2 УК РФ за совершение преступления при отягчающих обстоятельствах был осужден один человек.

Официальные данные свидетельствуют о незначительном количестве осужденных лиц. Конечно, мы не можем утверждать, что причиной этому служит несовершенство соответствующих норм Уголовного кодекса РФ и проблемы их применения. Однако мы можем предполагать, что без них официальная статистика по количеству лиц, осужденных за криминальный суицид, была бы совсем иной.

Обзор литературы

В современной уголовно-правовой науке тема ответственности за рассматриваемое деяние освещается недостаточно широко. Разным аспектам данной проблемы посвящены труды В.Ш. Аюпова [1], Е.К. Волконской [2], Е.Г. Ермолаевой [3], М.Ю. Кузнецовой [4], Ю.А. Уколовой [5], А.А. Цыркалюк [6], Н.Г. Чукаевой [7], Д.И. Эльмурзаева [8] и других отечественных ученых.

Материалы и методы

В качестве материалов для данного исследования послужила нормативно-правовая база, а именно статьи национального законодательства, которыми регламентирована уголовная ответственность за доведение лица до суицида. Также в рамках работы над статьей использованы данные о предмете исследования, взятые из материалов авторитетных средств массовой информации.

Методологическую базу исследования составила совокупность социологического, статистического, формально-юридического и сравнительно-правового методов. Кроме того, авторами использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и моделирование.

Результаты исследования

Среди причин и условий, способствующих совершению самоубийства, можно назвать социальные, экономические, психологические и иные. Одним из факторов можно назвать действия (бездействия) негативно влияющих на человека третьих лиц, рождающие у него желание причинить

себе смерть (супружеские измены, служебные конфликты, денежные проблемы и др.). В некоторых случаях подобное поведение является преступным и на него распространяется действие ст. 110 УК РФ. На наш взгляд, подобные деяния допустимо расценивать как определенную форму убийства. При этом важно отметить, что преступление совершается действиями самого человека, решившегося на самоубийство, то есть «руками» потерпевшего. В связи с этим преступники зачастую остаются безнаказанными, поскольку доказательство их вины затруднено отсутствием фактических явных действий, направленных непосредственно на причинение смерти потерпевшему.

Следует подчеркнуть, что популяризация социальных сетей и различных интернет-сообществ, а также развитие информационных технологий в целом способствуют возникновению все новых путей психического воздействия на сознание пользователей. Ярким примером такого развития является кибербуллинг, под которым понимают травлю или оскорбление людей с помощью средств электронной коммуникации, а также его крайняя форма – кибербуллицид, описываемый как суицид, произошедший вследствие столкновения с прямой или косвенной агрессией онлайн [9]. Такому негативному воздействию наиболее подвержены несовершеннолетние, активные пользователи информационных телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, состоящие в различных группах и сообществах. Так, еще в 2012 году в связи с массовыми самоубийствами подростков стало известно о группах в социальной сети «ВКонтакте», пропагандирующих самоубийство, а на личных страницах этих подростков обнаруживалась информация суицидального характера. Наиболее известная из подобных групп – организация «Синий кит».

В рамках диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ законодателем строго регламентированы способы доведения до самоубийства (или покушения на него). Они представлены угрозами, жестоким обращением либо систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего. По нашему мнению, подобное законодательное ограничение способов совершения этого преступления несправедливо ограничивает возможность квалифицировать общественно опасные деяния по исследуемой норме, в том случае если преступление совершено с применением иных способов: обещания, обмана, угроз и др., применение которых побудило лицо к принятию решения о совершении самоубийства. Подобная позиция законодателя не раз подверга-

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. № 10-а за 12 месяцев 2019 года // Официальный сайт Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>, свободный (дата обращения: 16.08.2020).

лась критике со стороны многих авторов [1]. В связи с этим полагаем целесообразным законодательно расширить перечень данных способов, что возможно через предусмотрение в рамках диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ и иных противоправных действий.

Этой же позиции придерживаются законодатели многих стран мира – Дании, Австрии, Швейцарии, Норвегии, Японии, Турции и других. Ответственность за анализируемое деяние по уголовным законам перечисленных стран характеризуется меньшей степенью конкретизации способов, что отличает ее от ответственности по аналогичной норме российского права. По нашему мнению, законодатели перечисленных зарубежных стран исходят из того, что рамки правового поля не позволяют предусмотреть законом все потенциальные пути, способы и формы доведения лица до самоубийства. Действительно, каждый случай доведения до суицида зависит от множества внешних условий и обстоятельств, в том числе от личности потерпевшего лица и особенностей его психики. Иными словами, в отношении разных людей одинаковые действия могут вызвать разную реакцию: у одних они не вызовут никакой реакции, а в сознании других могут послужить достаточным основанием для того, чтобы покончить с собой [10].

Обсуждение и заключения

Действия потерпевшего, направленные на причинение смерти самому себе, могут быть неудавшимися или удавшимися. В первом случае мы говорим о неоконченном самоубийстве, то есть лицо предприняло попытку суицида, но смерть не наступила. Во втором случае мы говорим о том, что наступили более тяжкие последствия – смерть. В связи с этим предлагаем ужесточить ответственность за деяния, в результате совершения которых наступила смерть человека от доведения до суицида. Так, в сформулированной ниже редакции ст. 110 УК РФ нами предложено установить в части первой ответственность за доведение только до попытки самоубийства, а в части второй – за доведение до самоубийства, если оно привело к смерти потерпевшего.

Учитывая, что подавляющим большинством пользователей информационных телекоммуникационных сетей являются подростки, полагаем целесообразным указывать на признак заведомости знания виновным о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего в числе отягчающих признаков данного состава преступления. Большинство организаторов подобных интернет-сообществ осознают незрелость психологического развития подростков, их неспособность противостоять различного рода влияниям и целенаправленно работают с такой аудиторией, поскольку это существенно облегчает их действия.

Как было указано ранее, предусмотреть все способы, формы и пути доведения до самоубийства (покушения на него) в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ, на наш взгляд, не представляется возможным. Решение указанной проблемы видится в расширении перечня способов путем указания на их альтернативный характер – указания на иные аморальные или противоправные действия либо вообще исключения списка способов совершения деяния. В этом случае целесообразно было бы рассмотреть возможность объединить составы статей 110, 110.1 и 110.2 УК РФ и установить ответственность в рамках одной нормы.

Одним из пробелов конструкции ст. 110 УК РФ является несоответствие наименования данной нормы ее содержанию. Наименование ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» уже, чем ее содержание, поскольку устанавливается ответственность, в том числе и за покушение на самоубийство. В связи с этим полагаем, что необходимо расширить наименование статьи путем включения в нее фразы «попытки самоубийства».

Окончательную редакцию ст. 110 УК РФ предлагаем сформулировать следующим образом:
«Статья 110. Доведение до самоубийства или попытки самоубийства.

1. Доведение до попытки самоубийства – наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на тот же срок.

2. Доведение до самоубийства, если это повлекло наступление смерти потерпевшего, – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

3. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное:

а) в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет либо пожизненным лишением свободы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюпов В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2. С. 12- 16.
2. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2014. 24 с.
3. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2007. 236 с.
4. Кузнецова М.Ю. Доведение до самоубийства: проблемы квалификации // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 123 – 126.
5. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2008. 24 с.
6. Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. 23 с.
7. Чукаева Н.Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: проблемы законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2011. 159 с.
8. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 162 с.
9. Краснова К.А. Противодействие кибербуллицу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юрист-Правоведь. 2017. № 3. С. 78 – 84.
10. Амирова Д.К., Гараева Д.М. Актуальные вопросы теории и практики уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Лучшая студенческая статья 2019. 2019. С. 172 – 175. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37611657_85732552.pdf, доступ свободный (дата обращения 10.08.2020).

REFERENCES

1. Ayupov V.SH. Soderzhanie sub"ektivnoj storony dovedeniya do samoubijstva (st. 110 UK RF) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2012. № 2. S. 12- 16.
2. Volkonskaya E.K. Preduprezhdenie dovedeniya do samoubijstva: ugotovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Ryazan', 2014. 24 s.
3. Ermolaeva E.G. Suicid i prestupnost': dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Saratov, 2007. 236 s.
4. Kuznecova M. YU. Dovedenie do samoubijstva: problemy kvalifikacii // Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Peterburg, 2015. S. 123 – 126.
5. Ukolova YU.A. Problemy kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva kak prestupnogo deyaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. M., 2008. 24 s.
6. Cyrkalyuk A. A. Ugotovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2012. 23 s.
7. CHukaeva N.G. Ugotovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva ili do pokusheniya na samoubijstvo: problemy zakonodatelnogo regulirovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. Tyumen', 2011. 159 s.
8. El'murzaev D.I. Ugotovnaya otvetstvennost' za dovedenie dosamoubijstva: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2004. 162 s.
9. Krasnova K.A. Protivodejstvie kiberbullicidu kak sredstvo preduprezhdeniya suicidov nesovershennoletnih // YUrist"-Pravoved". 2017. № 3. S. 78 – 84.
10. Amirova D.K., Garaeva D.M. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki ugotovnoj otvetstvennosti za dovedenie do samoubijstva // Luchshaya studencheskaya stat'ya 2019. 2019. S. 172 – 175. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37611657_85732552.pdf, svobodnyj (data obrashcheniya 10.08.2020).

Об авторах: Амирова Диляра Кафилевна, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

email: adk79@bk.ru

Гараева Дина Мирзануровна, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

email: dinagaraeva97@gmail.com

© Амирова Д.К., 2020

© Гараева Д.М., 2020

About the authors: Amirova Dilyara K., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

Garaeva Dina M., Postgraduate of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Статья получена: 27.08.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09.2020

Заявленный вклад авторов:

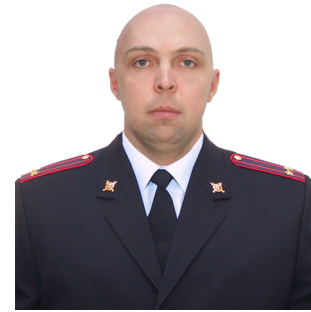
Амирова Диляра Кафилевна – анализ научной литературы по проблеме исследования; доработка текста исследования, разработка концептуальных подходов исследования, формулирование выводов и практических рекомендаций.

Гараева Дина Мирзануровна – подготовка первоначального варианта текста, сбор и анализ эмпирических данных, их обобщение, поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках.

Ю.Д. Налимов

ОБЩЕСТВЕННОЕ МЕСТО КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВАНДАЛИЗМА

PUBLIC PLACE AS A CONSTRUCTIVE SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE OF VANDALISM

Введение: в статье анализируются признаки, позволяющие признать место совершения преступления общественным, дается его определение.

Материалы и методы: в качестве эмпирической основы исследования выступили нормы Уголовного кодекса РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях, федерального законодательства, научная литература и диссертации по рассматриваемой теме. Диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы являются методологической основой исследования.

Результаты исследования: проведен анализ признаков термина «общественное место», который включен в объективную сторону рассматриваемого состава преступления. Акцент сделан на уголовно-правовой квалификации при совершении указанного деяния.

На основе законодательства, научной литературы и диссертационных исследований проанализированы точки зрения указанного понятия, а также проблемы, возникающие при квалификации.

Рассмотрены формулировки, используемые научными работниками и практическими сотрудниками при квалификации действий лиц, совершивших вандализм в общественных местах.

Обсуждение и заключения: сформулированы рекомендации по наиболее эффективному применению уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: вандализм; общественное место; объективная сторона вандализма; порча имущества в общественных местах; осквернение зданий или иных сооружений

Для цитирования: Налимов Ю.Д. Общественное место как конструктивный признак объективной стороны вандализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 297-301. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.006

Introduction: the author analyzes the features that make it possible to recognize a crime scene as a public one, and gives its definition.

Materials and Methods: the empirical basis for the study were the Criminal Code, Code on Administrative Offences norms, Federal legislation, academic literature and theses on the subject. Dialectical, legal and comparative-legal methods were the methodological basis of the study.

Results: the analysis of the features of the term "public place", which was included in the actus reus of the considered crime. The emphasis was placed on the criminal legal qualification in the Commission of the specified act.

On the basis of legislation, academic literature and dissertation research, the author analyzes the points of view of this concept, as well as the challenges that arose in qualification.

The article considered the wording used by researchers and practitioners in the qualification of actions of persons who committed vandalism in public places.

Discussion and Conclusions: recommendations on the most effective application of the criminal law norm are formulated.

Keywords: vandalism; public place; objective side of vandalism; property damage in public places

For citation: Nalimov Yu.D. Public Place as a Constructive Sign of the Objective Side of Vandalism // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 297-301. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.006

Введение

Статья 214 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) «Вандализм» закреплена в уголовном законе 1996 года впервые, в предыдущей редакции подобная норма отсутствовала. Несмотря на продолжительный период действия уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за вандализм, при квалификации действий лиц, совершивших рассматриваемое деяние в общественном месте, у правоприменителя возникают сложности в связи с оценочным характером указанного термина и отсутствием его законодательного закрепления. Таким образом, возникла необходимость разъяснения либо законодательного закрепления указанного понятия.

Обзор литературы

Понятие «общественное место» в своих работах рассматривали М.И. Еропкин, А.П. Ключищенко, И.В. Иванько, С.В. Розенко, И.Д. Мотрович и др. Изучением преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, на диссертационном уровне занимались О.С. Пашутина, Х.К. Алиев и др.

Несмотря на существенный вклад проведенных научных исследований, в настоящее время отсутствует единое понимание указанного термина.

Материалы и методы

Совокупность формально-юридического и сравнительно-правового методов составила основу анализа признаков указанной нормы. Диалектический метод исследования был применен в ходе рассмотрения положений, содержащихся в нормах Уголовного кодекса РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях, Федерального закона «О полиции», а также научной литературы по интересующей нас теме.

Результаты исследования

Согласно данным судебно-следственной практики применения ст. 214 УК РФ, установление отдельных объективных признаков, предусмотренного ею состава преступления вызывают серьезные затруднения [1, с. 622]. В частности, отсутствуют нормы-дефиниции, содержащие определение такого термина, как «общественное место». Отметим, что как в теории уголовного права, так и на практике отсутствует его однозначное понимание.

В уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике предлагаются разные толкования общественного места.

Ретроспективный анализ указанного термина позволяет заключить, что в советский период ученые подразделяли общественные места на места постоянного или временного пребывания в них граждан.

В основе признания того или иного места общественным было его предназначение – «для обязательного общения людей», количество лиц, находящихся в нем в любой момент его функционирования, не являлось необходимым критерием [2, с. 93].

Местами постоянного пребывания признавались улицы, вокзалы, аэропорты, гостиницы, общежития, больницы и т.д. Сюда же были отнесены образовательные учреждения и иные организации, функционирующие не круглосуточно, но в которых может собираться большое количество людей, преследующих разные цели. То есть местами постоянного пребывания были как круглосуточно функционирующие организации, так и осуществляющие работу в определенный промежуток времени или согласно утвержденному графику.

Места временного пребывания отличались непостоянным, эпизодическим или единичным взаимодействием граждан. Критерием являлось пребывание группы людей в рассматриваемом месте, их отсутствие предполагало и отсутствие понятия «общественное место» [3, с. 98].

Данная позиция в целом поддерживается и в современной доктрине. И.В. Иванько предлагает ввести такую категорию, как эпизодическое общественное место. К таким местам он причисляет места за пределами населенного пункта, например, водоемы, лес и прочее [4, с. 213].

Однако предложенное понимание общественного места, применительно к вандализму не лишено ряда недостатков. Во-первых, без ответа остается вопрос о возможности признания места временного пребывания общественным, если осквернение произошло в момент отсутствия людей, но по прибытии они лицезрели результаты акта вандализма. Во-вторых – отсутствие конкретизации количества людей, составляющих понятие «группа»: будет ли достаточно двух человек, которые прибыли в какое-либо место, где проводится массовое мероприятие, чтобы место стало временно общественным.

Также классификация общественных мест по признаку временного и постоянного пребывания на практике создаст трудности, так как некоторые места нельзя будет отнести ни к местам временного, ни к местам постоянного пребывания. Соответственно, правоприменитель будет испытывать трудности при квалификации.

Добавление дополнительного критерия, предлагаемого российскими юристами, как и деление общественных мест на группы нецелесообразно, так как отсутствие четкой классификации позволяет одно и то же место признавать предназначенным как для постоянного, так и временного пребывания.

Согласно следующей точке зрения, основным критерием, позволяющим отнести место к категории общественных, является свободный доступ двух и более либо неограниченного круга лиц.

В рамках указанного аспекта С.В. Розенко вносит предложение, что общественное место должно соответствовать только одному критерию – свободный (открытый) доступ двух и более человек [5, с. 53].

Представляется, что данный критерий не является удачным при определении общественного места, поскольку свободный доступ двух и более человек имеется практически ко всем местам, исключение составляют охраняемые объекты. Данный критерий не приемлем для закрепления на законодательном уровне, так как необоснованно расширяет понятие «общественное место», что вызовет еще больше трудностей при квалификации.

В качестве одного из вариантов решения проблемы с закреплением понятия «общественное место» И.Д. Мотрович предлагал перечислить в таких нормативных правовых актах, как Кодекс РФ об административных правонарушениях, все возможные места, которые могут быть отнесены к общественным [6, с. 10].

Данная точка зрения является спорной, поскольку перечисление всех мест, которые могут быть отнесены к общественным, нецелесообразно по ряду причин. В рамках современной действительности количество мест, которые массово посещаются людьми, достаточно быстро увеличивается, их формулировки и названия изменяются, это приведет к необходимости внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Кроме указанного, перечисление всех общественных мест значительно увеличит объем нормативного акта. В связи с неизвестностью точной формулировки конкретного места у правоприменителя возникнет необходимость просматривать весь перечень данных мест с целью нахождения искомого, а в случае если формулировка в законе не будет соответствовать действующему обозначению общественного места, это приведет к неверной квалификации или уходу от ответственности виновного лица. Оставление перечня общественных мест открытым, без указания конкретных признаков также не имеет смысла, так как в данном случае проблемы, возникающие при квалификации, решены не будут.

Х.К. Алиев предлагает к общественным относить места, которые находятся как в черте населенных пунктов, так и за пределами, открытые для свободного доступа лиц, обладающие признаком публичности, предназначенные для общего пользования в формах и способах, не запрещенных законом [7, с. 44 – 45].

Вместе с тем само понятие «публичность» является дискуссионным в теории уголовного права. До настоящего времени отсутствует единое мнение, какое количество человек достаточно для публичности, – одного, двух или более. В случае внесения указанных изменений в законодательство правоприменители вновь столкнутся с отсутствием четкого понимания термина «публичность», что повлечет необходимость толкования понятия, а соответственно, и трудности при квалификации такого преступления, как вандализм.

Несомненный интерес для определения значимых признаков общественного места представляет анализ правоприменительной практики. Общественным местом принято считать местность (места), строения (здания, сооружения и прочее), которые предназначены для посещения неограниченного круга лиц. Данные места посещаются с целью осуществления трудовой деятельности, отдыха, занятий спортом. Отличительным признаком общественного места будет являться доступ к нему большого количества или неограниченного круга лиц. При этом посещающие указанные места люди не должны быть знакомы друг с другом, состоять в браке, ином родстве.

Несмотря на наличие сложившегося практикой определения общественного места трудности при квалификации по-прежнему возникают, также имеет место многозначное толкование термина. Проблемы появляются в связи с тем, что практически во всех нормативных правовых актах, связанных с деятельностью органов внутренних дел, перечень общественных мест остается открытым.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях в качестве общественных мест законодатель закрепил улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования и другие общественные места. Следует заметить, что в вышеуказанном кодексе отсутствует статья, которая содержит определение общественного места, последние можно выявить, анализируя нормы указанного закона¹.

Закон «О полиции» в п. 5 ч. 1 ст. 12 утверждает перечень общественных мест, в которых полиция обеспечивает безопасность граждан и об-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.05.2020).

ественный порядок. Перечень также является открытым и заканчивается аналогичной формулировкой, то есть допускает возможность других общественных мест, кроме перечисленных в нормативном акте¹.

Открытый перечень общественных мест в нормативных правовых актах при отсутствии законодательного закрепления термина приводит к многозначному толкованию понятия, что влечет определенные сложности, связанные не только с квалификацией преступлений, но и с отграничением преступлений от схожих составов административных правонарушений.

Обсуждение и заключения

Руководствуясь проведенным анализом, предлагаем рассматривать «общественное место» как место (местность), доступ к посещению которого (которой) имеет неограниченный круг лиц в

любых целях, а также находящиеся на нем (ней) строения (здания, сооружения, иные капитальные постройки). Также представляется целесообразным подвезды жилых домов признавать общественным местом. С учетом сложившейся судебно-следственной практики подвезды жилых домов полностью соответствуют всем критериям, предъявляемым к термину «общественное место».

Полагаем, что необходимо разъяснить рассмотренное понятие «общественное место» в ходе официального или судебного толкования (с изданием соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ) в целях исключения сложностей, возникающих у правоприменителей и научных работников при квалификации преступлений по объективным признакам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. Изд. 6-е. переработанное и дополненное. М.: Юриспруденция, 2019. 1096 с.
2. Пашутина О.С. Вандализм как преступление против общественного порядка: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2009. 221 с.
3. Еропкин М.И., Ключниченко А.П. К вопросу о характере противоправных действий, влекущих ответственность по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» // О мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка: сборник научных статей. М., 1967. С. 95 - 101.
4. Иванько И.В. Нормативное закрепление понятия «общественное место» // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. Ч. 1. С. 209 – 213.
5. Розенко С.В. Вандализм как преступление экстремистской направленности // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы XIII Международной научно-практической конференции с элементами научной школы: в 3 частях. Серия: Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика / Criminal law, criminal procedure and criminalistics. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2011, Ч. II. С. 53 - 56.
6. Мотрович И.Д. Предупреждение и пересечение органами внутренних дел (полицией) административных правонарушений в сфере общественного порядка, связанных с потреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции и появлением в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Хабаровск, 2015. 37 с.
7. Алиев Х.К. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические проблемы (по материалам Северо-Кавказского федерального округа): дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. 217 с.

REFERENCES

1. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (nauchno-prakticheskij, postatejnyj) / pod red. S. V. D'yakova, N. G. Kadnikova. Izd. 6-e. pererabotannoe i dopolnennoe. M.: YUrisprudenciya, 2019. 1096 s.
2. Pashutina O.S. Vandalizm kak prestuplenie protiv obshchestvennogo poryadka: dis. ...kand. yurid. nauk: 12.00.08. Rostov-na-Donu, 2009. 221 s.
3. Eroпкиn M.I., Klyushnichenko A.P. K voprosu o haraktere protivopravnyh dejstvij, vlekushchih otvetstvennost' po st.1 Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyulya 1966 g. «Ob usilenii otvetstvennosti za huliganstvo» // O merah po usileniyu bor'by s narusheniyami obshchestvennogo poryadka: sbornik nauchnyh statej. M., 1967. S. 95 - 101.
4. Ivan'ko I. V. Normativnoe zakreplenie ponyatiya «obshchestvennoe mesto» // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: materialy ezhegodnoj vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2011. CH. 1. S. 209 – 213.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020).URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.05.2020).

5. Rozenko S.V. Vandalizm kak prestuplenie ekstremistskoj napravlenosti // Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG: materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii s elementami nauchnoj shkoly: v 3 chastyah. Seriya: Uголовное право, уголовный процесс и криминалистика / Criminal law, criminal procedure and criminalistics. CHelyabinsk: YUzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 2011, CH. II, S. 53 - 56.
6. Motrovich I.D. Preduprezhdenie i persechenie organami vnutrennih del (policii) administrativnyh pravonarushenij v sfere obshchestvennogo poryadka, svyazannyh s potrebleniem alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii i pojavleniem v sostoyanii alkohol'nogo op'yaneniya v obshchestvennyh mestah: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.14. Habarovsk, 2015. 37 s.
7. Aliev H.K. Vandalizm: uголовно-pravovye i kriminologicheskie problemy (po materialam Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga): dis. ...kand. jurid. nauk: 12.00.08. M., 2015. 217 s.

Об авторе: Налимов Юрий Дмитриевич, адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
email: nastia.nalimowa@yandex.ru

© Налимов Ю.Д., 2020

About the author: Nalimov Yuri D., Postgraduate of Moscow University of MIA of Russia Named After V.Ya. Kikot
email: nastia.nalimowa@yandex.ru

Статья получена: 06.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.9

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.007

Р.Р. Отбоева

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

PREVENTION OF CRUELTY TO ANIMALS

Введение: настоящая статья посвящена исследованию основ предупреждения жестокого обращения с животными.

Материалы и методы: материалом исследования послужило зарубежное и отечественное законодательство в сфере уголовно-правовой охраны общественных отношений по защите животных от жестокого обращения. В ходе работы применялись общенаучные, частнонаучные и системные методы познания: статистический метод, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также методы моделирования, сравнительно-правовой, системно-структурный, контент-анализ российских и зарубежных нормативных актов, что позволило обобщить собранные сведения и сформулировать предложения и выводы по теме исследования.

Результаты исследования: автор вносит предложение в уголовное законодательство Российской Федерации в целях его оптимизации, а также исследует общие тенденции, характеристики и особенности жестокого обращения с животными, в том числе вопросы его уголовно-правового предупреждения.

Обсуждение и заключения: автором на основе актуального российского и зарубежного законодательства, а также практики реализации мер предупреждения жестокого обращения с животными предложены меры по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: предупреждение; жестокое обращение с животными; преступление; зарубежный опыт

Для цитирования: Отбоева Р.Р. Предупреждение жестокого обращения с животными // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 302 – 307. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.007

Introduction: the article is on the prevention of cruelty to animals study.

Materials and Methods: the author used foreign and Russian legislation in criminal law protection of public relations to protect animals from cruelty. In the course of the work, general academic, specific academic and systemic methods of cognition were used: comparative legal, systemic and structural, as well as content analysis of Russian and foreign regulations, which made it possible to summarize the collected information and formulate proposals and conclusions on the research topic.

Results: the author suggested optimize criminal law of Russia and studied general tendencies, cruelty to animals peculiarities including its criminal prevention.

Discussion and Conclusions: the author on the basis of current Russian and foreign legislation, as well as the measures to prevent cruelty to animals, proposes efforts to improve Russian legislation.

Key words: prevention; cruelty to animals; crime; foreign experience

For citation: Otboeva R.R. Prevention of Cruelty to Animals // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 302 – 307. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.007

Введение

Обращение с животными – домашними или дикими – не всегда отвечает требованиям нравственности и морали, установленным в обществе. Факты жестокого обращения с животными вызывают широкий общественный резонанс. Данное деяние, предусмотренное ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, общественно опасно, поскольку

посягает на основы нравственности в обществе. Проявленная жестокость по отношению к животным нередко становится катализатором для формирования преступного поведения. Согласно данным криминологических исследований, большинство лиц, совершивших различного рода насильственные преступления, были склонны к мучению и истязанию животных в несовершеннолетнем возрасте.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

Эффективное уголовно-правовое и криминологическое предупреждение преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере защиты здоровья населения и общественной нравственности, требует системного и всестороннего исследования организационных и правовых основ предупреждения жестокого обращения с животными.

Обзор литературы

Вопросы предупреждения отдельных видов преступлений представлены в трудах ведущих отечественных криминологов: В.Д. Малкова [1], Г.Г. Шиханцова [2], Л.М. Прокументова, А.В. Шелера [3], Я.И. Гилинского, Ю.В. Морозовой, П.В. Федьшиной [4], в трудах которых исследованы основы криминологического анализа криминализации жестокого обращения с животными, личности преступника, а также причины и условия жестокого обращения с животными.

Также следует отметить труды В.Н. Китаевой [5], Г.П. Волковой [6], Н.В. Краева, С.И. Минькова [7], С.И. Даниловой [8], И.И. Бунегина [9], Н.А. Косолаповой [10], Е.В. Бочарова [11], В.С. Мирошниченко [12], которые рассмотрели криминалистическую характеристику, особенности состава преступления и другие аспекты жестокого обращения с животными.

Материалы и методы

При проведении исследования автор исследовал современное законодательство зарубежных стран, а также Российской Федерации. Современные правовые основы в сфере защиты животных от жестокого обращения включают в себя широкий перечень международных правовых актов, а также нормативных актов национального законодательства, к числу которых могут быть отнесены: Всемирная декларация прав животных¹; Всеобщая декларация о благополучии животных²; Конституция Российской Федерации³; Уголовный кодекс Российской Федерации⁴; Кодекс Россий-

ской Федерации об административных правонарушениях⁵; Гражданский кодекс Российской Федерации⁶; Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷.

Автором применялись общенаучные, специальные и криминологические методы познания, позволившие проанализировать и обобщить сведения из зарубежных и российских источников, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

Определение наиболее эффективных социально-правовых основ предупреждения жестокого обращения с животными требует изучения актуальной судебной практики, а также опыта зарубежных стран в данной сфере в целях определения закономерностей и тенденций.

В Российской Федерации в настоящее время активно совершенствуется правовая политика в сфере охраны животных от жестокого обращения. 27 декабря 2018 г. Президент России Владимир Путин подписал закон «Об ответственном обращении с животными»⁸, при этом с момента внесения данного законопроекта в Государственную Думу РФ до его окончательного принятия прошло восемь лет.

Федеральным законом от 20 декабря 2017 года № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁹ усилена ответственность за совершение исследуемого нами состава преступления. Часть 2 статьи 245 УК РФ дополнена квалифицирующими признаками жестокого обращения с животными: «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-коммуникаци-

¹Всемирная декларация прав животных (Лондон, 23 сентября 1977 г.) URL: http://www.vita.org.ru/law/Zakonu/world_declaration_animal_rights.htm (дата обращения 04.08.2020).

²Всеобщая декларация о благополучии животных (июнь 2000 г.) URL: <http://www.animalsprotectiontribune.ru/nnnn59.html> (дата обращения 04.08.2020).

³Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

⁴Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

⁵Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 2002. № 1.

⁶Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 (ред. от 12.05.2020) // Российская газета. 1994. № 238.

⁷Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Российская газета. 2018. 29 декабря.

⁸ Там же.

⁹ О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 52 (ч. 1), ст. 7935.

онных сетях (включая сеть Интернет)», а также «в отношении нескольких животных».

Проведенное нами исследование судебной практики, охватившей более 100 приговоров, вынесенных судами Российской Федерации в рамках первой и апелляционной инстанций, позволяет выделить ряд закономерностей.

Так, в 2015 году по ч. 1 ст. 245 УК РФ были осуждены 78 человек, тогда как по ч. 2 ст. 245 УК РФ – 8 человек¹. По мнению ряда авторов [13], причина такой разницы в числе осужденных обусловливается спецификой состава преступления и трудностями его доказывания. Нередко деяния, охватываемые приведенной статьей УК РФ, совершаются в темное время суток, а также в людных местах, что затрудняет возможность установления лица, подлежащего уголовной ответственности. Кроме того, около 40% преступлений совершаются лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения [14, с. 204].

Отмеченная нами тенденция сохраняется до настоящего времени. По рассматриваемым статьям в 2016 году было осуждено 71 и 11 человек, в 2017 – 87 и 23, в 2018 – 72 и 38, в 2019 – 73 и 62 соответственно².

Как правило, факты жестокого обращения с животными вызывают широкий общественный резонанс, волонтеры и зоозащитники предпринимают усилия в целях поиска правонарушителей, а также информируют правоохранителей о выявленных фактах. Нередко виновные осуществляют фото- и видеосъемку своих деяний в целях их последующего распространения, в том числе и в коммерческих целях. Так, руководитель общественной организации «Зооправо» Анастасия Федюнина сообщает, что примерная стоимость подобного контента составляет от 18 до 35 долларов США за убийство мыши или кролика, от 180 до 220 долларов США — за пытки щенка или котенка³.

Например, в октябре 2016 г. пользователи интернет-форума «2ch» провели самостоятельное интернет-расследование, результатом которого стала деанонимизация группы жителей г. Хабаровска, причастных ко множеству фактов жестокого обращения с животными⁴.

Исследование опыта ряда зарубежных стран в сфере предупреждения жестокого обращения с животными позволило отметить более широкий

подход к определению данного понятия. Европейские страны, а также США выделяют более широкое понятие «animal abuse», характеризующее дискреционное использование животных в целях человека, а также «cruelty to animals», характеризующее непосредственно зоосадизм.

Нами проанализировано уголовное законодательство значительного количества зарубежных стран в части уголовно-правовой защиты животных от жестокого обращения, преимущественно стран Европейского Союза, Северной Америки, а также Азии, по результатам которого следует установить концептуальное единство правовых основ вне зависимости от региона. Как правило, обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является наступление общественно опасных последствий [12, с. 60]. Отличия заключаются в строгости санкций в отношении виновных лиц, а также в полноте перечня деяний, совершение которых уголовно наказуемо.

Однако схожесть юридических приемов, лежащих в основе конструирования правовых норм уголовного законодательства зарубежных стран, при его анализе является второстепенной, поскольку приоритетное значение приобретают правовая природа и содержание запрета, а также особенности криминализации деяний

Например, в большинстве современных развитых стран уголовное законодательство предусматривает уголовное преследование жестокое обращение с животными (Эстония, Франция, Грузия, Израиль, США, Великобритания, Беларусь, Казахстан, Украина). В ряде стран криминализовано распространение информационной продукции (контента), содержащего изображения, видео- и аудиозаписи фактов жестокого обращения с животными (Дания, Австрия, Швеция).

При этом есть страны, законодательство которых не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными (Азербайджан, Китай, Болгария, Таджикистан, Узбекистан, Аргентина).

Исследование организационных основ опыта зарубежных стран в сфере предупреждения жестокого обращения с животными показывает, что фундаментальное значение здесь приобретают институты гражданского общества. Широко распространены объединения по предотвраще-

¹Сведения взяты из отчетов судебной статистики информационно-справочного комплекса Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

²Там же.

³И девочки кровавые. Что стоит за делом группы подростков-живодеров из Хабаровска. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/10/26/flayer/> (дата обращения 04.08.2020).

⁴Под ширмой лжи и разбоя. Как удалось осудить хабаровских живодерок. URL: <https://newizv.ru/news/society/18-09-2018/pod-shirmoy-lzhi-i-razboya-kak-udalos-osudit-habarovskih-zhivoderok> (дата обращения 04.08.2020).

нию жестокого обращения с животными (Society for the Prevention of Cruelty to Animals – SPCA). Например, крупнейшее подобное общественное объединение в Англии с 1824 г. существует на пожертвования населения¹.

Примечательно, что в это же время формируются правовые основы обеспечения защиты животных от жестокого обращения. Например, в 1822 г. в Соединенном Королевстве был принят закон о запрете жестокого обращения с животными, которым регламентировались правила содержания крупного рогатого скота, установлен запрет на проведение показательных боев животных, а также организована система приютов и ветеринарных больниц². В настоящее время действует пятая редакция закона в сфере охраны животных, которой установлена дополнительная ответственность владельцев домашних животных.

В США основу системы мер по предупреждению жестокого обращения с животными также составляют институты гражданского общества и гражданские инициативы. Американское общество по предотвращению жестокого обращения с животными American Society for the Prevention of Cruelty to Animals - ASPCA) образовано в 1866 г. и в настоящее время имеет богатый опыт взаимодействия с правоохранительными органами³. Например, с января 2014 года ASPCA и Департамент полиции Нью-Йорка (NYPD) работают совместно в целях выявления фактов жестокого обращения с животными и оказания им своевременной помощи. Благодаря этому сотрудничеству полиция Нью-Йорка более эффективно отрабатывает поступающие жалобы на жестокое обращение с животными, тогда как ASPCA оказывает помощь в проведении необходимых экспертиз, лечении, обустройстве приютов для животных. По итогам 2019 г. 133 человека были привлечены полицией Нью-Йорка к уголовной ответственности за совершение исследуемого нами деяния⁴.

Кроме того, ASPCA проводит дополнительные образовательные курсы по разработанным ими программам для сотрудников правоохранительных органов, оказывает помощь в расследовании таких дел.

Обобщая исследованный опыт зарубежных стран в сфере борьбы с жестоким обращением с животными, считаем возможным его адаптацию и использование в условиях современной российской действительности.

Обсуждение и заключения

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1. Анализ следственно-судебной практики указывает на наличие ряда сложностей в части применения ст. 245 УК РФ, что требует оптимизации программ подготовки специалистов органов внутренних дел, распространения методических рекомендаций в целях совершенствования правоприменительной практики.

2. Изучение опыта зарубежных стран в сфере предупреждения жестокого обращения с животными свидетельствует, что приоритетным направлением в профилактической работе является информирование населения, просвещение в области защиты животных, взаимодействие с органами власти на государственном и муниципальном уровнях, СМИ, общественными структурами и организациями.

3. Исследование нормативных правовых актов позволило нам сформулировать предложение в целях совершенствования отечественного уголовного законодательства. Так, по нашему мнению, актуальная редакция ст. 245 УК РФ не учитывает сопряженность жестокого обращения с животными с созданием соответствующего тематического контента в целях его распространения. Исходя из этого, считаем необходимым дополнить гл. 25 УК РФ статьей 245.1 следующего содержания: «Организация боев животных, натравливание одного животного на другое с целью причинения ему страданий, а равно незаконное изготовление материалов или предметов, содержащих жестокое обращение с животными -

наказывается штрафом в размере от ста до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок».

¹Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals. URL: <https://www.rspca.org.uk/> (дата обращения 04.08.2020).

²Cruel and Improper Treatment of Cattle Act 1822. URL: <https://web.archive.org/web/20141030063347/http://www.animalrightshistory.org/animal-rights-law/romantic-legislation/1822-uk-act-ill-treatment-cattle.htm> (дата обращения 04.08.2020).

³American Society for the Prevention of Cruelty to Animals. URL: <https://www.aspc.org/> (дата обращения 04.08.2020).

⁴NYPD Partnership. URL: <https://www.aspc.org/animal-protection/nypd-partnership> (дата обращения 04.08.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 528 с.
2. Шиханцов Г.Г. Криминология. М.: Тесей, 2009. 296 с.
3. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: учебник. Томск: ДиВ, 2007. 230 с.
4. Гишинский Я.И., Морозова Ю.В., Федышина П.В. Актуальные проблемы криминологии: учебное пособие для магистратуры. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 192 с.
5. Китаева В.Н. Жестокое обращение с животными как способ психического насилия // Уголовное право. 2011. № 3. С. 39 – 42.
6. Волкова Г.П. Применение садистских методов как один из способов жестокого обращения с животными // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 1. С. 80 – 82.
7. Краев Н.В., Миньков С.И. Законодательство о гуманном отношении к животным. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
8. Данилова С.И. Жестокое обращение с животными: особенности квалификации и производства неотложных следственных действий // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 87 – 99.
9. Бунегин А.К. Жестокое обращение с животными // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Международного форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!». Новосибирск: СибАГС, 2014. С. 378 – 379.
10. Косолапова Н.А. Предупреждение преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, с использованием интернет-ресурсов // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества: материалы Международной научно-практической конференции в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине». Белгород: НИУ БелГУ, 2013. С. 107 – 109.
11. Бочаров Е.В. Объективная сторона состава жестокого обращения с животными // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8. С. 155 – 159.
12. Мирошниченко В.С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 120 – 122.
13. Алехина О.М. Животные как предмет правовой охраны: вопросы законодательства и практики его применения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 64 – 68.
14. Шалагин А.Е. Ответственность за жестокое обращение с животными по законодательству Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1. С. 202 – 205.

REFERENCES

1. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod red. prof. V.D. Malkova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: YUsticinform, 2011. 528 s.
2. SHihancov G.G. Kriminologiya. M.: Tesej, 2009. 296 s.
3. Prozumentov L.M., SHesler A.V. Kriminologiya. Obshchaya chast': uchebnik. Tomsk: DiV, 2007. 230 s.
4. Gilinskij YA.I., Morozova YU.V., Fedyshina P.V. Aktual'nye problemy kriminologii: uchebnoe posobie dlya magistratury. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2016. 192 s.
5. Kitaeva V.N. Zhestokoe obrashchenie s zhyvotnymi kak sposob psicheskogo nasiliya // Ugolovnoe pravo. 2011. № 3. S. 39 – 42.
6. Volkova G.P. Primenenie sadistskih metodov kak odin iz sposobov zhestokogo obrashcheniya s zhyvotnymi // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2014. № 1. S. 80 – 82.
7. Kraev N.V., Min'kov S.I. Zakonodatel'stvo o gumannom otnoshenii k zhyvotnym. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».
8. Danilova S.I. Zhestokoe obrashchenie s zhyvotnymi: osobennosti kvalifikacii i proizvodstva neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij // Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya: sbornik nauchnyh trudov. M.: VNII MVD Rossii, 2008. S. 87 – 99.
9. Bunegin A.K. Zhestokoe obrashchenie s zhyvotnymi // Obshchestvo v epohu peremen: sovremennye tendencii razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, provodimoy v ramkah II Mezhdunarodnogo foruma studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Upravlyaem budushchim!». Novosibirsk: SibAGS, 2014. S. 378 – 379.
10. Kosolapova N.A. Preduprezhdenie prestuplenij, svyazannyh s zhestokim obrashcheniem s zhyvotnymi, s ispol'zovaniem Internet-resursov // Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya Internet-resursov i pravovogo razresheniya konfliktov s uchastiem sub"ektov internet-soobshchestva: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah proekta «Rossijsko-ukrainskie kriminalisticheskie chteniya na Slobozhanshchine». Belgorod: NIUBelGU, 2013. S. 107–109.

11. Bocharov E.V. Ob"ektivnaya storona sostava zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013. № 8. S. 155 – 159.
12. Miroshnichenko V.S. Nekotorye voprosy kvalifikacii zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi (stat'ya 245 UK RF) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2011. № 12. S. 120 – 122.
13. Alekhina O.M. ZHivotnye kak predmet pravovoj ohrany: voprosy zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 6. S. 64 – 68.
14. SHalagin A. E. Otvetstvennost' za zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 6-1. S. 202 – 205.

Об авторах: Отбоева Регина Ринатовна, адъюнкт Казанского юридического института МВД России
email: regina3420@yandex.ru

© Отбоева Р.Р., 2020

About the authors: Otbojeva Regina R., Postgraduate, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: regina3420@yandex.ru

Статья получена: 07.08.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.851

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.008

А.В. Рамазанов

**ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОНДОВОГО
И БАНКОВСКОГО РЫНКОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

**FINANCIAL INSTRUMENTS OF STOCK AND BANKING
MARKETS IN CORRUPTION CRIMES AND THEIR LEGAL
REGULATION**

Введение: статья посвящена исследованию особенностей и возможностей применения финансовых инструментов фондового и банковского рынков в коррупционных сделках. Рассматриваются особенности нормативно-правовой базы, связанной с регулированием применения финансовых инструментов фондового и банковского рынков при совершении гражданско-правовых действий.

Материалы и методы: в качестве основных источников выступили действующее законодательство Российской Федерации, материалы судебной практики, открытые сведения из средств массовой информации, опыт практической деятельности автора в банковской системе РФ. При написании статьи использованы классические общенаучные методы анализа, синтеза и дедукции, а также метод моделирования.

Результаты исследования: в статье проанализированы особенности и возможности использования финансовых инструментов фондового и банковского рынков в коррупционных сделках. Остаются проблемными вопросы, связанные с институтом «номинального держателя», обращением цифровых финансовых активов.

Обсуждение и заключения: автором предложены меры по предупреждению, выявлению и профилактике применения ценных бумаг, цифровых финансовых активов, банковских методов и инструментов в коррупционных преступлениях. В частности, для снижения коррупционных рисков предложен механизм публичной продажи долей государства в акционерных компаниях на организованных торгах (на бирже). Обобщен и графически представлен механизм коррупционной реализации государственного (муниципального) имущества посредством создания акционерных обществ. Кроме того, автор статьи предлагает внести изменения в раздел 6 Справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера для государственных гражданских и муниципальных служащих и в абзац пятый статьи 26 закона «О банках и банковской деятельности» в части отражения использования договоров аренды банковского сейфа.

Ключевые слова: финансовые инструменты в коррупционных сделках; фондовый рынок; ценные бумаги; номинальный держатель; банковский рынок; коррупционные преступления; латентность преступлений; нормативно-правовое регулирование

Для цитирования: Рамазанов А.В. Финансовые инструменты фондового и банковского рынков при совершении коррупционных преступлений и их правовое регулирование // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 308 – 317. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.008

Introduction: the article is devoted to the study of features and possibilities of application of financial instruments of stock and banking markets in corrupt transactions. The article considers the features of the regulatory framework related to the regulation of the usage of financial instruments of stock and banking markets in civil actions.

Materials and Methods: legislation of the Russian Federation, judicial practice, media information, and the author's experience in the banking system of the Russian Federation were the main sources of the study. When writing the article, taking into account its specifics, the author used classical general academic methods of analysis, synthesis and deduction, as well as the method of modeling.

Results: the author analyzed the features and possibilities of using financial instruments of stock and banking markets in corrupt transactions. Issues related to the institution of a "nominee holder" and the circulation of digital financial assets remained problematic.

Discussion and Conclusions: the author suggests measures to prevent and detect the usage of securities, digital financial assets, banking methods and tools in corruption crimes. In particular, to reduce corruption risks a mechanism for public sale of state shares in joint-stock companies at organized auctions (on the stock exchange) is proposed. The mechanism of corrupt sale of state (municipal) property through the creation of joint-stock companies is summarized and graphically presented. The author proposed to make changes to Section 6 of the Certificate of Income, Expenses, Assets and Liabilities for State and Municipal Employees and to the fifth paragraph of Article 26 of the law "On banks and banking activities" in terms of reflecting the usage of Bank safe deposit box lease agreements.

Keywords: financial instruments in corrupt transactions; stock market; securities; nominee holder; banking market; corruption crimes; latency of crimes; legal regulation

For citation: Ramazanov A.V. Financial Instruments of Stock and Banking Markets in Corruption Crimes and their Legal Regulation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 308 – 317. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.008

Введение

За восемь месяцев 2019 года правоохранительные органы выявили в Российской Федерации 18,4 тыс. коррупционных преступлений. Суммарный ущерб от выявленных преступлений превысил 100 млрд рублей. Возмещение ущерба обеспечено на 27 млрд рублей¹. Генпрокуратура России зафиксировала в 2019 году рост коррупционных преступлений на 3,6 %, в том числе фактов дачи взятки было выявлено на 35,4 % (605 преступлений) больше, а посредничества при даче взятки – на 46,4 % (на 326 преступлений) больше².

Уровень латентности коррупционных преступлений остается высоким. В частности, представители Генеральной прокуратуры РФ, говоря о высокой латентности коррупционных преступлений, подчеркивают, что рост числа выявляемых коррупционных преступлений – это всего лишь конкретные результаты усиленной работы всех правоохранительных органов³.

Многие ассоциируют коррупционные преступления с дачей и получением взятки, нецелевым использованием и растратой бюджетных средств, а также с прочими явными умышленными действиями участников коррупционной сделки. Но на практике могут применяться другие методы и инструменты совершения коррупционных преступлений.

Быстротечное развитие экономики, информационных технологий приводит к отставанию правового регулирования и противодействия коррупционным преступлениям⁴ [1; 2; 3; 4; 5].

Обзор литературы

Обзор литературы позволил автору прийти к выводу о небольшом количестве научных работ,

прямо затрагивающих особенности и возможности применения отдельных финансовых инструментов в коррупционных сделках. А.С. Исмагилова, Ю.В. Обухова рассматривают государственный финансовый контроль как инструмент противодействия коррупции [6]. А.В. Шашкова изучает практику борьбы с незаконной легализацией преступных доходов, в том числе на рынке ценных бумаг [7]. Я.И. Кузьминов затронул проблему неэффективного управления государственными пакетами акциями и государственными компаниями со стороны федеральных органов власти и злоупотребление руководством регионов и местных образований в связи с ненормативным вмешательством в функционирование предприятий из-за нехватки в регионах финансовых ресурсов [8].

И.Н. Губайдуллина охарактеризовала деятельность органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг [9]. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор и др. [10] в издании, где представлены юридические термины по антикоррупционной тематике, дали определения основным инструментам рынка ценных бумаг, профессиональным участникам рынка ценных бумаг, а также затронули банковский рынок. Э.Ш. Закиева рассматривает актуальные вопросы коррупции в банковской системе, описывая взаимоотношения коммерческих банков с Банком России и возможные противоправные деяния [11].

Зарубежные исследователи Ю. Чена и др. оценили влияние снижения коррупционных преступлений в политической среде на риски обвала ценных бумаг публичных компаний [12]. Стронники Запада в своих научных исследованиях

¹Интернет-сайт газеты «Известия». URL: https://iz.ru/944323/2019-11-18/v-mvd-raskryli-statistiku-korruptcionnykh-prestuplenii?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 06.08.2020).

²Интернет-сайт международной информационной группы «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/678230> (дата обращения: 06.08.2020).

³Там же.

⁴Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

положительно оценивают влияние коррупции на различные социально-экономические показатели. Например, взаимосвязь коррупции и финансового сектора на примере Азиатско-Тихоокеанского региона оценена Дж. Макфарланом [13]. Влияние коррупции на снижение инфляции продемонстрировано в работе Н. Элкамэла [14].

Результаты исследования

Инструменты и методы противодействия коррупции широко представлены в международных, российских законодательных и нормативных пра-

вовых актах. При этом в соответствии со ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» все организации вне зависимости от их форм собственности, организационно-правовых форм, отраслевой принадлежности и иных обстоятельств обязаны разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции.

Использование отдельных классических финансовых инструментов позволяет фактически бесследно совершать коррупционные сделки и получать за них вознаграждение (таблица).

Таблица

Инструменты фондового и банковского рынков при совершении коррупционных преступлений

Table
Stock and Banking Markets Instruments in Corruption

Наименование финансового инструмента	Примеры возможного использования финансового инструмента в коррупционном преступлении
I. Инструменты фондового рынка	
Акции	Приватизация государственного и муниципального имущества, участие в уставном капитале коммерческих организаций через третьих лиц
Облигации	Покупка облигаций через третьих лиц, продажа облигаций через аффилированные структуры, передача денег с использованием облигаций на предъявителя
Векселя	Продажа векселей через аффилированные структуры, передача денег с использованием векселей на предъявителя
II. Инструменты банковского рынка	
Кредиты	Получение кредитов аффилированными компаниями, выдача фиктивных кредитов
Банковские сертификаты	Использование банковского сертификата на предъявителя
Сберегательные книжки	Применение сберегательной книжки на предъявителя
Банковские карты	Пользование банковской картой третьего лица с согласия данного лица
Банковские ячейки (сейфы)	Хранение любых материальных и иных ценностей без их учета в банке

Прокомментируем данные, представленные в таблице 1. Согласно российскому законодательству акции являются именными и бездокументарными. Именной характер владения акциями позволяет идентифицировать их владельцев, но наличие института «номинального держателя», закрепленного ч.1 ст.8.3 закона «О рынке ценных бумаг», позволяет ре-

альному владельцу акций избежать идентификации при проверках.

Часть 2 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержит запрет на владение гражданским служащим ценных бумаг, если это «приводит или может привести к конфликту интересов».

¹О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 №39-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

²О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 апреля 2004 № 79-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

Обращение на рынке ценных бумаг облигаций, векселей и сберегательных книжек на предъявителя также позволяет их активно применять в коррупционных сделках.

Стоит отметить, что закон «О рынке ценных бумаг»¹ к неэмиссионным ценным бумагам относит векселя, банковские сертификаты, чеки, сберегательные книжки. В связи с этим эмиссия данных ценных бумаг не требует государственной регистрации и централизованного учета.

Фактически инструментарий финансового рынка, (например, векселя и банковские ячейки, банковские сертификаты и чеки, и т.п.) значительно повышают латентность и частоту совершаемых коррупционных преступлений. На рисунке 1 отобразим особенности повышения латентности коррупционных преступлений при использовании финансовых инструментов.

Согласно ч. 3 ст. 922 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) «по договору хранения ценностей в банке

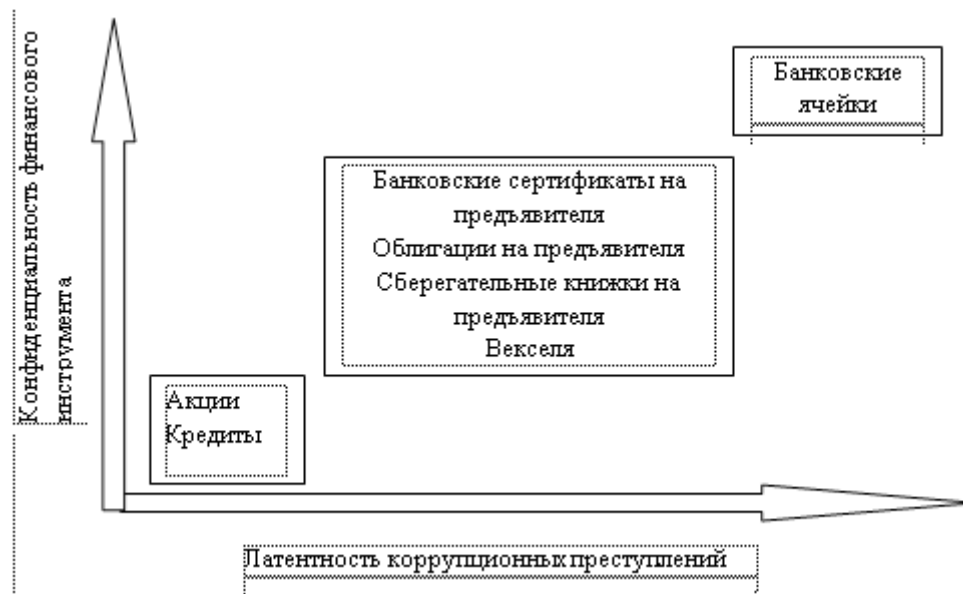

Рисунок 1 – Повышение латентности коррупционных преступлений при использовании различных видов финансовых инструментов

Illustration 1. Raise in Latency of Corrupt Crimes When Using Various Financial Instruments

с предоставлением клиенту индивидуального банковского сейфа банк обеспечивает клиенту возможность помещения ценностей в сейф и изъятия их из сейфа вне чьего-либо контроля, в том числе и со стороны банка². При этом закон «О банках и банковской деятельности»³ предусматривает возможность раскрытия информации (в предусмотренных федеральными законами случаях) о справках по операциям, счетам и вкладам физических и юридических лиц. В данном случае речь идет о депозитных, расчетных и иных банковских счетах, а также операциях по данным счетам.

Фактически информация о наличии ценностей в банковском сейфе недоступна, как и недоступна информация о наличии незаконно полученных ценностей по месту нахождения или проживания го-

сударственного гражданского или муниципального служащего. В связи с этим представляет интерес информация о ценностях, найденных в квартирах бывших сотрудников правоохранительных органов⁴.

Под ценностями мы понимаем объекты гражданских прав, отраженные в статье 128 ГК РФ, при этом фактически это такие объекты, которые можно оценить (произвести их оценку) в денежном выражении, определив их рыночную стоимость на момент оценки.

Статья 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) предусматривает наложение ареста и на иные ценности, хранящиеся в банке. Считаем, что в разделе 6 Справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера⁵ государственных гражданских и муници-

¹ О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 №39-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

³ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

⁴ Интернет-сайт газеты «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/theme/2619> (дата обращения: 22.02.2020).

⁵ Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 23.06.2014 № 460 (ред. от 09.10.2017) 1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

пальных служащих следует обязать отражать использование договоров аренды банковского сейфа. При этом абзац пятый статьи 26 закона «О банках и банковской деятельности»¹ следует уточнить, добавив слова про «договоры хранения ценностей в банке», изложив в следующей редакции: «Справки по операциям, счетам и вкладам, договорам хранения ценностей в банке физических и юридических лиц выдаются кредитной организацией...».

Использование банковских кредитов в коррупционных сделках активно проявилось в деле ПАО «Татфондбанк»: в этом банке существовала практика выдачи необеспеченных займов «дружественным» ПАО «Татфондбанк» компаниям, завязанным на руководстве банка, а также трудоустройства сотрудников в фиктивные компании, регулярно получавшие, но не погашавшие кредиты»^{2,3}.

Проведенная автором (на основании официальной финансовой отчетности, ранее доступной в сети Интернет) еще в начале 2016 года оценка особенностей кредитных операций, проводимых ведущими банками в Республике Татарстан, включая ПАО «Татфондбанк» [15], позволила прийти к выводу о наихудшем качестве заемщиков и неэффективной кредитной политике в ПАО «Татфондбанк» за период с 2013 по 2015 гг., а лицензия у ПАО «Татфондбанк» была отозвана Банком России только 3 марта 2017 года⁴. В связи с вышеизложенным у автора статьи возникают вопросы к должностным лицам Национального банка Республики Татарстан, которые не приняли своевременных мер в рамках проводимого банковского надзора, поскольку контрольно-надзорный орган в лице Национального банка Республики Татарстан обязан осуществлять постоянный мониторинг состояния и деятельности банков на территории республики и имеет доступ к более детальным сведениям об их деятельности.

Другой пример. Согласно приговору от 15.12.2017 по делу № 1-365/2017 Замоскворецкого районного суда города Москвы Улюкаев А. признан виновным по ч. 6 ст. 290 Уголовного ко-

декса РФ, т.к. он, являясь должностным лицом, лично получил взятку в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя и представляемых им лиц в особо крупном размере⁵. Взятка была получена Улюкаевым А. за одобрение сделки по продаже ПАО «Роснефть» контрольного пакета акций ПАО «Башнефть», принадлежащего Правительству РФ.

В связи с этим приватизация государственного и муниципального имущества, связанная с отчуждением акций государства посредством заключения сделки в пользу третьих лиц, представляет широкую латентную среду для совершения коррупционных преступлений лицами от государства, ответственными за управление такими сделками.

Пункт 20 части 2 статьи 3 закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» говорит о нераспространении данного закона на отношения, возникающие при отчуждении ценных бумаг на проводимых в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ «Об организованных торгах» организованных торгах и на основании решений Правительства Российской Федерации. Здесь имеется в виду ситуация купли-продажи тех долей ценных бумаг государственных и муниципальных компаний, которые не связаны с имеющимися у органов власти долями в капитале соответствующих акционерных компаний, т.е. фактически доля государства при таких сделках остается неизменной.

На открытых торгах государство реализует так называемые долговые ценные бумаги, не связанные с долями в акционерных компаниях, а направленные на устранение бюджетного дефицита или на обеспечение выполнения расходных обязательств (ст. 94 – 96 Бюджетного кодекса РФ⁶). Такими ценными бумагами являются облигации федерального займа, облигации Банка России, облигации Правительства Москвы и др.^{7,8,9}

Следует упомянуть, что по итогам 2019 года по разным оценкам экспертов доля госсектора в

¹ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

² Интернет-сайт газеты «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/160859-svidetel-po-delu-musina-podtverdila-fiktivnost-domo> (дата обращения: 22.02.2020).

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 августа 2019 г. по делу № А65-24096/2017. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fsERVxathFxV/> (дата обращения: 06.08.2020).

⁴ Интернет-сайт ИА «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/finances/03/03/2017/58b8fa1a9a7947d922df9b90> (дата обращения: 06.08.2020).

⁵ Приговор от 15.12.2017 по делу № 1-365/2017 Замоскворецкого районного суда города Москвы Семеновой Л.В. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/1f040b82-15eb-4670-abf9-b403253aa45e> (дата обращения: 20.06.2020).

⁶ Бюджетный кодекс РФ: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

⁷ Интернет-сайт Московской биржи. URL: <https://www.moex.com> (дата обращения: 07.08.2020).

⁸ Интернет-сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://www.minfin.ru/ru> (дата обращения: 07.08.2020).

⁹ Интернет-сайт Центрального банка РФ. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 07.08.2020).

экономике России может достигать до 70%. По результатам проведенных опросов экспертами отмечается, что 90% крупных российских компаний считают долю государства в экономике высокой или крайне высокой¹. Получается, что используемые способы отчуждения государственного и муниципального имущества только способствуют этому, при этом государство не желает полностью расставаться с отчуждаемым имуществом, продолжая воздействовать на него.

Пункт 7 части 1 статья 13 закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» допускает продажу государственного или муниципального имущества посредством публичного предложения. Но на практике, по наблюдениям автора, данный механизм государством не применяется, за исключением ценных бумаг, упомянутых выше, направленных на финансирование

дефицита бюджета соответствующего уровня. В качестве подтверждения доводов автора статьи приведем примеры отдельных крупных сделок по отчуждению долей государства в компаниях:

1) сделка по продаже долей в государственной нефтяной компании «Роснефть» швейцарской компании Glencor и суверенному фонду Катара²;

2) «народные IPO» государственных банков³, когда банки преимущественно продавали свои акции населению через свои офисы. (IPO - Initial public offering – первая публичная продажа акций компании неограниченному кругу лиц)².

На наш взгляд, активная реализация государственного и муниципального имущества посредством публичного предложения на организованных торгах (на бирже) позволит значительно сократить коррупционные риски (рисунок 2).

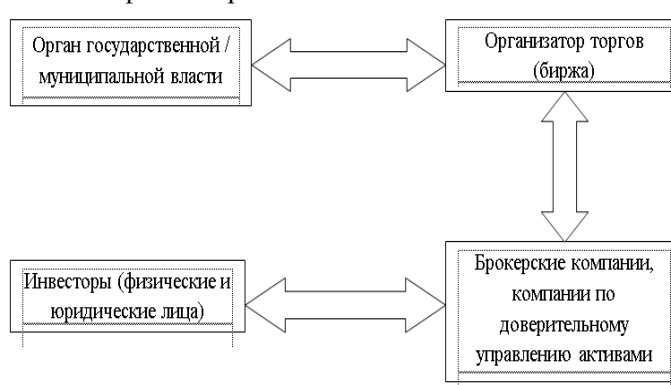

Рисунок 2 – Открытая продажа долей государства в компаниях через биржи

Illustration 2. Public Sale of Government Takes in the Companies Through Exchanges

Роль основного посредника при приватизации государственного или муниципального имущества выполняет биржа – организатор публичных торгов (см. рис. 2), при этом инвесторы осуществляют сделки купли-продажи через брокеров либо доверительных управляющих, с которыми они заключили соответствующие договорные соглашения. В данном случае, помимо снижения коррупционного риска, неограничен круг потенциальных покупателей, цена продаваемого имущества формируется рынком на основе спроса и предложения, средства от продажи имущества поступают в бюджет государства.

В связи с вышеизложенным вызывает вопросы сделка по приобретению Правительством РФ

акций ПАО «Сбербанк» у Центрального банка Российской Федерации. На наш взгляд, являются необоснованными заверения Правительства РФ, что обычная безденежная передача акций Сбербанка обрушит цену акций. Ведь общедоступна информация о том, что контрольный пакет акций государственной компании от одного государственного органа к другому никоим образом не повлияла бы на цену акций Сбербанка.

Дополнительно отметим, что на практике схема незаконного отчуждения государственного (муниципального) имущества реализуется также посредством создания дополнительной структуры (как правило, это акционерное общество), выде-

¹ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2019 год. Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/documents/686911> (дата обращения: 07.08.2020).

² Интернет-сайт ИА «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/12/2016/584c58e89a7947ec70b5e46f> (дата обращения: 07.08.2020).

³ Интернет-портал «Инвестпрофит». URL: <https://investprofit.info/narodne-ipo-v-rossii/> (дата обращения: 22.03.2020).

⁴ Интернет-сайт ИА «РБК». URL: <https://quote.rbc.ru/news/training/5e25ceaf9a79471671787078> (дата обращения: 07.08.2020).

⁵ О приобретении Правительством Российской Федерации у Центрального банка Российской Федерации обыкновенных акций публичного акционерного общества «Сбербанк России» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2020 № 50-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

ления имущества для начала деятельности данной организации, последующей реализации имуще-

ства в ущерб бюджетной системе РФ. Схематично это представлено на рисунке 3.

Рисунок 3 – Упрощенная схема незаконного отчуждения государственного (муниципального) имущества на примере создания акционерного общества

Illustration 3. Elementary Diagram of Illicit Alienation of State (Municipal) Assets Illustrated by Joint-Stock Company Creation

Примеров таких коррупционных схем множество: это и приватизация акций «Башнефть»¹, и незаконный вывод муниципального имущества в капитал частных акционерных компаний в сфере ЖКХ в Самарской области РФ², незаконная приватизация акций аэропорта в Ставрополье³, незаконная приватизация муниципального имущества топливно-энергетической компании в Нижегородской области и др.). В поле зрения правоохранительных органов факт незаконного отчуждения государственного (муниципального) имущества попадает только в рамках второго или последующего этапа отчуждения имущества (см. рис. 3), как правило, после поступления заявления от потерпевшей стороны. Незаконность проявляется в хищении имущества в полном объеме (государство никаких доходов от реализации имущества не получает) либо в реализации имущества по существенно заниженной цене, что наносит значительный ущерб государству. На этапе 1 (см. рис. 3) ситуация с незаконной реализацией имущества (по заниженной стоимости) обычно не проявляется, в том числе по причине умышленной заинтересованности органов власти, причастных к данной операции. Не всегда следует этап 2 и далее.

Реализация имущества через создание акционерных компаний осуществляется либо по инициативе чиновника, служащего в органе власти, иму-

щество которого (органа) будет реализовываться, либо при участии (воздействии) третьего лица (в том числе чиновника из другого органа власти). При этом вознаграждение такие лица получают либо перед началом проведения такой операции по отчуждению имущества, либо в процессе отчуждения или после этапа 1, 2 или этапа n (см. рис. 3).

Схема, отображенная на рис. 3, применима не только в отношении акционерных обществ, но и в отношении унитарных предприятий.

Для предупреждения и выявления фактов незаконного отчуждения государственного (муниципального) имущества правоохранительным органам следует проверять:

1) обоснованность создания органами государственной (муниципальной) власти акционерного общества и необходимость выделения имущества в создаваемое акционерное общество, в том числе правомочность органов, принимавших решения;

2) полный перечень и совокупную рыночную стоимость отчуждаемого органами государственной (муниципальной) власти имущества, в том числе документы, подтверждающие рыночную стоимость имущества. Следует обращать особое внимание на документы, отражающие рыночную стоимость имущества, поскольку экспертная оценка может быть недостоверной. Упрощенным

¹ Интернет-сайт ИА «ТАСС». URL: <https://tass.ru/proisshestviya/1757194> (дата обращения: 10.08.2020).

² Интернет-сайт «Волга-Ньюс». URL: <https://volga.news/article/231755.html> (дата обращения: 10.08.2020).

³ Интернет-сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/26380/3259116/> (дата обращения: 10.08.2020).

⁴ Интернет-сайт «Зеркало.орг». URL: <https://www.zercolo.org/news/12700-ugolovnoe-delo-o-nezakonnoj-privatizatsii-tek-nn-postupilo-v-nizhegorodskij-rajonnyj-sud> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵ О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2020).

методом оценки может стать сравнительная оценка рыночной стоимости сопоставимых по различным параметрам иных объектов схожего рода и назначения из открытых информационных ресурсов сети Интернет;

3) по истечении некоторого периода после создания акционерного общества наличие данного имущества в созданном акционерном обществе, в случае отсутствия – документально подтвержденные обоснования причин отсутствия и особенностей реализации имущества;

4) особенности управления данным имуществом акционерным обществом: использование по прямому назначению, сдача в аренду, продажа, и др.;

5) в случае ликвидации акционерного общества – причины и обоснованность ликвидации, сверка перечня имущества на дату ликвидации с перечнем имущества на момент создания акционерного общества;

Абстрагируясь от материальной и качественной (физический и моральный износ) оценки стоимости имущества, отобразим формулу для количественной оценки имущества созданного акционерного общества с целью выявления хищений имущества в результате коррупционных сделок:

Всего имущества на момент проверки = а) имущество на дату создания акционерного общества + б) приобретенное имущество в процессе функционирования акционерного общества - в) выбывшее имущество (1).

В России известно немало случаев, когда бывшие государственные гражданские и муниципальные служащие после увольнения со службы демонстрировали неплохие успехи в бизнесе, в том числе становясь владельцами огромного состояния и имущества. Либо, имея собственный бизнес, данная категория людей идет во власть, улучшая свое материальное положение и успехи в бизнесе.

В связи с этим значимыми могут стать законодательные поправки, согласно которым бывших госслужащих могут обязать отчитываться о своих расходах не только пока они занимают свои высокие должности, но и после увольнения. При этом отчитываться после ухода придется три года подряд¹.

Справедливо указывают М.В. Степанов и А.В. Петрянин, что «цифровые финансовые активы следует рассматривать в качестве предмета преступного посягательства и средства совершения преступлений» [16], в том числе по ст. 290 УК РФ. В статье 2 проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах»² указано, что

цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации, при этом цифровые финансовые активы одного вида подлежат обмену на цифровые финансовые активы другого вида и/или обмену цифровых финансовых активов на рубли или иностранную валюту. Изложенное в данном абзаце позволяет нам утверждать о больших возможностях использования цифровых финансовых активов в качестве поощрения, благодарности государственному гражданскому или муниципальному служащему либо должностному лицу за совершенное коррупционное преступление.

По оценкам К.В. Кабанова, председателя Национального антикоррупционного комитета, сегодня в России наиболее распространены взятки наличными, на втором месте – переводы на карту, оформленную на третье лицо, на счет в зарубежном банке, взятки криптовалютой в России пока не регистрировались¹.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование подтвердило необходимость корректировки законодательства для выявления, предупреждения и минимизации преступлений коррупционной направленности с использованием финансовых инструментов фондового и банковского рынков.

Для снижения коррупционных рисков предложен механизм публичной продажи долей государства в акционерных компаниях на организованных торгах (на бирже). В данном случае роль основного посредника при приватизации государственного или муниципального имущества выполняет биржа – организатор публичных торгов, неограничен круг потенциальных покупателей, цена продаваемого имущества формируется рынком на основе спроса и предложения, средства от продажи имущества поступают государству.

Обобщен и графически представлен механизм коррупционной реализации государственного (муниципального) имущества посредством создания акционерных обществ, предложены рекомендации правоохранительным органам для предупреждения и выявления фактов незаконного отчуждения государственного (муниципального) имущества.

Поскольку статья 115 УПК РФ уже предусматривает наложение ареста и на иные ценности, хранящиеся в банке, автором предложено внести изменения в раздел 6 Справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера для государственных гражданских

¹ Юдина П. Чиновники смогут брать взятки криптовалютами // Ведомости. 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/01/24/748769-chinovniki-vzyatki-kriptovalyutami> (дата обращения: 23.07.2020).

и муниципальных служащих и в абзац пятый статьи 26 закона «О банках и банковской деятельности» в части отражения использования договоров аренды банковского сейфа.

Дальнейшим направлением научного исследования являются проблемные вопросы, связанные с институтом «номинального держателя» (закре-

пленного в законе «О рынке ценных бумаг»), вопросы владения ценными бумагами на предъявителя, которые государственные гражданские и муниципальные служащие могут получать в качестве вознаграждения за действия или бездействия в пользу третьих лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куклина Е.А. К вопросу об особых правовых режимах в условиях цифровой экономики («регуляторных песочницах») // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 39 – 49. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-7-39-49.
2. Ключникова И.П., Волгушева А.С., Корчагина Я.Ю. Проблемы правового регулирования виртуальной валюты в России // Молодой ученый. 2018. № 11 (197). С. 208 – 211. URL: <https://moluch.ru/archive/197/48743/> (дата обращения: 06.08.2020).
3. Ларин А.А. Роль экономических факторов в развитии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 4–5.
4. Мухамадиева Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 1 (171). С. 9 – 13.
5. Сеницын С.А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 4 – 17. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.4.17
6. Исмагилова А.С., Обухова Ю.В. Государственный финансовый контроль как инструмент противодействия коррупции // Молодой ученый. 2017. № 24 (158). С. 277 – 280. URL: <https://moluch.ru/archive/158/44553/> (дата обращения: 22.07.2020).
7. Шашкова А.В. Международная и национальная практика противодействия коррупции и отмыванию незаконных доходов: практика корпоративного управления: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.
8. Кузьминов Я.И. Механизмы коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате // Административное право: Теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ГУ-ВШЭ, 2002. С. 10 – 11.
9. Губайдуллина И.Н., Ишмеева А.С. Деятельность органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг / под общ.ред. А.С. Ханахмедова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. 49 с.
10. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 168 с. DOI: www.dx.doi.org/10.12737/18663.
11. Закиева Э.Ш. Коррупция в банковской системе // НоваИнфо. 2017. № 65. Т.1. URL: // <https://novainfo.ru/article/13043> (дата обращения: 22.07.2020).
12. Chena Y., Xieb Y., Youa H., Zhang Y. Does crackdown on corruption reduce stock price crash risk? Evidence from China // Journal of corporate finance. 2018. No 51. Pp. 125 – 141. URL: https://www.researchgate.net/publication/325356115_Does_crackdown_on_corruption_reduce_stock_price_crash_risk_Evidence_from_China (дата обращения: 23.07.2020). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2018.05.005>.
13. McFarlane J. Corruption and the Financial Sector: The Strategic Impact // Journal of Financial Crime. 2001. Vol. 9. No.1. Pp. 8 – 21. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/eb026002/full/html?skipTracking=true> (дата обращения: 23.07.2020).
14. Elkamel H. Corruption and inflation: evidence from US states // Journal of Financial Economic Policy. 2019. Vol. 11. No.2. Pp. 251 – 262. <https://doi.org/10.1108/JFEP-05-2018-0081>.
15. Рамазанов А.В. Оценка особенностей кредитных операций местных, региональных и системообразующих коммерческих банков (на материалах Республики Татарстан) // Финансы и кредит. 2016. № 10 (682). С. 14 – 22.
16. Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т.11, №.2. С. 203 – 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010.

REFERENCES

1. Kuklina E.A. K voprosu ob osobym pravovym rezhimam v usloviyah cifrovoj ekonomiki («regulyatornyh pesochnicah») // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2019. № 7. S. 39 – 49. DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-39-49.
2. Klyuchnikova I.P., Volgusheva A.S., Korchagina YA.YU. Problemy pravovogo regulirovaniya virtual'noj valyuty v Rossii // Molodoy uchenyj. 2018. № 11 (197). S. 208 – 211. URL: <https://moluch.ru/archive/197/48743/> (data obrashcheniya: 06.08.2020).
3. Larin A.A. Rol' ekonomicheskikh faktorov v razvitii prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 2007. S. 4 – 5.
4. Muhamadieva D.N. Cifrovizaciya protiv korrupcii. Vozniknovenie e-korrupcii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2019. № 1 (171). S. 9 – 13.

5. Sinicyn S.A. Ekonomicheskij analiz prava i ego mesto v civilisticheskoy metodologii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2017. № 2. S. 4 – 17. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.4.17
6. Ismagilova A.S., Obuhova YU.V. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol' kak instrument protivodejstviya korrupcii // Molodoy uchenyj. 2017. № 24 (158). S. 277 – 280. URL: <https://moluch.ru/archive/158/44553/> (data obrashcheniya: 22.07.2020).
7. SHashkova A.V. Mezhdunarodnaya i nacional'naya praktika protivodejstviya korrupcii i otmyvaniyu nezakonyh dohodov: praktika korporativnogo upravleniya: ucheb. posobie. M.: Aspekt Press, 2014. 272 s.
8. Kuz'minov YA.I. Mekhanizmy korrupcii i ih osobennoe proyavlenie v gosudarstvennom apparate // Administrativnoe pravo: Teoriya i praktika. Ukreplenie gosudarstva i dinamika social'no-ekonomicheskogo razvitiya / otv. red. YU.A. Tihomirov. M.: GU-VSHE, 2002. S. 10 – 11.
9. Gubajdullina I.N., Ishmeeva A.S. Deyatel'nost' organov vnutrennih del po vyyavleniyu i preduprezhdeniyu prestuplenij, sovershaemyh na rynke cennyh bumag / pod obshch.red. A.S. Hanahmedova. Ufa: Ufimskij YUI MVD Rossii, 2018. 49 s.
10. Glossarij yuridicheskikh terminov po antikorrupcionnoj tematike: slovar'-spravochnik / sost. N.A. Vlasenko, A.M. Cirin, E.I. Spektor. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2016. 168 s. www.dx.doi.org/10.12737/18663.
11. Zakieva E.SH. Korrupciya v bankovskoj sisteme // NovaInfo. 2017. № 65. T.1. URL: <https://novainfo.ru/article/13043> (data obrashcheniya: 22.07.2020).
12. Chena Y., Xieb Y., Youa H., Zhang Y. Does crackdown on corruption reduce stock price crash risk? Evidence from China // Journal of corporate finance. 2018. No 51. Pp. 125 – 141. URL: https://www.researchgate.net/publication/325356115_Does_crackdown_on_corruption_reduce_stock_price_crash_risk_Evidence_from_China (data obrashcheniya: 23.07.2020). <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2018.05.005>.
13. McFarlane J. Corruption and the Financial Sector: The Strategic Impact // Journal of Financial Crime. 2001. Vol. 9. No.1. Pp. 8 – 21. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/eb026002/full/html?skipTracking=true> (data obrashcheniya: 23.07.2020).
14. Elkamel H. Corruption and inflation: evidence from US states // Journal of Financial Economic Policy. 2019. Vol.11. No.2. Pp. 251 – 262. <https://doi.org/10.1108/JFEP-05-2018-0081>.
15. Ramazanov A.V. Ocenka osobennostej kreditnyh operacij mestnyh, regional'nyh i sistemoobrazuyushchih kommercheskih bankov (na materialah Respubliki Tatarstan) // Finansy i kredit. 2016. № 10 (682). S. 14 – 22.
16. Stepanov M.V., Petryanin A.V. Social'no-pravovaya obuslovlennost' kriminalizacii protivopravnoj deyatel'nosti, sopryazhennoj s ispol'zovaniem cifrovyyh finansovyh aktivov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T.11, №.2. S. 203 – 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010.

Об авторе: Рамазанов Альберт Вильданович, кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
email: rav_2009@mail.ru

About the author: Ramazanov Albert V., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: rav_2009@mail.ru

© Рамазанов А.В., 2020

Статья получена: 23.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

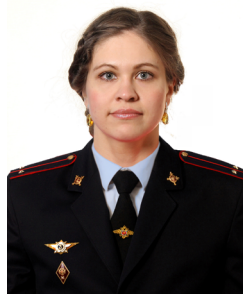
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.97

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.009

Е.З. Сидорова

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБУЧАЮЩИХСЯ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

MODERN SOCIO-TYOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS WHO HAVE COMMITTED A CRIME

Введение: статья посвящена исследованию социально-типологических признаков личности обучающихся-делинквентов.

Материалы и методы: анализируются научная юридическая литература и данные официальной статистики, представленные Министерством внутренних дел России, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратурой России.

Результаты исследования: статья посвящена анализу отдельных социально-типологических признаков личности обучающихся, совершивших преступление, анализируются пол и возраст обучающихся-правонарушителей. Кроме этого, осуществлен анализ личности рассматриваемой категории преступников в зависимости от уровня образования.

Обсуждение и заключения: основываясь на анализе данных официальной статистики, автор составляет современный социально-типологический портрет обучающегося-делинквента. Проведение дальнейших исследований, посвященных анализу иных характеристик личности обучающихся-правонарушителей, позволит, по мнению автора, сформировать общие и специальные рекомендации по борьбе с преступлениями, совершаемыми школьниками и студентами, а значит, позволит повлиять на уровень криминологической защищенности системы образования в целом.

Ключевые слова: личность обучающегося-делинквента; школьник-преступник; борьба с преступностью; личность преступника; криминологическая характеристика личности; типология правонарушителей

Для цитирования: Сидорова Е.З. Современная социально-типологическая характеристика обучающихся, совершивших преступление // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 318 – 323. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.009

Introduction: the article is on the socio-typological features of the personality of delinquent students.

Materials and Methods: the author analysed academic law literature and statistics offered by the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Russian Federation Supreme Court, General Prosecutor's Office.

Results: the article was devoted to the analysis of individual socio-typological features of the personality of students who have committed a crime, their gender and age characteristics were given. In addition, the author analyzed the personality of the category of criminal under consideration, depending on the level of education of criminals.

Discussion and Conclusions: based on the analysis of official statistics, the author presents a modern socio-typological portrait of a delinquent student. Carrying out further study on the analysis of other characteristics of the personality of students-offenders, will form general and special recommendations for combating crimes committed by schoolchildren and students, and therefore will affect the level of criminological protection of the education system as a whole.

Keywords: personality of the student-delinquent; schoolboy-criminal; fight against crime; criminal personality; criminological characteristics of the individual; typology of offenders

For citation: Sidorova E.Z. Modern Socio-Typological Characteristics of Students who have Committed a Crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 318 – 323. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.009

Введение

В научной литературе отмечается, что криминология представляет собой учение о преступности, ее детерминантах, личности правонарушителя и его жертвы, а также предупреждении совершаемых преступных посягательств [1, с. 101]. При всестороннем изучении такого негативного социального явления, как преступность, криминологи особое внимание уделяют характеристике личности правонарушителя. В настоящем исследовании мы обратились к анализу личности тех преступников, которые в период совершения преступления относились к категории школьников или студентов, то есть получали общее, среднее профессиональное или высшее образование. Иными словами, речь идет об обучающихся, совершивших преступление (по тексту используется также термин «обучающиеся-делинквенты»).

Рассматривая указанных лиц в качестве самостоятельной категории преступников, важно иметь четкое представление об их современных криминологических характеристиках. Подобные криминологические исследования необходимы в целях дальнейшей разработки эффективных мер противодействия преступности в образовательной среде. Криминологический портрет обучающегося-делинквента может быть составлен с помощью анализа социально-типологических, социально-ролевых, нравственно-психологических и уголовно-правовых характеристик. Настоящая работа посвящена исследованию отдельных социально-типологических признаков личности обучающихся-правонарушителей: их полу, возрасту и уровню образования.

Обзор литературы

Исследование основывается на работах Ю.М. Антоняна, О.И. Горбатковой, М.Ю. Гребенкина, В.С. Овчинского, В.С. Четверикова, А.Е. Шалагина, на более ранних работах самого автора, а также на анализе современной криминологической статистики. Несмотря на то, что отдельные аспекты данной проблематики уже исследовались различными учеными в области криминологии и уголовного права, существуют вопросы, требующие дополнительного изучения. Целью настоящей статьи является восполнение некоторых научно-исследовательских пробелов в области криминологических знаний о преступности среди школьников и студентов.

Материалы и методы

Материалами исследования выступили современные статистические данные о преступлениях,

совершенных школьниками и студентами, представленные МВД России, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратурой России.

Для достижения поставленной задачи по оценке современного состояния преступности среди школьников и студентов были определены объект и методы исследования.

Объектом исследования выступает преступность школьников и студентов как вид преступности, ее отдельные криминологически значимые аспекты, именно социально-типологические характеристики обучающихся-делинквентов.

Методологической основой проведенного научного исследования выступили сравнительно-правовой, исторический, логический, системно-структурный методы.

Результаты исследования

С учетом ранее проведенных нами исследований под термином «личность обучающегося, совершившего преступление», мы понимаем ряд определенных социально значимых признаков (биологических, социальных, психологических и иных свойств и качеств) человека, получающего образование и виновного в нарушении уголовно-правовых запретов, которые вместе с иными (внешними) условиями повлияли на выбор преступной модели поведения [2, с. 167].

Личность обучающегося-делинквента, как личность любого человека, характеризуется различными группами признаков. Одну из таких групп составляют социально-типологические признаки, то есть ряд социально значимых положений о личности, которые относят ее к определенной социальной группе [3, с. 63 – 64]. Главным образом, это такие демографические признаки, как пол, возраст, гражданство, род занятий, образование, семейный и материальный статусы, место жительства и иное. Анализ этих и других показателей преступности обучающихся необходим для разработки современных мер профилактики преступности обучающихся-делинквентов.

Остановимся на анализе демографических признаков личности обучающихся-правонарушителей.

1. Пол. Согласно данным официальной статистики, представленным Министерством внутренних дел России, преобладающее большинство обучающихся-правонарушителей являются лицами мужского пола (88,1 %) (Таблица 1)¹.

¹ Состояние преступности за 2014 – 2019 годы: офиц. сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации / Состояние преступности: офиц. сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 07.02.2020).

Таблица 1

Сведения о выявленных обучающихся, совершивших преступление,
по половому признаку за 2014, 2016, 2018 гг.

Table 1

Information on Identified Students who Committed a Crime According to their Gender
for 2014, 2016, 2018

Год	2014	2016	2018
Общее количество выявленных обучающихся, совершивших преступление	54 870	49 971	44 430
<i>темпы прироста, %</i>	-	-8,9	-11,1
Из них лиц:			
мужского пола	48 196	43 690	39 651
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	87,8	87,4	89,2
<i>темпы прироста, %</i>	-	-9,3	-9,2
женского пола	6 674	6 281	4 779
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	12,2	12,6	10,8
<i>темпы прироста, %</i>	-	-5,9	-23,9

Женщин среди обучающихся, совершающих преступления, значительно меньше (11,9 %). Данное явление объясняется общей закономерностью, характерной для преступности в целом: мужская преступность всегда преобладает над женской. Положение женщины в обществе, ее роль матери и жены, психологические особенности личности женщин, сложившиеся исторические традиции и иные факторы способствуют тому, что они реже избирают преступный путь поведения, в том чис-

ле в тех случаях, когда являются школьницами и студентками. Данное положение подтверждается и официальными статистическими данными.

2. Возраст. Для того чтобы определить наиболее криминально активный возраст обучающихся, необходимо обратиться к данным официальной статистики, согласно которым 70 % обучающихся-делинквентов составляют несовершеннолетние, то есть лица, не достигшие 18-летнего возраста (Таблица 2).

Таблица 2.

Сведения о выявленных несовершеннолетних обучающихся, совершивших преступление,
за 2014, 2016, 2018 гг.

Table 2.

Information on Identified Juvenile Students who Committed a Crime for 2014, 2016, 2018

Год	2014	2016	2018
Количество выявленных школьников и студентов, совершивших преступление	54 870	49 971	44 430
<i>темпы прироста, %</i>	-	-8,9	-11,1
Из них:			
несовершеннолетние	38 314	35 028	30 598
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	69,8	70,1	68,9
<i>темпы прироста, %</i>	-	-8,6	-12,6

¹Там же.

Используя данные о несовершеннолетних правонарушителях, основную массу которых составляют обучающиеся, можно констатировать, что

среди подростков чаще всего преступления совершают лица, достигшие возраста 16 – 17 лет (44,3 %) (Таблица 3).

Таблица 3.
Сведения о выявленных обучающихся-правонарушителях по возрастному признаку за 2014, 2016, 2018 гг.

Table 3.

Information on Identified Delinquent Students by Age for 2014, 2016, 2018

Год	2014	2016	2018
Количество несовершеннолетних, состоящих на учете в ПДН	159 795	142 841	131 008
<i>темп прироста, %</i>	-	-10,6	-8,3
Из них совершили правонарушение в возрасте:			
до 13 лет	37 936	35 370	32 187
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	23,7	24,8	24,6
<i>темп прироста, %</i>	-	-6,8	-9,0
14 – 15 лет	48 454	44 135	42 801
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	30,3	30,9	32,7
<i>темп прироста, %</i>	-	-8,9	-3,0
16 – 17 лет	73 405	63 336	56 020
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	46,0	44,3	42,7
<i>темп прироста, %</i>	-	-13,7	-11,6

Реже (31,3 %) правонарушения совершают лица 14 – 15 лет и (24,4 %) – лица до 13 лет, то есть до достижения возраста наступления уголовной ответственности.

В ранее проведенных нами научных исследованиях также отмечалось, что согласно результатам опроса экспертов, в роли которых выступили руководители образовательных организаций, анализа материалов уголовных дел, опроса осужденных, совершивших преступление в период обучения в образовательных организациях, среди обучающихся-правонарушителей преобладают лица 16 – 17-летнего возраста [4, с. 75]. «Такая закономерность объясняется более осознанным отношением к жизни, в отличие от возрастной категории 14 – 15 лет, и менее зрелым пониманием своих действий и их последствий, в отличие от возрастной категории 18 – 20 лет. 16-летние и 17-летние школьники и студенты, относящиеся в первую очередь к категории социально неблагополучных и малообеспеченных, более остро воспринимают социальное неравенство и стремятся завладеть объектами

материального мира, которые имеют другие, что влечет совершение такими лицами преступлений имущественного характера. Совершение преступлений насильственного характера может стать следствием возникшего у указанных лиц желания завоевать авторитет и дружбу тех, кто старше и сильнее. В целом в научной литературе справедливо отмечается, что агрессия и жестокость, к сожалению, стали обыденностью школьной жизни во всем мире [5, с. 190]. Осознание того, что реализация наркотических и психотропных веществ может принести 16 – 17-летнему школьнику или студенту определенный финансовый заработок, может привести к совершению преступлений против здоровья населения и общественной нравственности» [4, с. 76 – 77].

3. Уровень образования. Согласно официальным статистическим данным, представленным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, уровень образования выявленных лиц, совершивших преступление, различен (Таблица 4)¹.

¹Социальный портрет преступности: портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 07.02.2020).

Таблица 4.
Сведения о выявленных лицах, совершивших преступление, в зависимости от уровня образования за 2014, 2016, 2018 гг.

Table 4.
Information on Identified Persons who Committed a Crime, Depending on the Level of Education for 2014, 2016, 2018

Год	2014	2016	2018
Количество выявленных лиц, совершивших преступление	1 006 003	1 015 875	931 107
<i>темпы прироста, %</i>	-	+1,0	-8,3
Из них лица, имеющие образование:			
высшее	77 628	89 164	88 833
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	7,7	8,8	9,5
<i>темпы прироста, %</i>	-	+14,9	-0,4
среднее профессиональное	283 251	308 542	300 932
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	28,2	30,4	32,3
<i>темпы прироста, %</i>	-	+8,9	-2,5
среднее общее (11 классов)	224 800	212 845	189 696
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	22,3	21,0	20,4
<i>темпы прироста, %</i>	-	-5,3	-10,9
начальное и основное общее (9 классов и менее)	386 505	372 529	323 830
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	38,4	36,7	34,8
<i>темпы прироста, %</i>	-	-3,6	-13,1
не имеют образования	33 819	32 795	27 816
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	3,4	3,1	3,0
<i>темпы прироста, %</i>	-	-3,0	-15,2

Ежегодно из всех выявленных лиц, совершивших преступление, 37 % получили только начальное и основное общее образование (9 и менее классов), 29% лиц имеют среднее профессиональное образование, 22 % – среднее общее образование (11 классов), 8 % – высшее образование и 4 % – не имеют образования.

Полученные и проанализированные данные свидетельствуют о том, что чаще всего преступления совершают лица, не имеющие высшего образования. Данная тенденция объясняется тем, что лица, обладающие профессиональными навыками, реже совершают общеуголовные преступления (убийства, причинение вреда здоровью, сексуальное насилие и иное). Для таких лиц характерно совершение коррупционных преступлений, преступлений экономической направленности и иных уголовно наказуемых деяний, характеризующихся высоким уровнем

латентности, тщательно скрывааемых и требующих большой интеллектуальной проработки и подготовки.

Наибольшей криминальной активностью обладают лица, имеющие начальное (до 9 классов), основное общее (9 классов) либо среднее профессиональное образование. Именно они чаще всего совершают кражи, грабежи, убийства, насильственные действия и иные виды противоправных деяний, составляющих общеуголовную преступность. Связано это с тем, что для более сложных преступлений требуются, как правило, специальные знания или навыки, которые отсутствуют у таких лиц в связи с недостаточным уровнем образования, однако общие мотивы и побуждения, такие как корысть, зависть, ненависть, алчность и иное, характерны для них и зачастую толкают на совершение преступления.

Обсуждение и заключения

В завершение исследования отметим, что одной из ключевых задач, стоящих перед криминологией, является выработка предложений по противодействию криминальным проявлениям в обществе, в первую очередь преступности. В частности, предупредительные меры могут реализовываться через государственные, муниципальные и локальные программы и планы [6, с. 80]. К сожалению, в настоящий период преступления совершаются во всех сферах жизни общества. Исключением не является и сфера образования. Рассматривая в качестве самостоятельной категории преступников школьников и студентов, совершивших уголовно-наказуемые деяния, и проанализировав их личностные характеристики, можно составить современный криминологический портрет обучающегося-делинквента. Личность обучающегося-правонарушителя характеризуется различными группами признаков, в том числе социально-типо-

логическими признаками, в число которых входят пол, возраст и уровень образования.

Анализ данных официальной статистики позволяет заключить, что в настоящий период обучающийся-правонарушитель – это в 88 % случаев лицо мужского пола, в 44 % случаев достигшее возраста 16 – 17 лет и в 37 % случаев на момент совершения преступления имеющее только основное общее образование (до 9 классов). Таков современный социально-типологический портрет обучающегося-делинквента. Проведение исследований, посвященных анализу как рассмотренных, так и иных характеристик личности обучающихся-правонарушителей, имеет практическую значимость, поскольку позволит в дальнейшем сформировать общие и специальные рекомендации по борьбе с преступлениями, совершаемыми школьниками и студентами, в том числе меры, опирающиеся на передовые научные технологии, за которыми, по мнению ученых, стоит будущее [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Российская криминология: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2 (8). С. 101 – 108.
2. Гиниятуллина Е.З. Социально-ролевые и уголовно-правовые характеристики личности лица, получающего общее или среднее профессиональное образование и совершившего преступление // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. №3. С. 167 – 175.
3. Четвериков В.С., Четвериков В.В. Криминология : учеб. пособие. М.: Новый юрист, 1997. 143 с.
4. Сидорова Е.З. Обеспечение криминологической безопасности в организациях общего и среднего профессионального образования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 226 с.
5. Горбаткова О.И. Проблема насилия в школах в зеркале современных российских медиа // Медиаобразование. 2017. № 4. С. 189 – 205.
6. Антонян Ю.М. Преступность, криминология, общество // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 77 – 83.
7. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.

REFERENCES

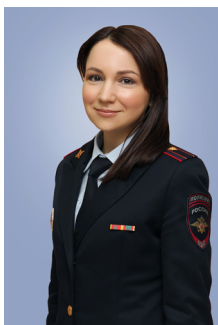
1. SHalagin A.E., Grebenkin M.YU. Rossijskaya kriminologiya: istoriya i sovremennost' // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 4. № 2 (8). S. 101 – 108.
2. Giniyatullina E.Z. Social'no-rolevye i ugovovno-pravovye harakteristiki lichnosti lica, poluchayushchego obshchee ili srednee professional'noe obrazovanie i sovershivshogo prestuplenie // CredeExperto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2015. №3. S. 167 – 175.
3. CHetverikov V.C., CHetverikov V.V. Kriminologiya : ucheb. posobie. M.: Novyj yurist, 1997. 143 s.
4. Sidorova E.Z. Obespechenie kriminologicheskoy bezopasnosti v organizaciyah obshchego i srednego professional'nogo obrazovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2018. 226 s.
5. Gorbatkova O.I. Problema nasiliya v shkolah v zerkale sovremennyh rossijskih media // Mediaobrazovanie. 2017. № 4. S. 189 – 205.
6. Antonyan YU.M. Prestupnost', kriminologiya, obshchestvo // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (45). S. 77 – 83.
7. Ovchinskij V.S. Tekhnologii budushchego protiv kriminala. M.: Knizhnyj mir, 2017. 288 s.

Об авторах: Сидорова Екатерина Закариевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
email: ketrik6@mail.ru

About the authors: Sidorova Ekaterina Z., Candidate of Law (Research doctorate), East Siberian Institute of MIA of Russia, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
email: ketrik6@mail.ru

© Сидорова Е.З., 2020

Статья получена: 07.02.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

УДК 343.851

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.010

А.М. Хафизова

**РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК ЗАДАЧА
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ:
К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ**

**RESOCIALIZATION OF CONVICTS AS A PENAL POLICY
TASK OF RUSSIA: THE ISSUE OF TERMINOLOGY**

Введение: статья посвящена актуальной проблеме трактовки понятия «ресоциализация осужденных» в силу отсутствия единого подхода к сущности данного явления. На основании исследования доктринальных источников предложены инициативы по разграничению понятий «ресоциализация» и «социальная адаптация» и по корректировке самого понятия «ресоциализация» применительно к осужденным.

Материалы и методы: эмпирическая основа представлена нормами уголовного, уголовно-исполнительного и криминологического законодательства. Проведенное исследование основано на общенаучных методах познания, а также специальных методах: сравнительно-правовом, логико-юридическом, системно-структурном. Материалами исследования послужили доктринальные и законодательные источники, затрагивающие вопросы терминологии понятия ресоциализации осужденных.

Результаты исследования: анализ имеющейся информации в рассматриваемой области свидетельствует о том, что ресоциализация представляет собой крайне широкое, неоднозначное понятие, требующее комплексного совершенствования.

Обсуждение и заключения: автором на основе действующего законодательства и анализа авторитетных мнений отечественных исследователей, рассматриваемой проблематики предложены рекомендации по внедрению качественно новой трактовки понятия «ресоциализация» и внесены предложения в соответствующие законодательные акты.

Ключевые слова: ресоциализация; осужденные; уголовно-исполнительная политика; социальная адаптация; реинтеграция; совершенствование

Для цитирования: Хафизова А.М. Ресоциализация осужденных как задача уголовно-исполнительной политики России: к вопросу о терминологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 324 - 328. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.010

Introduction: the article is devoted to the urgent problem of interpreting the concept of "resocialization" of convicts, due to the lack of a unified approach to the essence of this phenomenon. Based on a study of doctrinal sources, initiatives are proposed to distinguish between the concepts of "resocialization" and "social adaptation" and to adjust the concept of "resocialization" as applied to prisoners.

Materials and Methods: the regulatory framework was presented by the norms of criminal executive legislation. The study was based on general academic methods of cognition, as well as special methods: comparative legal, logical and legal, systemic and structural. The research materials were doctrinal and legislative sources that touch upon the terminology of the concept of resocialization of convicts.

Results: analysis of sources in the field under consideration indicated that resocialization is an extremely broad and ambiguous concept, which has become widespread in various branches of science and requires improvement.

Discussion and Conclusions: the author, on the basis of the current legislation and analysis of authoritative opinions of domestic researchers, of the issue under consideration, offers recommendations on introducing a qualitatively new interpretation of the concept of "resocialization" and introducing proposals into the relevant legislative acts.

Key words: resocialization; convicts; penal policy; social adaptation; reintegration, improvement

For citation: Khafizova A.M. Resocialization of Convicts as a Penal Policy Task of Russia: the Issue of Terminology // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 324 - 328. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.010

Введение

Как многогранное и многоаспектное явление, уголовно-исполнительная политика оперирует целым рядом понятий. Однако системный их анализ позволяет сделать однозначный вывод: многие из понятий, составляющих понятийный аппарат уголовно-исполнительной политики России, не характеризуются единством трактовки их смысла, сущности и содержания, а ряд из них и вовсе носит оценочный характер (впрочем, то же самое может быть сказано и о самой уголовно-исполнительной политике). Одно из таких ведущих понятий - ресоциализация осужденных.

Обзор литературы

Актуальные проблемы, связанные с ресоциализацией осужденных, освещены в исследованиях таких отечественных авторов, как Ю.М. Антонян, Ю.В. Жулева, М.С. Рыбак, А.И. Кравченко, А.И. Зубков, В.И. Селиверстов, В.Б. Малинин и другие. Проведенные исследования трактовки соответствующих понятий призваны не только конкретизировать доктрину уголовно-исполнительного права, но и создать основу для дальнейшего совершенствования законодательства в плане выработки и закрепления ведущих понятий и их определений.

К сожалению, наука уголовно-исполнительного права последних лет не может похвастаться интересом к всестороннему анализу тех категорий, которые образуют научно-понятийный (терминологический) аппарат современной уголовно-исполнительной политики России. Судя по анализу доктринальных источников, наблюдается интерес современных исследователей к вопросам как предупреждения различных видов преступности в целом (прежде всего рецидивной), так и к месту и роли ресоциализации осужденных в нем. Так, В.Б. Малинин справедливо отмечает в своих трудах: «По проблеме ресоциализации российскими правоведом публикуется все больше работ, соответственно, накапливается и больше мнений» [1]. Вместе с тем научные разработки в этой сфере подчас ограничиваются лишь простой констатацией проблем и не решенных на практике вопросов, указанием на отдельные аспекты проводимой в современной уголовно-исполнительной системе работы. В то же время имеется необходимость параллельно активизировать научную деятельность по выработке теоретических и практических основ, отражающих понятие, сущность и содержание многих социально-правовых понятий и категорий, в своей совокупности образующих систему, призванную играть ключевую роль в предупреждении преступности в целом.

Материалы и методы

В настоящем исследовании были использованы отечественные труды по уголовно-исполнительному праву, криминологии, предупреждению преступности, социологии психологии и уголовному праву. Применялись общенаучные, специальные и криминологические методы познания, которые позволили проанализировать и обобщить собранные авторами материалы российских источников, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

Ресоциализация осужденных - крайне широкое и неоднозначное понятие, получившее распространение во многих отраслях науки (прежде всего в уголовно-исполнительном праве и криминологии). Определенное отражение оно нашло и на легальном уровне. В целом, ныне действующее законодательство (ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») относит ресоциализацию к формам профилактического воздействия (наравне с профилактической беседой, социальной реабилитацией, правовым просвещением и т.д.). По мнению законодателя, она представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. Данное определение можно считать удачным, но не в полной мере.

Такие нормативные правовые акты, как Уголовный кодекс РФ и Уголовно-исполнительный кодекс РФ, понятием ресоциализации осужденных вовсе не оперируют, в то же время предупреждение преступлений называется отечественным законодателем в качестве одной из целей уголовного наказания. А сокращение рецидива среди лиц, отбывающих лишение свободы, названо в числе приоритетных задач в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

Из анализа доктринальных источников следует, что нормативное закрепление понятия ресоциализации осужденных через комплекс тех или иных мероприятий вызывает немало споров и критических оценок, ведущих к выработке со-

временными исследователями качественно новых его трактовок, значительно более обоснованных и информативных, нежели предложенные законодателем. Предлагаемые учеными трактовки призваны не только обогатить доктрину уголовно-исполнительного права (в ее рамках в последние годы выделяется и достаточно активно изучается так называемая «исправительная доктрина России» [2]), но и создать своего рода основу для дальнейшего совершенствования законодательства в плане выработки и закрепления ведущих понятий и их определений.

Отсутствие единого подхода к трактовке понятия и сущности ресоциализации применительно к осужденным позволяет современным ученым рассматривать ее и как комплекс мер, и как процесс, и как результат. В зависимости от этого могут выделяться и этапы ресоциализации, и ее факторы, и т.д. (аналогичное можно сказать и о таком понятии, как «предупреждение рецидива (рецидивной преступности)»). На наш взгляд, можно выделить следующие основные направления понимания сущности и содержания ресоциализации осужденных:

это система мер воздействия на осужденного, комплекс специально разработанных мероприятий, нацеленных на обеспечение его правооптимального поведения (видение законодателя),

это процесс восстановления у осужденного утраченных или ослабленных в результате отбывания уголовного наказания (изоляции) имевших место социальных связей, функций и статуса личности (понимание ресоциализации как процесса);

это усвоение осужденным общепринятых стандартов поведения и ценностных ориентаций, осознание им необходимости подчинения правовым и иным моральным нормам поведения (понимание ресоциализации как результата).

Несмотря на достаточно четко прослеживаемое в доктрине права разграничение этих направлений (трактовок), мы считаем необходимым отметить обоснованность каждого из них, важность их объединения и дальнейшего интегрированного развития. На необходимость именно комплексного подхода к трактовке понятия ресоциализации осужденных в своих работах указывали еще советские правоведы. Так, В.В. Громов и А.С. Крылов отмечали, что «понятие ресоциализации рассматривают как комплекс мероприятий, направленных на восстановление, приобретение социальных связей, утраченных как вследствие прошлой преступной деятельности, так и в период вынужденной изоляции от общества» [3, с. 37]. Сказанное выше, на наш взгляд, актуализирует вопрос разработки качественно новой трактовки

понятия ресоциализации осужденных для целей его закрепления в нормах Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Полагаем, что понятие ресоциализации осужденных должно применяться, в первую очередь, в отношении рецидивной преступности, представляя собой основу ее предупреждения и профилактики. При этом важно учесть два момента:

во-первых, рассматривая ресоциализацию осужденных как основу предупреждения рецидивной преступности с доктринальных позиций, важно отметить необходимость дальнейшей системной разработки выдвигаемых современными исследователями предложений относительно тех мероприятий, которые образуют понятие ресоциализации. Одно из них - введение правового института досудебной пробации, широко известного многим зарубежным странам. В рамках досудебной пробации речь идет о начале ресоциализации уже на стадии уголовного судопроизводства, что можно считать наиболее корректным подходом;

во-вторых, говоря о необходимости выработки твердых и однозначных научных основ ресоциализации осужденных как основы предупреждения рецидивной преступности, важно при этом не забывать об исключительно индивидуальном подходе к реализации практических мер (мероприятий) ресоциализации, в том числе воспринятых из правовых систем других стран, прежде всего, с учетом вида рецидивной преступности (например, женской рецидивной преступности, рецидивной преступности несовершеннолетних, и т.д.).

Кроме всего прочего, с позиций доктрины уголовно-исполнительного права должно быть проведено четкое разграничение таких понятий, как «ресоциализация осужденных» и «социальная адаптация лиц, отбывших наказание» (последнее характерно для криминологии), качественно новым смыслом должны наполниться понятия социальной адаптации и социальной реабилитации. Важно и далее исследовать соотношение понятия ресоциализации с понятиями «исправление», «реабилитация», «адаптация».

Обсуждение и заключения

В настоящее время смысловое и содержательное смешение (далеко не всегда оправданное) рассматриваемых понятий можно отметить не только в среде правоприменителей и правоведов-теоретиков, но и у самого законодателя. Так, с позиций закона, ресоциализация - это комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их

компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. Вместе с тем реализация комплекса мер и мероприятий того же плана предусматривается и в рамках социальной реабилитации, что в существенной мере осложняет процесс их разграничения.

Нельзя не отметить и то, что законодатель закрепляет конечный результат ресоциализации - «в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера». Но само по себе понятие реинтеграции осужденных, его наполнение так называемым «уголовно-исполнительным» смыслом не становится предметом научных изысканий.

Со своей стороны полагаем, что именно это понятие - «реинтеграция осужденных» - должно стать обобщающим для всех четко выверенных и практически апробированных форм, предусмотренных законодателем в нормах ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», как ключевой цели всего воздействия на осужденных. Определенные шаги на доктринальном уровне в этом направлении уже сделаны (например, Т.П. Афонченко в своих работах поднимает проблемы управления социальной реинтеграцией осужденных, разграничивая национальный и международно-правовой аспекты [4]). При этом и речь должна идти не о «формах профилактического воздействия», а о «формах и направлениях реинтеграции осужденных» (что обуславливает внесение соответствующих изменений и дополнений в законодательство отнюдь не только в плане наименований).

Иными словами, считаем целесообразным внести следующие рекомендации:

1) предложить ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» именовать «Ресоциализация как средство достижения реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера»;

2) трактовка ресоциализации должна подразумевать отражение в ее содержании и комплекса мер, и самого процесса их реализации, и конечно-же результата;

3) социальная адаптация и социальная реабилитация должны представлять собой направления ресоциализации, т.к. вполне очевидно, что ресоциализация невозможна без достижения тех результатов, которые ставятся отечественным законодателем перед адаптацией и реабилитацией (осужденный не может реинтегрироваться в общество без надлежащего бытового и трудового устройства, без восстановления - в пределах объективно возможного - социально-полезных связей и т.д.);

4) ст. 17.1 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» должна стать регулятором именно форм профилактического воздействия, но к категории таковых целесообразно относить: профилактическую беседу; объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; профилактический учет; внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; профилактический надзор; помощь лицам;

5) не представляется целесообразным выделение правового просвещения и правового информирования в отдельные формы профилактического воздействия, т.к. при их современной законодательной трактовке («В целях правового просвещения и правового информирования субъекты профилактики правонарушений или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств») они представляют собой способы профилактики и предупреждения виктимизации. При этом разъяснение правовых последствий продолжения антиобщественного поведения уже охватывается такой формой воздействия, как профилактическая беседа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малинин В.Б. Понятие ресоциализации осужденных и применение ее к несовершеннолетним // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 189 - 202.
2. Селиверстов В.И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. Том 4. С. 65 - 73.

3. Громов В.В., Крылов А.С. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы: сб. науч. тр. М., 1989. С. 36 - 42.
4. Афонченко Т.П. Проблемы управления социальной реинтеграцией осужденных: национальный и международно-правовой аспект // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 5(98). С. 57 - 63.

REFERENCES

1. Malinin V.B. Ponyatie resocializacii osuzhdennyh i primeneniye ee k nesovershennoletnim // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2017. N 1. S. 189 - 202.
2. Seliverstvov V.I. Ispravitel'naya doktrina i ee vliyanie na polozheniye lic, osvobozhdennyh ot otbyvaniya nakazaniya // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2018. N 2. Tom 4. S. 65 - 73.
3. Gromov V.V., Krylov A.S. Social'nye svyazi v processe resocializacii osuzhdennyh // Primeneniye nakazaniy, ne svyazannyh s lisheniem svobody: sb. nauch. tr. M., 1989. S. 36 - 42.
4. Afonchenko T.P. Problemy upravleniya social'noj reintegraciej osuzhdennyh: nacional'nyj i mezhdunarodno-pravovoj aspekt // Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny. 2016. N 5(98). S. 57 - 63.

Об авторе:

Хафизова Альбина Мансуровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
email: amxafizova@gmail.com

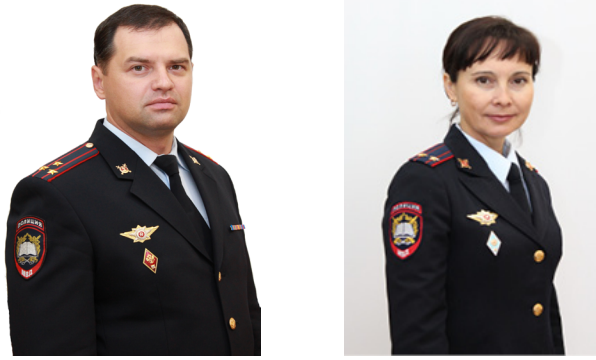
© Хафизова А.М., 2020

Статья получена: 15.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

About the author:

Khafizova Albina M., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer, the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: amxafizova@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

А.Е. Шалагин, О.Н. Хрусталева

**КРИМИНОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ
ПРЕСТУПНИКА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

**CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL'S
PERSONALITY: FROM THEORY TO PRACTICE**

Введение: статья посвящена криминологическим и психологическим характеристикам личности преступника. Особое внимание обращается на процесс формирования личности преступника, а также на его структуру, типологии и классификации. Проанализированы детерминанты преступного поведения.

Материалы и методы: при подготовке исследования были использованы современные труды по криминологии, психологии, девиантологии, аддиктологии, социологии, уголовному праву, посвященные личности преступника и ее особенностям, а также произведения русской классической литературы. Применялись как общенаучные, так и специальные методы познания: анализ литературы по проблеме исследования, классификация, обобщение теоретических знаний и практического опыта преподавателей.

Результаты исследования: рассмотрены различные подходы современных ученых к типологии и классификации личности преступника в юридических науках (криминологии, криминалистике и др.), а также различные модели этой личности, представленные в ряде смежных наук (психологии, социологии, культурологии и др.).

Обсуждения и заключения: представленные подходы к типологии и классификации личности преступника предложено рассматривать не только в качестве теоретического материала в виктимологическом аспекте, прогнозировании в криминологии, профилактике преступлений – представлены дидактические возможности использования данных теорий в практико-ориентированном обучении курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: личность преступника; преступление; преступное поведение; преступность; криминогенная ситуация; типология; классификация; предупреждение; криминология; психология; практикоориентированное обучение

Для цитирования: Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Криминологические и психологические характеристики личности преступника: от теории к практике // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3 (41). С. 329 - 337. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.011

Introduction: the authors discuss criminological and psychological features of personality of criminals. Special attention is on the formation of the personality, its structure, typology and classifications; analyse criminal behavior determiners.

Materials and Methods: current works on criminology, psychology, deviance, addictology, sociology, criminal law that study criminal personality and its features. The authors also used classic Russian literature. General and special methods of research were used in the study: literature analysis, classification, theoretical generalization and teachers' experience.

Results: various approaches of modern academicians to typology and classification of criminal personality in jurisprudence (criminology, criminalistics etc.), various models of the personality that exist in interdisciplinary sciences (psychology, sociology, culturology etc.).

Discussion and Conclusions: the authors suggest study the given approaches to the typology and classification of the personality not only as theory from victimological point of view, predicting in criminology and crime prevention but in didactic usage of the theories in practice-oriented training of educational establishments of MIA of Russia cadets and students.

Keywords: criminal identity; crime; criminal behaviour; criminogenic situation; typology; classification; warning; criminology; psychology; training

For citation: SHalagin A.E., Khrustaleva O.N. Criminological and Psychological Characteristics of Criminal's Personality: from Theory to Practice // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No . P. 329 - 337. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.011

Введение

Личность преступника является объектом криминологических, психологических, антропологических, социологических, культурологических и иных исследований на протяжении длительного времени. В обобщенном виде ее можно представить как определенную модель (криминологический, криминалистический, психологический портрет правонарушителя), обладающую характерными чертами и особенностями.

В русском языке слово «личность» (от «лицо», «личный») уже со второй половины XVII в. стало распространяться в значении «духовно-разумного образа человека» и в качестве «субъекта социальных отношений». Понимание человеческой личности вначале формировалось на теологическом уровне, в дальнейшем стало уже объектом научного осмысления [1, с. 117].

Современное изучение личности преступника осуществляется с целью определения эффективных, практико-ориентированных подходов, минимизирующих (предупреждающих) ее противоправные проявления, а также своевременно воздействия на детерминанты преступности и преступного поведения. Криминологический (криминалистический) портрет личности преступника используется для предупреждения и пресечения преступления, при расследовании и рассмотрении конкретного уголовного дела, в пенитенциарной практике, а также в процессе ресоциализации (адаптации) лиц, ранее отбывавших наказания в местах лишения свободы.

Важная роль при определении вменяемости отводится взаимосвязи биологического и социального в личности преступника. Совокупность криминологическо-психологических признаков (свойств) личности позволяет составить представление о субъекте преступления, его взглядах и убеждениях, жизненных ориентирах и потребностях, интересах и мотивах.

Среди наиболее известных направлений исследования личности выделяются: психодинамическая теория Зигмунда Фрейда (1856 – 1939),

индивидуальная теория Альфреда Адлера (1870 – 1937), аналитическая теория Карла Густава Юнга (1875 – 1961), гуманистическая теория Эриха Фромма (1900 – 1980), диспозициональная теория Гордона Олпорта (1897 – 1967), социокультурная теория Карен Хорни (1885 – 1952), теория социального научения Джулиана Роттера (1916 – 2014), феноменологическая теория Карла Роджерса (1902 – 1987), структурная теория личностных особенностей Рэймонда Кеттелла (1905 – 1998), теория типов личности Ганса Айзенка (1916 – 1997), эго-теория личности Эрика Эриксона (1902 – 1994) и проч. [2].

Личность человека индивидуальна и неповторима. Формируемые особенности личности находятся в прямой зависимости от условий воспитания и образования, семейного благополучия, поведения ближайшего окружения индивида, а также от темперамента, характера, гормонального фона, функционирования головного мозга и центральной нервной системы. Личность связывает воедино различные психические процессы, происходящие в человеке, и придает им последовательное и устойчивое проявление¹.

На формирование личности влияют как внешние (объективные), так и внутренние (субъективные) факторы. В связи с этим особое место в исследовании личности преступника отводится криминогенной ситуации, причинам и условиям противоправного поведения, взаимодействию индивида с окружающими людьми, его психическому и физическому состоянию, механизму совершения им уголовно наказуемого деяния. Изучая прошлое человека, можно понять мотивы его поступков в настоящем, а также спрогнозировать возможную линию поведения в будущем.

Личность преступника по-своему представлена в отечественной литературе: в сатирических произведениях Н.В. Гоголя, в пьесах А.Н. Островского, в романах Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, в рассказах Н.С. Лескова, А.П. Чехова, М. Горького, М. Булгакова, а также в произведениях И. Ильфа и В. Петрова, А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова,

¹Психологический словарь / [подг. Айрапетянц А.Т., Альтман Я.А., Анохин П.К. и др.]; ред. кол. В.В. Давыдов и др. М.: Педагогика, 1983. С. 179.

С.Д. Довлатова, Ю.С. Семенова, братьев Вайнеров [3]. Писатели-современники (Б. Акунин, М. Есаулов, А. Кивинов, А.Д. Константинов, Д.А. Корецкий, А. Маринина, Е. Топильская и др.) также уделяют значительное внимание этому аспекту в своих рукописях [4, с. 107].

Проблемой отражения уголовного права и криминологии в произведениях художественной литературы на протяжении многих лет успешно занимается ученый-юрист Л.Р. Клебанов [5]. Высказанная им мысль по-своему близка и авторам этой статьи. Преподавателям юридического вуза порой для иллюстрации учебного материала очень недостает живых, реальных примеров. Абстрактные личности в этом качестве мало подходят, особенно поколению Z с его «клиповым мышлением» и потребностью анализировать факты. На помощь преподавателю приходит художественная литература, примеры из которой помогут «визуализировать» отдельные положения юридической науки. Значительными плюсами здесь выступают следующие моменты: форма изложения становится более яркой, убедительной, содействует формированию мировоззрения слушателей, повышает общую культуру обучающихся [6], выступает одним из основных средств формирования правосознания [7].

Так, например, составив «профиль убийцы» (хотя, конечно, такого понятия во времена Ф.М. Достоевского еще не существовало), талантливый следователь Порфирий Петрович, наделенный интуицией, опытом, прозорливостью, обладающий хорошей памятью, владея приемами психологического воздействия на собеседника при общении, обращая внимание на детали, интонации, жесты в разговоре, поведении собеседника, не только понимает, кого он должен искать, но и на какие тонкие струны души человека необходимо воздействовать, чтобы тот признался в совершенном преступлении. Увлекающийся психологией следователь, даже при отсутствии улик и доказательств причастности Раскольникова к убийству, воздействуя на его личность путем бесед на вечные нравственные темы, доведя своего собеседника до нервного срыва, практически вынуждает виновного признаться в преступлении.

Обзор литературы

Начало изучения проблемы личности преступника было заложено учеными второй половины XIX – начала XX столетий (Д.А. Дриль, М.Н. Гернет, А.А. Жижиленко, А.И. Зак, Н.С. Лобас, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, П.Н. Тарновская, И.Я. Фойницкий, А.И. Ющенко и др.). После восстановления криминологии в системе юридических дисциплин во второй половине XX столетия личность преступника снова становится объектом

научного исследования. Свои труды ей посвящали Ю.М. Антонян, Б.С. Волков, Я.И. Гишинский, А.А. Герцензон, А.И. Долгова, П.С. Дагель, М.И. Еникеев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.С. Лейкина, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, И.М. Мацкевич, В.А. Номоконов, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов, А.М. Яковлев.

К современным диссертационным исследованиям данной проблемы относятся рукописи Е.А. Антонян «Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование» (2014), М.В. Гончаровой «Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение» (2014), Е.Б. Кургузкиной «Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений» (2003), Р.Л. Ахмедшина «Криминалистическая характеристика личности преступника» (2006), Е. Флоря «Личность преступника (криминологическое и уголовно-правовое исследование)» (2002) и др.

Значительный интерес представляют коллективные монографии: «Личность преступника и профилактика преступлений» (2017), «Личностные характеристики преступников» (2018), «Личность осужденного» (2017), «Преступник. Основные понятия и черты личности» (2020).

Материалы и методы

Материалом междисциплинарного исследования послужили труды ученых по криминологии, психологии, социологии, девиантологии, уголовному праву, криминалистике, по теории личности, а также литературные произведения русских классиков, в которых рассматривается проблема формирования личности преступника. Исследование-систематизация знаний по обозначенной проблеме проводилось с целью повышения эффективности преподавания юридических дисциплин курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России.

Для решения поставленных задач использовались специально подобранные методы исследования: анализ и обобщение научных, учебных и литературных источников, практического опыта авторов статьи и их коллег; интерпретация положений педагогики и психологии в плоскости предметных методик, конкретизация общих положений до уровня методических рекомендаций. Кроме того, статья продолжает междисциплинарное исследование авторов, начатое ими в статье «Теории преступного поведения: от истоков к современности» [8].

Результаты исследования

Преступное поведение является результатом взаимодействия социальной среды и личности преступника, в котором доминирующую роль

играет то одна, то другая сторона. Виновным в совершении преступления может быть признан вменяемый, достигший определенного возраста гражданин, который способен отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Российский криминолог В.В. Лунеев под личностью преступника понимает личность человека, виновно совершившего уголовно наказуемое деяние, обладающего совокупностью криминологически значимых свойств (признаков), которые во взаимодействии с внешней средой (криминогенной ситуацией) обуславливают совершение преступления [9, с. 173].

В.Н. Кудрявцев считал, что преступник – это личность со значительно более высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности, отчужденности от общественно полезной деятельности [10, с. 80]. В современных условиях мы наблюдаем, что такое высказывание не всегда соответствует реальной действительности. Появление новых криминальных «профессий», «специализаций», «квалификаций» заставляет переосмысливать существующие подходы к личности преступника и проблеме противостояния преступности.

Рассматривая преступление как результат сложного взаимодействия множества факторов, среди которых важную роль играет личность (с ее признаками, свойствами, связями, отношениями), можно исходить из того, что не существует таких черт (свойств) личности, которые неизбежно предопределяют совершение лицом преступления. На общественно опасные (противоправные) поступки основополагающее значение оказывают сознание и воля человека, способствующие выбору различных вариантов поведения. Биопсихологические свойства личности сами по себе не приводят к совершению преступного деяния, на них могут оказывать непосредственное воздействие жизненные условия, социальная среда, криминальная субкультура [11, с. 92].

Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов под личностью преступника понимают личность индивида, который совершил преступление вследствие определенных психологических особенностей, антиобщественных взглядов (установок), негативного отношения к нравственным и культурным ценностям, выбравший криминальный образ жизни для удовлетворения своих потребностей и не предпринимавший мер для предотвращения общественно опасных последствий. Кроме того, они считают, что личность преступника представляет собой совокупность интегрированных в ней социально

значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми, осуществивших привитие антиобщественных взглядов и установок, ориентированных на криминальный образ жизни, а также правил, обычаев и традиций преступной среды [12, с. 12].

Заслуживает внимания еще одно определение личности осужденного: она является составной частью более общей проблемы – личности человека, личности преступника. Человек не рождается личностью, а становится ею в процессе социализации. Также индивид не рождается преступником, а становится им в результате неблагоприятного формирования его личности. Личность осужденного является основным объектом воспитательной работы, превентивного воздействия, что требует всестороннего и глубокого ее изучения. Такая личность представляет собой совокупность социальных и психологических признаков, присущих ей как человеку, а также возникших под воздействием микросредовых факторов в условиях изоляции от общества [13, с. 9].

Общественная опасность личности преступника складывается из степени опасности самого преступления и готовности к нему или рецидиву уголовно наказуемого деяния. К криминологическим признакам личности преступника относятся: а) криминальная активность; б) степень вины; в) мотив преступления; г) отношение лица к противоправному поступку; д) склонность виновного к употреблению алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ; е) криминальный «статус», «стаж», выполняемые функции; ж) бытовая, учебная, производственная, иная характеристика личности; з) психофизическое состояние здоровья; и) отношение лица к своей дальнейшей жизнедеятельности (исправление, желание начать все с начала, рецидив, злостное нарушение порядка отбывания наказания) и др. [14, с. 62].

В философской литературе структура (от *lat.* строение, расположение, порядок) рассматривается как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях¹.

Традиционно в структуру личности преступника включают такие элементы, как: а) биофизиологические признаки; б) социально-демографические; в) нравственно-психологические; г) социально-ролевые или функциональные; д) уго-

¹ Философский энциклопедический словарь / [подг. А.Л. Грекулова и др.]; ред. кол.: С.С. Аверинцев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 629.

ловно-правовые и криминологические [15, с. 86]. Существуют различные подходы и точки зрения на наполняемость структуры личности правонарушителя (А.И. Долговой, В.Н. Кудрявцева, Ю.М. Антоняна, Я.И. Гилянского, С.М. Иншакова и др.).

По мнению И.М. Мацкевича, психологическая подструктура личности включает в себя четыре уровня: 1) биологический (пол, возраст, особенности нервной системы и физической конституции, темперамент); 2) индивидуальный – включает в себя память, эмоции, ощущения, способы восприятия реальной действительности, мышление, волевые характеристики; 3) общественный – непосредственно связан с приобретением социального опыта, а также наличием знаний, умений, навыков, привычек; 4) функциональный – отражающий позицию личности в современном обществе, которая может быть оценена как включенная/исключенная в систему общественных отношений (убеждения, желания, потребности, интересы, влечения, наклонности, ожидания). Перечисленные компоненты тесно взаимосвязаны, дополняя друг друга, они являются неотъемлемой частью сознания индивида. Таким образом, человек представляет собой сложную, противоречивую, взаимодополняющую систему самоорганизации [16, с. 12].

Психологические особенности включают интеллектуальные, эмоциональные и волевые стороны личности преступника. К интеллектуальным свойствам относятся: уровень умственного развития, жизненный и практический опыт, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов, нравственные и культурные потребности. Эмоциональные качества представлены уравновешенностью или подвижностью нервных процессов, динамичностью чувств, степенью эмоциональной возбудимости, скоростью и типом реакции на различные раздражители, постоянством или частой сменой настроения. Волевые свойства личности состоят из умения регулировать свою жизнедеятельность, способности принимать ответственные решения и добиваться намеченной цели. Это обнаруживается в таких качествах личности, как целеустремленность, последовательность, выдержка, самообладание, решительность, энергичность, а также в противоположных им чертах и свойствах личности [17, с. 65 – 67].

Для составления криминологического портрета личности наиболее часто используют такие элементы, как: пол, возраст, место жительства (проживания), род трудовой или учебной деятельности, особенности внешности и физической конституции, семейное и материальное положение, нравственно-психологические характеристики, возможный мотив совершения преступления (ху-

лиганский, экстремистский, насильственный, сексуальный и проч.), наличие соучастников в преступной деятельности, выполняемые роли (организатор, пособник, подстрекатель, исполнитель), использование орудий и средств при совершении преступления, дополнительные сведения, характеризующие личность (эгоизм, садизм, нарциссизм, криминальный карьеризм) [18, с. 189], данные об образе жизни, личных качествах и чертах характера, интересах, потребностях [19], зависимостях. В процессе расследования уголовного дела данный портрет существенно может быть дополнен криминологическими характеристиками личности преступника.

Процесс формирования личности в научной, учебной и в художественной литературе рассматривается как социализация, т.е. процесс интеграции человека в общество, установления связей (контактов), принятие социальных норм, запретов, ограничений, дозволений, освоение новых ролей и функций.

На формирование личности существенное влияние оказывают семейное и школьное воспитание, трудовой коллектив, средства массовой информации, взаимоотношения индивидов в малых и больших группах, информационная телекоммуникационная сеть «Интернет». В современных условиях происходит трансформация преступности, а вместе с ней меняется личность преступника. Наряду с общеуголовной и бытовой преступностью, все больше заявляют о себе экономическая, политическая, олигархическая, коррупционная, экологическая, нарко- и киберпреступность. Для такой категории правонарушителей будут свойственны иные криминологические психологические характеристики. В частности, несмотря на широкую популярность так называемой теории поколений («миллениалы», «поколение Z» и др.), которую активно разрабатывают отечественные и зарубежные представители педагогической общественности, социологи и психологи, пытаясь выработать стратегии эффективного обучения нового поколения и иного взаимодействия с ним, в криминологической науке исследований в этой области пока не наблюдается. Личность представителя поколения описывается рядом нестандартных характеристик: стертая грань между реальностью и жизнью в сети, появление новых путей идентификации личности (например, «личный бренд», как у графферов), потребность в создании медийного контента (блоги, страницы в интернете, написание электронных книг), фрагментарность мышления («клиповое мышление»), интровертированный индивидуализм [20].

Криминология придает важное значение типологии и классификации преступников. При этом типология обобщает совокупность однородных признаков, свойственных определенным социальным группам, а классификация подразделяет преступников на отдельные виды по различным основаниям. Типология в определенном смысле является результатом классификации. Последующее объединение и систематизация данных, полученных на основе классификации, позволяет определить тип правонарушителя, который воплощает в себе характерные особенности. Таким образом, типология продолжает развивать классификацию и представляет собой более высокий уровень абстракции [21, с. 8 – 9].

Одна из традиционных типологий преступников была предложена доктором юридических наук, профессором А.Б. Сахаровым. Развивая свое учение о личности преступника, он выделял: а) случайных; б) ситуационных; в) неустойчивых; г) злых; д) особо опасных преступников [22, с. 21].

По характеру преступной деятельности они делятся на: 1) лиц, совершивших преступления против интересов государства; 2) корыстных преступников; 3) насильственных преступников; 4) лиц, совершивших преступления против общественной безопасности и общественного порядка; 5) лиц, совершивших преступления по легкомыслию или небрежности (неосторожный преступник); 6) лиц с негативным (пренебрежительным) отношением к нравственности, морали, традициям и правилам общежития [23, С. 132 – 133].

А.И. Долгова предлагала выделять: а) тип с устойчивой преступной деформацией поведения; б) с нравственно-правовой деформацией поведения, когда противоправное поведение носило эпизодический или единичный характер; 3) с асоциальной деформацией поведения, когда нарушение нравственных требований могло привести к аморальному поступку, административному правонарушению, но не перерастало в уголовно наказуемое деяние. Позже она выделит глобальный, парциальный, с частичной криминальной зараженностью, предкриминальный, ситуативный тип преступного поведения [24, с. 235].

В своем фундаментальном труде «Преступник. Основные понятия и черты личности» Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов останавливаются на таких типах, как убийцы, сексуальные преступники, корыстные и корыстно-насильственные преступники, участники организованных преступных групп (сообществ), коррупционеры, террористы, неосторожные преступники, рецидивисты, кибепреступники и др. [25]

По иным критериям выделяют следующие типы личности преступников: 1) самоутверждающийся тип; 2) алкогольный; 3) наркотический; 4) игровой; 5) дезадаптивный; 6) маниакальный; 7) конформистский; 8) экстремистский; 9) престижный; 10) маргинальный; 11) с психическими аномалиями, не исключающими вменяемость [26].

Только на примере главы 25 Уголовного кодекса Российской Федерации можно выделить различные типы преступников (наркодилеров, организаторов и содержателей притонов, производителей фальсифицированных лекарственных средств, биологически активных добавок к пище, сектантов, представителей сексуальной и порнографической индустрии, вандалов и «черных копателей», торговцев людьми, должностных лиц, нарушающих санитарно-эпидемиологические правила, скрывающие информацию об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья граждан и др.) [27, с. 260].

Обсуждение и заключения

Существует несколько научных теорий, касающихся личности преступника: социологическая, нормативистская, криминологическая, психологическая. Все они в той или иной степени описывают и анализируют объект исследования. Взаимодополняя, обогащая друг друга, исследуя проблему с различных позиций (точек зрения), они поступательно развивают, формируют более четкое представление о личности преступника [28, с. 129].

Такие исследования дают возможность продвинуться дальше в научном поиске, сделать правильные выводы, внести предложения и рекомендации. Изучение личности преступника позволяет своевременно реагировать на происходящие трансформации преступности, криминальных «профессий», «специализаций», «функций». Данная проблема тесно связана с изучением количественных и качественных показателей преступности, ее причин и условий, профилактикой преступлений, виктимологическим аспектом, прогнозированием, планированием и программированием в криминологии.

Задача глубокого и конкретного изучения личности преступника обусловлена потребностями практики противодействия преступности. Правильное понимание, взвешенная законодательная и правоприменительная оценка характера и степени общественной опасности личности, ее роли в совершенном преступлении чрезвычайно важны для эффективной уголовной политики и превентивной деятельности в отношении уголовно наказуемых деяний [29, с. 22]. К основным методам изучения личности преступника и преступного

поведения относятся: а) наблюдение; б) анкетирование; в) интервью; г) тестирование; д) документальный и статистический методы; е) эксперимент [30, с. 40].

При бурном развитии современных технологий (искусственный интеллект, 3D-принтеры, Big data (Большие данные), робототехника, Интернет вещей) всегда будут находиться люди, которые захотят воспользоваться достижениями цивилизации в своих корыстных (преступных) целях. Поэтому разработка профилактических мер в сфере защиты персональных данных, банковских счетов, авторских и смежных прав нацелена на упреждение и минимизацию противоправных деяний. Процессу предупреждения, пресечения, расследования преступлений будет способствовать дальнейшее развитие профайлинга, распознавание преступников, поиск людей, пропавших без вести, на базе нейронных сетей и передовых IT-технологий, глобальные навигационные системы [31], новые способы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

В условиях реализации компетентностной парадигмы в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции – тех, кто будет предупреждать, пресекать, расследовать преступления, важное значение приобретает практико-ориентированный подход в обучении. Возможности метода анализа жизненных ситуаций, актуализированного в связи с включением его в требования ФГОС ВО [32, с. 29], в этой ситуации становятся весьма эффективными, как и кейс-метод. Являясь неигровым имитационным методом активного обучения, анализ конкретной ситуации, метод кейсов помо-

гают обучающимся решать профессиональную задачу (в плане теоретической, психологической подготовки или в воспитательном личностном плане), способствует повышению практической составляющей в обучении будущих правоохранителей. Теоретические знания о личности преступника, проиллюстрированные примерами из классической литературы, помогут обучающимся не только структурировать имеющиеся знания по проблеме, но и будут способствовать воспитанию готовности к профессиональной деятельности, формированию нравственных, эстетических знаний, ценностей для решения правовых проблем [32, с. 33].

При этом использование литературного материала на занятиях обеспечивает формирование как общекультурных компетенций (например, способности проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния (ОК-6); способности к логическому мышлению, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, вести полемику и дискуссии (ОК-7); способности принимать оптимальные организационно-управленческие решения (ОК-8); способности осуществлять письменную и устную коммуникацию на русском языке (ОК-10) и др.), так и профессиональных (способности применять при решении профессиональных задач психологические методы, средства и приемы (ПК-20); способности принимать оптимальные управленческие решения (ПК-24) и других).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жигарев Е.С. Курс лекций по криминологии. Общая часть: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2020. 280 с.
2. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2020. 608 с.
3. Харабет К. Криминологическая проблематика в русской драматургии середины XIX – конца XX веков. М.: Т. 8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. 208 с.
4. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Российская криминология: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2(8). С. 101 – 108.
5. Клебанов Л.Р. Преступник и преступление на страницах художественной литературы. URL: <http://coollib.com> (дата обращения 14.08.2020).
6. Маркова М.Г. Художественная литература в преподавании советского гражданского и семейного права // Правоведение. 1974. № 3. С. 57.
7. Нейстат А.А. Формирование правосознания и художественная литература в Советской России 1917-1929 гг. Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 3.
8. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4(34). С. 556 – 564. DOI: 10.24420/KUI.2018.24.39.019.
9. Лунеев В.В. Криминология: учебник. М.: Юрайт, 2019. 686 с.
10. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 800 с.
11. Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В. Основы криминологии и профилактики преступлений: учебное пособие. М.: Юрайт, 2020. 165 с.
12. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 368 с.

13. Личность осужденного: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Юрлитинформ, 2017. 288 с.
14. Криминология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
15. Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2011. 544 с.
16. Мацкевич И.М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 7 – 20.
17. Флоря Е. Личность преступника (криминологическое и уголовно-правовое исследование): дис. ...канд. юрид. наук. Кишинев: Молдавский гос. университет, 2002. 185 с.
18. Курганов С.И. Криминология: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 183 с.
19. Мацкевич И.М. Криминологический портрет Степана Бандеры: монография. М.: РФ-Пресс, 2017. 192 с.
21. Захарова В.А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. С. 47 - 55. DOI : 10.17805/ trudy. 2019.4.5.
22. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников: криминологический анализ: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 240 с.
23. Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 19 – 23.
24. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М.: Волтерс Клувер, 2004. 640 с.
25. Долгова А.И. Криминология. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 384 с.
26. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Преступник. Основные понятия и черты личности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 384 с.
27. Криминология: учебник / под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 575 с.
28. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 259 – 262.
29. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 423 с.
30. Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // В сб.: Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. 195 с.
31. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.
32. Зиннуров Ф.К., Илджев А.А., Романюк В.С. Использование форм и методов активного обучения при формировании компетенции на занятиях в образовательных организациях МВД России. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2020. 75 с.

REFERENCE

1. ZHigarev E.S. Kurs lekcij po kriminologii. Obshchaya chast': учебное пособие. М.: YUrlitinform, 2020. 280 s. DOI
2. H'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti. SPb.: Piter, 2020. 608 s. DOI
3. Harabet K. Kriminologicheskaya problematika v russkoj dramaturgii serediny XIX – konca XX vekov. М.: Т. 8 Izdatel'skie tekhnologii / RUGRAM, 2020. 208 s. DOI
4. SHalagin A.E., Grebenkin M.YU. Rossijskaya kriminologiya: istoriya i sovremennost' // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. Т. 4. № 2(8). S. 101 – 108.
5. Klebanov L.R. Prestupnik i prestuplenie na stranicah hudozhestvennoj literatury. URL: <http://soollib.com> (data obrashcheniya 14.08.2020).
6. Markova M.G. Hudozhestvennaya literatura v prepodavanii sovetskogo grazhdanskogo i semejnogo prava // Pravovedenie. 1974. № 3. S. 57.
7. Nejstat A.A. Formirovanie pravosoznaniya i hudozhestvennaya literatura v Sovetskoj Rossii 1917-1929 gg. Ugolovno-pravovoj i ugolovno-processual'nyj aspekt: avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk. М., 2000. S. 3.
8. SHalagin A.E., Hrustaleva O.N. Teorii prestupnogo povedeniya: ot istokov k sovremennosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. Т. 9, № 4(34). S. 556 – 564. DOI: 10.24420/ KUI.2018.24.39.019.
9. Luneev V.V. Kriminologiya: учебник. М.: YUrajt, 2019. 686 s.
10. Kriminologiya: учебник / под ред. V.N. Kudryavceva, V.E. Eminova. М.: Norma: Infra-M, 2010. 800 s.
11. Varygin A.N., Gromov V.G., SHlyapnikova O.V. Osnovy kriminologii i profilaktiki prestuplenij: учебное пособие. М.: YUrajt, 2020. 165 s. DOI
12. Antonyan YU.M., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie: monografiya. М.: Norma: INFRA-M, 2015. 368 s.
13. Lichnost' osuzhdenного: monografiya / под ред. YU.M. Antonyana. М.: YUrlitinform, 2017. 288 s.
14. Kriminologiya: учебное пособие. Standart tret'ego pokoleniya / под ред. V.N. Burlakova, N.M. Kropacheva. SPb.: Piter, 2013. 304 s.
15. Kriminologiya: учебник / под ред. V.D. Malkova. М.: YUsticinform, 2011. 544 s.
16. Mackevich I.M. Kriminal'noe povedenie cheloveka: psihicheskaya i psihologicheskaya predraspolzhenost' // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2018. № 3. S. 7 – 20. DOI

17. Florya E. Lichnost' prestupnika (kriminologicheskoe i ugovovno-pravovoe issledovanie): dis. ...kand. jurid. nauk. Kishinev: Moldavskij gos. universitet, 2002. 185 s.
18. Kurganov S.I. Kriminologiya: uchebnoe posobie. M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2010. 183 s.
19. Mackevich I.M. Kriminologicheskij portret Stepana Bandery: monografiya. M.: RG-Press, 2017. 192 s. DOI
21. Zaharova V.A. Studenty pokoleniya Z: real'nost' i budushchee // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 4. S.47-55. DOI : 10.17805/ trudy. 2019.4.5.
22. Antonyan YU.M., Eminov V.E. Portrety prestupnikov: kriminologo-psihologicheskij analiz: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 240 s.
23. Saharov A.B. Lichnost' prestupnika i tipologiya prestupnikov // Socialisticheskaya zakonnost'. 1973. № 3. S. 19 – 23.
24. Kriminologiya: uchebnik / pod red. N.F. Kuznecovoj, V.V. Luneeva. M.: Volters Kluver, 2004. 640 s.
25. Dolgova A.I. Kriminologiya. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 384 s.
26. Antonyan YU.M., Eminov V.E. Prestupnik. Osnovnye ponyatiya i cherty lichnosti: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 384 s. DOI
27. Kriminologiya: uchebnik / pod red. G.A. Avanesova. M.: YUNITI-DANA, 2010. 575 s.
28. SHalagin A.E. Kriminologicheskaya harakteristika lic, sovershayushchih prestupleniya, posyagayushchie na zdorov'e naseleniya i obshchestvennyuyu npravstvennost' // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2015. № 4. S. 259 – 262.
29. Kurguzkina E.B. Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individual'noj profilaktiki prestuplenij: dis. ... dokt. jurid. nauk. M.: VNII MVD Rossii, 2003. 423 s.
30. Nomokonov V.A. Vozvrashchenie lichnostnogo podhoda neobhodimo // V sb.: Lichnost' prestupnika i ee kriminologicheskoe izuchenie / pod red. A.I. Dolgovej. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya, 2018. 195 s.
31. Ovchinskij V.S. Tekhnologii budushchego protiv kriminala. M.: Knizhnyj mir, 2017. 288 s.
32. Zinnurov F.K., Ilidzhev A.A., Romanyuk V.S. Ispol'zovanie form i metodov aktivnogo obucheniya pri formirovanii kompetencii na zanyatiyah v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2020. 75 s.

Об авторах: Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: aeshalagin@yandex.ru
Хрусталева Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России
e-mail: okhrustal@mail.ru

© Шалагин А.Е., 2020
© Хрусталева О.Н., 2020

About the authors: SHalagin Anton Evgen'evich, Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: aeshalagin@yandex.ru
Hrustaleva Ol'ga Nikolaevna, Ph.D. in Pedagogics, Associate Professor, Head of Editorial-and-Publishing Office of Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: okhrustal@mail.ru

Статья получена: 13.08.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Шалагин Антон Евгеньевич – разработка концептуальных подходов исследования, сбор и анализ данных; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; формулировка выводов и практических рекомендаций.
Хрусталева Ольга Николаевна – структурирование методической части статьи, формулировка выводов и практических рекомендаций; доработка текста исследования.

Р.Ш. Богаткина

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**JUSTICE IN CRIMINAL PROCESS: ITS REALIZATION
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Введение: в статье исследуется влияние нравственных и этических норм на уголовное судопроизводство России.

Материалы и методы: основой для написания статьи послужили международные договоры и соглашения, действующие нормативные правовые акты, анализ мнений ученых-процессуалистов по рассматриваемой тематике. В настоящей статье были использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования, среди которых исторический, сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования: в данной статье категория «справедливость» изучена как нравственная составляющая и нормативная, процессуальная справедливость. Автор приходит к выводу, что эффективная реализация справедливых начал применительно к уголовному процессу возможна при условии комплексного подхода на всех стадиях уголовного судопроизводства: с момента возбуждения уголовного дела, на стадии предварительного расследования и в процессе судебного разбирательства.

Обсуждение и заключения: на основании проведенного исследования автором предложено внести поправки в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, дополнив систему принципов уголовного судопроизводства нормой «Принцип справедливости». Промежуточные и итоговые процессуальные решения должны: 1) способствовать выяснению обстоятельств дела в полном объеме; 2) быть направлены на поиск истины; 3) осуществляться строго в правовых рамках институтов и процедур уголовного процесса.

Ключевые слова: справедливость; истина по уголовному делу; законность; доказывание по уголовным делам; справедливое судебное разбирательство; правоприменение; принципы уголовного судопроизводства

Для цитирования: Богаткина Р.Ш. Проблемы реализации и перспективы развития категории «справедливость» в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 338 - 342. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.012

Introduction: the author studies influence of moral standards on Russian criminal process.

Materials and Methods: the bases for the article were international treaties and agreements, legal acts, the analysis of the opinions of process academicians on the subject under consideration. General academic and academic methods of cognition – dialectical, as well as methods of analysis and synthesis, comparative legal, historical and formal logical methods were used in the article.

Results: the category "justice" was studied as moral and regulatory, procedural justice. The author concluded that justice was possible due to complex approach at all stages of the proceedings.

Discussion and Conclusions: basing on the study the author proposes amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation adding the norm "Principle of justice" to criminal process. Interim and final procedural decisions should help in fact-finding, be aimed at search for truth, take place within a clearly defined legal framework.

Key words: justice; the truth in the criminal case; legality; evidence in criminal cases; fair judicial proceedings; law enforcement; principles of criminal proceedings

For citation: Bogatkina R.Sh. Justice in Criminal Process: Issues of its Realization and Development Prospects // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 338 - 342. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.012

Введение

«Справедливость» – достаточно широкое понятие, которое подразумевает соблюдение в равной степени моральных и правовых норм. Используя термин «справедливость» в правовой и научной литературе, мы в первую очередь обращаемся к правам человека. Защита и поощрение прав человека и основных свобод, их признание являются основой справедливости¹.

Реализация уголовно-правового и процессуального закона может быть законной, но одновременно не отвечать общечеловеческим представлениям о справедливости. Количество обращений в Европейский суд по правам человека, решения Конституционного Суда РФ, работа Уполномоченного по правам человека РФ свидетельствуют о необходимости пристального внимания к правам человека как высшей ценности.

Достижение поставленной цели обусловлено тем, что основным назначением уголовного судопроизводства РФ является защита прав и интересов лиц, потерпевших от преступления, а также прекращение уголовного преследования лиц, не причастных к совершению уголовно наказуемого деяния. Реализация уголовного судопроизводства невозможна без соблюдения законности, объективности, нравственности и правосудия, что в конечном итоге является составляющими категории «справедливость».

Очевидность существования принципа справедливости в системе принципов уголовного судопроизводства никем не оспаривается, но она и не подтверждена прямым закреплением в уголовно-процессуальном нормативном акте. В данной статье остановимся на проблемах его реализации в уголовном судопроизводстве и поиске путей их разрешения.

Обзор литературы

Для того чтобы соотнести между собой понятия «справедливость» и «правосудие», обратимся к трудам знаменитых ученых в вопросе русской словесности. В.И. Даль слово «справедливость» рассматривал как правду, правосудие, следовательно, справедливый – правильный, сделанный законно, по правде; все это – справедливо – правда, истина, все так верно [1, с. 6]. С.И. Ожегов слово «справедливый» определял как действующий беспристрастно, соответствующий истине, осуществляющий на законных и честных основаниях, истинный, правильный [2, с. 756].

В научной литературе встречается точка зрения, согласно которой «справедливость» может

служить ориентиром, индикатором соблюдения прав человека в уголовном судопроизводстве [3, с. 6]. Подчеркивая значение справедливости, В.В. Рудич характеризует ее как «основную идею уголовного процесса» [4, с. 7].

Материалы и методы

Исследование проведено с учетом международных договоров и соглашений, действующего уголовно-процессуального законодательства, а также основных результатов, полученных другими авторами по данной проблематике (Аширова Л.М., [3, 26 с.] Рудич В.В. [4, 33 с.]). Диалектический метод познания как общенаучный метод позволил рассмотреть «справедливость» в системе принципов уголовного судопроизводства; выявить общие закономерности его развития и обозначить особенности реализации на отдельных стадиях уголовного судопроизводства. Исторический метод познания позволил провести ретроспективный анализ понятия «справедливость», сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении категорий «справедливость», «законность», «истина по уголовному делу», «нравственность» и «правосудие»; формально-логический метод и методы анализа и синтеза способствовали изучению международно-правовых актов в исследуемой области на предмет их соответствия действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Результаты исследования

Справедливость – категория моральная, нравственная, этико-правовая. Этим обусловлена ее изменчивость в зависимости от конкретного исторического этапа, состояния общества, социально-экономического строя государства. Основными доминантами в данной категории являются этические начала, а право лишь фиксирует определяющие положения и правовые рамки ее существования. Общими началами категории «справедливость» вне зависимости от временных критериев ее существования является тенденция защиты прав и свобод человека как высшей ценности.

В науке уголовного процесса не ослабевает внимание к термину «справедливость» уголовного судопроизводства. Можно ли говорить о справедливости при рассмотрении и разрешении уголовных дел и правильно ли говорить о ней на данном этапе? Как соотносятся между собой понятия категории справедливость и истина по уголовному делу?

Очевидно, что объектом строгого процессуального контроля является установление на нор-

¹ Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29.06.1990 // Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 2002. С. 770-771. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

мативном уровне определенных законодательных предписаний, предъявляемых на каждом этапе доказывания. Процесс доказывания по уголовным делам построен таким образом, чтобы все процессуально значимые решения строго соответствовали фактам, которые ранее были доказаны в предусмотренной законом форме. В ином случае на практике возникают основания для возникновения сомнений в результатах доказывания. Более того, при выявлении противоречий либо существенных нарушений в процессе сбора доказательств по уголовным делам ее результаты признаются недопустимыми и не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Данные обстоятельства позволяют нам сделать вывод, что категория «существенность нарушений» при осуществлении сбора доказательств по уголовным делам – это оценочное субъективное понятие. Процессуалистам необходимо его нормативное толкование, которое могло бы выполнять функцию ориентира для выявления его истинного смысла, определения сущности и правильного применения. На наш взгляд, таким ориентиром могла бы послужить категория «справедливость». «Справедливость» позволит оценивать «существенность нарушений», во-первых, с точки зрения соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, во-вторых, реального влияния на характер, содержание принимаемого решения и наступившего правового последствия. Справедливость могла бы выполнять функцию индикатора защиты прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовного судопроизводства.

Одним из ключевых этапов процесса доказывания является исследование и проверка доказательств. Ее выполняют уполномоченные должностные лица со стороны обвинения. С целью повышения объективности предварительного расследования считаем целесообразным расширить круг этих субъектов до всех заинтересованных участников уголовного дела, внося поправки в ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹. Тем более, закон прямо предусматривает получение иных доказательств с целью проверки уже имеющихся в материалах уголовного дела.

Прежде чем перейти к дальнейшему изучению вопроса, отметим, что ключевым принципом этапа доказывания является свобода оценки доказательств. Им руководствуется суд, прокурор, руководитель следственного органа, орган дознания,

следователь, дознаватель при принятии процессуального решения. Считаем, что назрела практическая необходимость включить в число субъектов, имеющих право давать оценку доказательств потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителя и защитника.

Судья является центральной фигурой, на котором лежит обязанность «вершить» правосудие. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ² установлено, что решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Однако каждое из этих требований является оценочной категорией. Вынесение окончательного решения только на основании «сухих» фактов не всегда свидетельствует о справедливости приговора. Позволяют ли данные критерии говорить о том, что приговор является справедливым? Возможна ситуация, когда суд в установленные законом разумные сроки рассмотрел дело, подсудимый согласился с представленными доказательствами по уголовному делу, полностью признал свою вину, суд счел излишней свою «активную» роль и вынес обвинительный приговор в отношении лица, которое не совершало преступления.

Несмотря на то, что право инициировать проверку допустимости доказательств не является строгой императивной нормой, оно продиктовано моральным долгом судьи вынести итоговое решение, основываясь на убежденности в обоснованности предъявленного обвинения.

Понятие «справедливое судебное разбирательство» упомянуто в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³ В данной норме установлены стандарты справедливого судебного разбирательства: 1) публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; 2) принцип презумпции невиновности; 3) возможность для обвиняемого быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; 4) наличие времени и неотъемлемого права для подготовки своей защиты и др.

Рассматривая категорию «справедливость» в уголовном судопроизводстве, нельзя обойти вниманием проблему установления истины по уголовному делу. В науке уголовного процесса действует принцип объективной истины. Суд как государственный орган, на котором лежит задача установления истины по уголовному делу, обязан

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 24.04.2020 г. № 130-ФЗ) // Российская газета. 22.12.2001. № 249. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

² Там же.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. М., 1998. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

установить обстоятельства преступления, действительно имевшие место. Но примеры судебной практики демонстрируют, что объективная возможность установления истины во время судебного разбирательства нередко отсутствует.

Как соотносятся между собой в данном случае принцип объективной истины и принцип справедливости уголовного судопроизводства? Можно ли ставить между ними знак равенства?

Часть 5 статьи 316 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ не закрепляет за судьей процессуальной обязанности по исследованию и оценке доказательств. При осуществлении судебного разбирательства суд исследует следующие обстоятельства: характеристику личности подсудимого; смягчающие и отягчающие наказание. Однако данный перечень является открытым. В ситуациях, когда достижение объективной истины судом не представляется возможным, суд должен вынести законное, обоснованное и справедливое решение.

Обсуждение и заключения

Категория «справедливость» является фундаментом уголовного судопроизводства. Нравственное начало, которое входит в содержание данного понятия, находит свое развитие в нормативных правовых актах, промежуточных и итоговых процессуальных решениях, на всех стадиях уголовного судопроизводства, постепенно переходя из моральной в правовую плоскость.

Деятельность суда должна отвечать всем требованиям справедливого судебного разбирательства, установленным ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод², развитым и конкретизированным в решениях Европейского суда по правам человека.

Таким образом, принцип справедливости в уголовном судопроизводстве должен обеспечиваться комплексным механизмом его реализации. В данном случае речь идет не только о законности уголовного процесса, справедливости уголовно-процессуального закона, но и внутренних моральных

уставах сотрудников органов внутренних дел, адвокатов, судей. Здесь речь идет и о повышении правосознания должностных лиц, расширении их правовой культуры, своевременной профилактики правового нигилизма и соблюдении этических требований в профессиональной деятельности.

Принцип справедливости не может быть эффективно реализован изолированно от всей системы принципов уголовного судопроизводства. Реализация специальных принципов также должна осуществляться с учетом принципа справедливости. Например, принцип разумности срока уголовного судопроизводства включает поведение участников уголовного судопроизводства, эффективность деятельности должностных лиц при производстве по уголовному делу, действительную необходимость использования именно этого срока для качественного и своевременного принятия решения по уголовному делу. В конечном итоге можно утверждать и о справедливом сроке рассмотрения дела.

В целях осуществления эффективного и справедливого уголовного судопроизводства, необходимо включить в Уголовно-процессуальный кодекс РФ статью «Принцип справедливости» следующего содержания:

«1. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения обязаны способствовать полному, справедливому и всестороннему уголовному судопроизводству.

2. Справедливость в уголовном судопроизводстве должна быть реализована посредством установления всех обстоятельств уголовного дела, правильной правовой оценки и принятия мер, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением.

3. Приговор суда по уголовному делу должен соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2006. С. 617.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. С. 756.
3. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Уфа, 2006. 26 с.
4. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 33 с.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 24.04.2020 № 130-ФЗ) // Российская газета. 2001. № 249. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. М., 1998. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

REFERENCES

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya. M.: Eksmo, 2006. S. 617.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1989. S. 756.
3. Ashirova L.M. Problemy realizacii principa spravedlivosti v ugovnom processe: avto-ref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Ufa, 2006. 26 s.
4. Rudich V.V. Spravedlivost' v ugovnom sudoproizvodstve: teoreticheskij i prikladnoj as-pekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2013. 33 s.

Об авторе: Богаткина Руфия Шафкатовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
email: rbogatkina@list.ru

© Богаткина Р.Ш., 2020

About the author: Bogatkina Rufiya Sh., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor of Department of Criminal Process, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: rbogatkina@list.ru

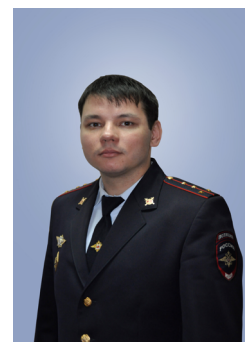
Статья получена: 26.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Т.И. Гарипов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ
ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ
И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

**CERTAIN ISSUES OF LEGAL REGULATION AND LAW
ENFORCEMENT PRACTICE IN OBTAINING INFORMATION
ON CONNECTION BETWEEN MOBILE USERS AND (OR)
MOBILE DEVICES IN CRIMINAL PROCEDURE**

Введение: в статье раскрываются проблемы правовой регламентации и правоприменительной практики получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Материалы и методы: в ходе проведенного исследования автором использованы общенаучные и частнонаучные методы познания правовой действительности: анализ, ретроспективный анализ, сравнительно-правовой метод и др.

Результаты исследования: проведенный анализ правовой регламентации и правоприменительной практики получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами свидетельствует, что действующие уголовно-процессуальные нормы, регулирующие порядок производства «информационно-телекоммуникационных» следственных действий, далеки от совершенства.

Обсуждение и заключения: автором сформулирован ряд проблем, возникающих в правоприменительной практике при производстве исследуемого следственного действия, а также предложены рекомендации по их преодолению, как в части толкования правовых норм, так и их дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: получение информации; соединения между абонентами и (или) абонентскими устройствами; операторы связи; тайна телефонных и иных переговоров; электронные сообщения; сотовая связь; базовая станция; судебный контроль; информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Гарипов Т.И. Некоторые вопросы правовой регламентации и правоприменительной практики при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при производстве по уголовному делу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 343 – 350. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.013

Introduction: this article reveals the challenges of legal regulation and law-enforcement practice in obtaining information about connections between mobile users and (or) mobile devices as an investigative action, provided for by Article 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Materials and Methods: in the course of the study, the author used general academic and special methods of cognition of legal reality: analysis, retrospective analysis, comparative legal method, etc.

Results: the analysis of the legal regulation and law enforcement practice of obtaining information about connections between mobile users and (or) mobile devices showed that the current criminal procedure rules governing the production of “information and telecommunication” investigative actions are far from perfect.

Discussions and Conclusions: the author has formulated a number of problems that arise in law enforcement in the production of the investigative actions, as well as suggested recommendations for overcoming them, both in terms of interpreting legal norms and their further improvement.

Key words: obtaining information; connections between subscribers and (or) subscriber devices; telecom operators; secrecy of telephone and other conversations; electronic communications; cellular communications; base station; judicial control; information and telecommunication technologies

For citation: Garipov T.I. Certain Issues of Legal Regulation and Law Enforcement Practice in Obtaining Information on Connection Between Subscribers and (or) Subscriber Devices in Criminal Procedure // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 343 – 350. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.013

Введение

К началу XXI века технический прогресс достиг таких непостижимых высот, что далекое будущее с его высокими технологиями перестает быть для нас недостижимым. Наибольших успехов технический прогресс достиг в сфере информационных технологий. Об этом свидетельствует повсеместная компьютеризация населения по всему миру. При этом вот уже больше двадцати лет популярными являются различные мобильные универсальные средства коммуникации: сотовые телефоны, смартфоны с доступом в Интернет, планшетные компьютеры и др.

Доступность компьютерных и мобильных сотовых технологий, а также их широкое развитие и распространение в России привели к тому, что практически у любого гражданина есть сотовый телефон либо иное средство мобильной связи, которые обладают обширным набором функциональных свойств: от осуществления звонков сотовой связи до выхода в сеть Интернет. Конечно, такое распространение сотовых и компьютерных технологий привело к структурным изменениям в преступности. Злоумышленники взяли на вооружение последние технические достижения и стали использовать их в качестве средств, облегчающих совершение преступлений. Так, в последние годы регистрируется значительный рост совершенных преступлений, совершенных с использованием устройств сотовой связи, таких как общеуголовные мошенничества, преступления в сфере высоких технологий, вымогательства и т.д. Интенсивное распространение современных информационных технологий также способствует облегчению координации деятельности экстремистских и террористических организаций. Сотовая связь позволяет соучастникам преступления более эффективно координировать свои действия, принимать меры к сокрытию следов преступления, осуществлять хищение путем обмана или злоупотребления доверием, приискивать средства и оборудование, соучастников для совершения преступления. При этом средства сотовой связи перестали выступать только в качестве средства совершения преступления. Нередко даже стоимость отдельных мобильных устройств достигает значительных сумм, вследствие чего сами эти устройства выступают в качестве предмета хищения.

В связи с указанными выше негативными последствиями распространения в обществе современных информационных технологий законо-

дателем была предпринята попытка выработать действенные способы их нивелирования, что выразилось в дополнении системы следственных действий таким новым технологическим способом получения доказательственных сведений, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, предусмотренным ст. 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ¹). Однако, как показывает практика, уголовно-процессуальная регламентация производства данного следственного действия нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Обзор литературы

Теоретическим осмыслением рассматриваемого в рамках настоящего исследования следственного действия ранее занимались такие авторы, как Н.А. Архипова, Р.А. Дерюгин, А.А. Нуждин, Д.А. Ширев, Л.Г. Юрина, Е.С. Лапин, В.Ю. Стельмах. Вышеуказанные авторы занимались разработкой данной темы на монографическом и диссертационном уровнях, что говорит об имеющейся теоретической базе рассматриваемой проблемы и перспективах ее дальнейшего исследования. Однако в связи с относительной новизной рассматриваемого нами следственного действия основные исследования, проведенные указанными авторами, датируются 2010 – 2018 годами.

Результаты исследования

Необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве следственного действия, которое смогло бы обеспечить получение процессуальным путем информации о соединениях между абонентами, давно назревала в отечественном уголовном судопроизводстве.

Получение информации о соединениях между абонентами и устройствами получило свое нормативное закрепление в ст. 186.1 УПК РФ в 2010 году, однако, несмотря на это, в научной среде до сих пор не сформировалось единого мнения относительно понимания сущности данного следственного действия. Отдельные авторы полагают, что данное процессуальное действие по своим признакам невозможно отнести к числу следственных. Так, например, В.В. Кальницкий полагает, что получение информации о соединениях между абонентами имеет абсолютно иную юридическую сущность [1, с. 34]. Согласно мнению данного автора, под этим следственным действием следует понимать особый вид истребования информации, полученной от оператора связи в результате мотивированного и санкционированного

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

судом запроса следователя. При этом полученная таким способом информация не может считаться вещественным доказательством, а ее приобщение к материалам уголовного дела возможно в виде иных документов. Придерживается того же мнения и Б.Т. Безлепкин, разъясняя, что в норме, предусмотренной ст. 186.1 УПК РФ, речь не может идти о каком-то следственном действии, поскольку фактически получение информации осуществляется не следователем, являющимся субъектом сбора доказательств, а сотрудником организации связи, которому поручено выполнить требование следователя о предоставлении соответствующей информации, которая допускается в уголовном процессе в качестве доказательства [2, с. 132].

С целью определения содержания понятия исследуемого нами следственного действия следует обратиться к его легальной дефиниции. Так, под получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, согласно п. 24.1 ст. 5 УПК РФ, понимается получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих и базовых станций.

При этом внесению в УПК РФ изменений, которыми было добавлено это следственное действие, предшествовало несколько значимых факторов. Во-первых, это необходимость включения в УПК РФ нового следственного действия, которое позволило бы следственным органам получать от оператора связи информацию о соединениях между абонентами и не допустить при этом необоснованного ограничения прав граждан. Во-вторых, это неоднозначная и противоречивая следственно-судебная практика получения информации о соединениях между абонентами, сложившаяся при отсутствии необходимых уголовно-процессуальных норм, направленных на регламентацию данного процессуального действия [3, с. 36].

Необходимость введения в действующее уголовно-процессуальное законодательства нового следственного действия, направленного на получение информации от операторов сотовой связи, назревала уже достаточно давно. Это было обусловлено, в том числе, и отсутствием в УПК РФ единой процедуры получения указанных сведений от операторов связи, в результате правоприменителю приходилось самостоятельно восполнять правовой пробел, направляя, например, в организации связи запросы о предоставлении сведений в порядке применения общей нормы,

предусмотренной ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Все это создавало предпосылки для нарушения прав граждан в уголовном процессе, тем более единообразная практика применения этих положений отсутствовала. У каждого региона было сформировано свое представление о «законности» в зависимости от усмотрения должностных лиц органов предварительного расследования.

Однако ситуация поменялась кардинальным образом в результате принятия Государственной Думой Федерального Собрания РФ 11 июня 2010 года Федерального закона № 143-ФЗ, которым в УПК РФ добавлена ст. 186.1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Данный закон был одобрен Советом Федерации 23 июня 2010 г. и подписан Президентом РФ 1 июля 2010 года.

Подобная новелла привнесла в уголовно-процессуальную деятельность единообразный порядок получения от операторов связи информации о соединениях между абонентами. Возникновение в УПК РФ новой нормы, предусматривающей порядок производства этого следственного действия, породило еще больше споров в научной среде о его сущности и специфике реализации.

Не разрешенным в науке уголовного процесса до недавнего времени оставался вопрос о содержании категории «иные данные» применительно к легальному определению понятия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», представленному в п. 24.1 ст. 5 УПК РФ.

Так, Н.А. Архиповой в рамках предложенной ею редакции п. 24.1 ст. 5 УПК РФ были дополнительно конкретизированы иные данные, которые могут быть получены в результате исследуемого следственного действия. Так, например, ею предложено причислить к иным данным содержание переданной текстовой, графической или иной информации в электронном виде, которая передавалась между абонентами сотовой связи в ходе соединений [4, с. 5]. В настоящее время в законе упоминается формулировка иных данных, что породило немало споров о том, что именно к ним следует причислять. Основным камнем преткновения стал вопрос о допустимости получения от оператора связи содержания текстовых, графических и иных сообщений, передаваемых посредством электросвязи (SMS, MMS и т.п.) в рамках реализации положений ст. 186.1 УПК РФ.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживались С.А. Вазюлин и В.Ф. Васюков, которые отметили, что получение информации, содержащейся в электронных сообщениях (в любой из вышеназванных форм), в рамках производ-

ства следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, не соответствует содержанию закона и является противоправным [5, с. 18]. Аргументируя свою позицию, данные авторы полагают, что сущность такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, состоит лишь в получении данных о дате, продолжительности и абонентах соединения и местоположении базовой станции, привязанной к конкретному соединению, а содержание сообщений SMS, MMS и т.д. не может выступать в качестве информации, предоставляемой оператором связи в порядке ст. 186.1 УПК РФ.

В связи с вышеизложенным существует необходимость закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве нового следственного действия, которое предусматривало бы возможность получения содержания текстовых и графических сообщений абонентов сотовой связи и сети Интернет. Информационные технологии настолько сильно прогрессировали, что такая необходимость остро востребована правоохранительными органами ввиду активизации деятельности международных террористических организаций, повышения уровня киберпреступности и других факторов. Однако споры были прекращены после принятия Федерального закона от 6 июня 2016 года № 375-ФЗ, которым предусматривалась возможность осмотра и выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений (ч. 7 ст. 185 УПК РФ). После внесения данных изменений в УПК РФ законодатель четко дал понять, что получение информации о содержании электронных сообщений может быть получено в рамках иного следственного действия, предусмотренного ч. 7 ст. 185 УПК РФ.

До принятия соответствующих изменений в УПК РФ следственные органы получали информацию от операторов связи в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ, направляя запросы, как правило, без судебного разрешения. Подобная практика сформировалась в унисон положению ч. 1 ст. 86 УПК РФ, которое предполагает возможность сбора доказательств путем производства иных процессуальных действий. При этом в территориальных следственных органах практика по это-

му поводу складывалась не вполне однообразно. Бывали случаи, когда в отдельных районах или городах надзирающий прокурор рассматривал информацию о соединениях между абонентами как охраняемую законом тайну телефонных переговоров и требовал получения следственным органом разрешения суда на производство соответствующей выемки документов, содержащих указанную информацию. В других регионах практика складывалась по-иному, и получения разрешения суда на истребования подобной информации не требовалось. В период 2000-х годов даже высшая судебная инстанция не имела четкого представления о природе сведений о соединениях между абонентами сотовой связи. Так, в одном из решений Конституционного Суда РФ давалось разъяснение о том, что истребование сведений, составляющих информацию о факте, времени и продолжительности соединений абонентов сотовой связи и абонентских устройств, должно осуществляться на основании решения суда, поскольку такие сведения составляют охраняемую законом тайну телефонных переговоров, следовательно, ограничение подобного права граждан возможно только с судебного санкционирования¹. В то же время в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ относительно содержания указанных сведений отмечается, что при производстве выемки у операторов сотовой связи документов, содержащих данные о вызовах, их времени и продолжительности похищенного абонентского устройства – сотового телефона, тайна телефонных переговоров не нарушается, поскольку в качестве цели такой выемки следует выделить получение информации о входящих и исходящих соединениях абонента, а не о содержании его телефонных разговоров². Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, декларативное положение Конституции РФ³, содержащееся в ст. 23, гарантирующее охрану права на тайну переписки и переговоров, не распространялось на подобное процессуальное действие. В связи с внесением в УПК РФ соответствующих изменений и включением ст. 186.1, у правоприменителя не должно возникать вопросов относительно юридического основания для получения информации о соединениях абонентов. Таковым на сегодня является только решение суда.

¹Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи»: определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

²Производство по делу об отказе в даче разрешения на выемку документов о входящих и исходящих сигналах соединений телефонных аппаратов прекращено в связи с нарушением уголовно-процессуального закона: определение Верховного Суда РФ от 02.06.2006 № 9-ДП06-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12.

³Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

При производстве данного следственного действия следователь (дознатель) может получить информацию о дате, времени и продолжительности телефонного вызова, номерах абонентов и их местоположении с привязкой к приемопередающей базовой станции, а также иные сведения, которые могут позволить идентифицировать абонентов. В частности, к таковым Пленум Верховного Суда РФ относит IMEI-номер абонентского устройства или расположение сотового телефона относительно базовой станции¹. Тем не менее на практике складывается неоднозначная ситуация, когда следователю необходимо выяснить какую-либо информацию справочного характера об абоненте, например, данные лица, на чье имя зарегистрирован конкретный абонентский номер.

Полагаем, что подобная информация, содержащаяся в регистрационных, финансовых документах пользователя, может быть получена путем направления соответствующего запроса оператору связи, а не на основании судебного решения и получения информации в порядке ст. 186.1 УПК РФ. Такое возможно, поскольку истребование этой информации не нарушает тайны переписки и телефонных переговоров, к тому же истребуемые данные не касаются информации о соединениях между абонентами, а лишь о самих абонентах.

Также считаем, что производство исследуемого следственного действия целесообразно лишь тогда, когда абонент или владелец абонентского устройства не имеет возможности самостоятельно запросить необходимую информацию у оператора связи без какого-либо судебного решения, которую впоследствии данное лицо может приобщить, например, к протоколу допроса в качестве свидетеля.

В соответствии с теорией уголовно-процессуального права при производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, необходимы фактические и юридические основания. На это указывает и положение ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ, в соответствии с которым под таким основанием, исходя из буквального толкования данной нормы, следует понимать наличие достаточных данных о том, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет существенное значение для уголовного дела. В связи с этим возникает вопрос о характере тех достаточных данных, которые выступают фактическим основанием для данного следственного действия, а именно допустимо ли использовать в качестве та-

ковых результаты оперативно-розыскной деятельности или необходимо, чтобы эти данные были обличены в форму доказательств, собранных при производстве иных следственных действий.

Говоря о фактических основаниях для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, следует отметить следующее. Такое следственное действие может быть произведено, если есть основания полагать, что информация о входящих и исходящих вызовах абонента и иных данных, в том числе о личности абонентов, которая аккумулируется при помощи технических устройств в специальных организациях – у оператора связи, может иметь значение для уголовного дела. В качестве подобных оснований могут выступать данные, полученные как в ходе производства следственных действий, так и гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, которые могут иметь доказательственное значение для установления причастности конкретного лица – абонента к совершению преступления и характере его преступных связей с иными соучастниками преступления, использующими абонентские устройства сотовой связи. При этом указанные выше данные должны быть отражены в материалах уголовного дела в виде рапортов, справок, протоколов следственных и иных процессуальных действий, а его копии приобщены к постановлению следователя о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении производства указанного следственного действия.

Отметим, что в ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ законодатель применяет формулировку «при наличии достаточных оснований», а не данных, как это можно было бы предположить, исходя из уголовно-процессуальной догматики. Такая формулировка невольно ведет к двусмысленному толкованию относительно содержания понятия «достаточное основание». Полагаем, что под этим понятием следует понимать любую информацию, в том числе и оперативно-розыскного характера, которой располагает следователь в момент принятия решения о производстве указанного следственного действия. При этом обязательным условием в таком случае является наличие данной информации в материалах уголовного дела, представленной в виде рапорта сотрудника оперативного подразделения, или в виде рассекреченных результатов оперативно-розыскной деятельности, направленных следователю в порядке, предусмотренном специальными нормативными правовыми актами ведомственного характера, благо такая

¹О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

форма представления результатов оперативно-розыскной деятельности в соответствии с данными актами возможна¹.

Кроме указанных выше фактических оснований, также существуют юридические основания для производства рассматриваемого следственного действия.

Юридическим основанием для исследуемого следственного действия является решение суда, которое принимается по результатам рассмотрения ходатайства следователя (дознателя) вместе с приобщенными к нему копиями материалов уголовного дела (материалы ходатайства) в порядке ст. 165 УПК РФ. При этом производство этого следственного действия в случаях, не терпящих отлагательств, по решению следователя (дознателя) не допускается. В дополнение отметим, что в отдельных случаях за рамками уголовно-процессуальной деятельности законодатель допустил отступление от правила об обязательном предварительном судебном контроле при получении информации о соединениях между абонентами. Так, Федеральным законом от 2 августа 2019 года № 311-ФЗ в ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности»² в ст. 8 была добавлена часть 7, которая допускает получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами без судебного решения в случае получения сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем и при письменном согласии одного из его родителей, с последующим уведомлением суда в течение 24 часов и получением в течение 48 часов судебного решения с момента начала соответствующего оперативно-розыскного мероприятия – снятия информации с технических каналов связи. Представляется, что подобную новеллу также целесообразно распространить и на уголовно-процессуальную деятельность, поскольку вопрос скорейшего раскрытия преступления, например социального мошенничества, совершенного с использованием средств мобильной связи, зависит от того, насколько быстро следователь получит соответствующую информацию о соединениях абонентов.

В уголовно-процессуальном законе отсутствуют какие-либо условия относительно тяжести совершенного преступления и процессуального статуса абонента, информация о соединениях ко-

торого может быть получена у оператора связи, оказывающего соответствующие услуги. После того как суд рассматривает ходатайство следователя о получении разрешения на производство данного следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ и выносит постановление о его производстве, его копия направляется руководителю организации, оказывающей услуги связи (оператору связи) для организации исполнения. При этом, как правило, содержание резолютивной части постановления суда о разрешении производства этого следственного действия составляют следующие формулировки: «1) Разрешить получение информации о соединениях абонента (номер абонента), принадлежащему (ФИО абонента), или абонентского устройства (номер IMEI-кода)...; 2) Руководителю организации, оказывающей услуги связи, – оператору связи (например, ПАО «МТС» по адресу: г. Энгс, ул. Ленина, д. 1) направлять информацию о соединениях абонента не реже одного раза в неделю в срок до ДД.ММ.ГГ.». Принятие судом решения по второму обозначенному нами пункту резолютивной части постановления может иметь место, если следователь в своем ходатайстве указывает на необходимость получения информации о будущих соединениях конкретного абонента. Кроме этого, при обращении с ходатайством в суд следователю необходимо указывать данные конкретных абонентов, информацию о соединениях которых он желает истребовать. Напомним, что большинство случаев отказа в удовлетворении вышеназванных ходатайств допускается по причине указания следователем в постановлении неопределенного круга абонентов, что является явным процессуальным нарушением, затрагивающим права граждан на тайну переписки и телефонных переговоров. Однако, на наш взгляд, не будет считаться процессуальным нарушением ситуация, когда следователь в одном постановлении ходатайствует о получении информации нескольких абонентов у разных операторов связи, если при этом такое следственное действие будет производиться по одному и тому же уголовному делу.

Вместе с тем производство указанного следственного действия может быть прекращено досрочно на основании решения следователя. Но в любом случае подобное решение подлежит принятию, если уголовное дело прекращается либо

¹Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 декабря.

²Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. 14 августа. № 33, ст. 3349.²

предварительное расследование оканчивается составлением обвинительного заключения (обвинительного акта) и направлением уголовного дела прокурору. После того как получение информации о соединениях между абонентами приобрело статус следственного действия, его производство после приостановления предварительного следствия стало недопустимым. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности приостановления хода данного следственного действия при принятии решения о приостановлении предварительного следствия, однако нам представляется, что подобное допустимо, если при этом не будет превышен установленный в судебном постановлении о разрешении получения информации о соединениях между абонентами срок. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в резолютивной части постановления о приостановлении предварительного следствия следователь в одном из пунктов принимает решение о приостановлении получения информации о соединениях абонентов. В дальнейшем копия подобного постановления направляется на имя руководителя оператора связи для исполнения. В случае же необходимости возобновления производства расследования следователь вновь выносит аналогичное постановление, в котором указывает на необходимость возобновления получения информации о соединениях, которое также направляется оператору связи. При этом общий срок производства данного следственного действия, установленный решением суда, не должен быть превышен, то есть устанавливается в пределах первоначального срока. Если же этот срок истек, то следователю повторно надлежит обращаться в суд за разрешением производства указанного следственного действия и с установлением новых сроков его производства.

Обсуждение и заключения

Подводя итог проведенному нами анализу правовой регламентации следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, следует сформулировать следующие заключения:

1. В связи с тем, что в науке уголовного процесса до недавнего времени оставался неразрешенным вопрос о содержании категории «иные данные» применительно к легальному определению понятия получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, изложенному в п. 24.1 ст. 5 УПК

РФ, законодатель путем принятия в 2016 году Федерального закона от 6 июня 2016 года № 375-ФЗ добавил новое следственное действие, которое предусматривает возможность получения содержания текстовых и графических сообщений абонентов сотовой связи и сети Интернет (осмотр и выемка электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений – ч. 7 ст. 185 УПК РФ).

2. Информация справочного характера, содержащаяся в регистрационных, финансовых документах пользователя, может быть получена путем направления соответствующего запроса оператору связи, а не на основании судебного решения и получения информации в порядке ст. 186.1 УПК РФ. Такое возможно, поскольку требование этой информации не нарушает тайны переписки и телефонных переговоров, к тому же истребуемые данные не касаются данных о соединениях между абонентами, а лишь о самих абонентах.

3. Представляется целесообразным предусмотреть возможность предварительного судебного контроля при производстве следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, поскольку вопрос скорейшего раскрытия преступления, например социального мошенничества, совершенного с использованием средств мобильной связи, зависит от того, насколько быстро следователь получит соответствующую информацию о соединениях абонентов.

4. По нашему мнению, не будет процессуальным нарушением ситуация, когда следователь в одном постановлении ходатайствует перед судом о получении информации о соединениях нескольких абонентов у разных операторов связи, если при этом такое следственное действие будет производиться по одному и тому же уголовному делу.

5. Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности приостановления получения информации о соединениях абонентов от операторов связи при принятии решения о приостановлении предварительного следствия, нам представляется, что подобное допустимо, если при этом не будет превышен установленный в судебном постановлении о разрешении получения информации о соединениях между абонентами срок, предусматривающий продолжительность такого следственного действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кальницкий В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 32 – 38.
2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к УПК РФ: (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 379 с.
3. Зуев С.В. Электронная информация и ее носители в уголовно-процессуальном доказывании: развитие правового регулирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 35 – 43.
4. Архипова Н.А. Некоторые аспекты получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Сборник материалов криминалистических чтений. 2019. №. 16. С. 4 – 5.
5. Вазюлин С.А., Васюков В.Ф. Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры // Уголовный процесс. М.: Акцион-Медиа. 2014. № 1. С. 10 – 20.

REFERENCES

1. Kal'nickij V.V. Voprosy pravovoj reglamentacii sledstvennyh dejstvij na sovremennom etape // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. № 2. S. 32 – 38.
2. Bezlepkina B.T. Kommentarij k UPK RF: (postatejnyj). 13-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015. 379 s.
3. Zuev S.V. Elektronnaya informacija i ee nositeli v ugovolno-processual'nom dokazyvanii: razvitie pravovogo regulirovaniya // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2017. T. 17. №. 1. S. 35 – 43.
4. Arhipova N.A. Nekotorye aspekty polucheniya informacii o soedineniyah mezhdru abonentami i (ili) abonentskimi ustrojstvami // Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenij. 2019. №. 16. S. 4 – 5.
5. Vazyulin S.A., Vasyukov V.F. Poluchenie informacii o soedineniyah mezhdru abonentami: specifika procedury // Ugolovnyj process. M.: Aktion-Media. 2014. № 1. S. 10 – 20.

Об авторах: Гарипов Тимур Ильгизович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
email: ti89ga@mail.ru

About the authors: Garipov Timur I., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure of Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: ti89ga@mail.ru

© Гарипов Т.И., 2020

Статья получена: 25.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09.2020

В.В. Гусак

**ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА
РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**THE CONCEPT OF PROCEDURAL GUIDANCE
IN CRIME INVESTIGATION**

Введение: в статье рассматривается понятие процессуального руководства расследованием преступлений, являющееся, по мнению автора, частным проявлением феномена управления в уголовном процессе России как отношений власти и подчинения. Непоследовательность реформирования предварительного расследования, упоминаемая многими учеными в области уголовного процесса, по-прежнему порождает в теории и на практике множество проблем. Предлагается подойти к их решению с позиций концепции процессуального руководства.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, исторический, логический, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: предложено авторское определение процессуального руководства расследованием, сделаны выводы о соотношении его с понятиями ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора, управления и организации расследования.

Обсуждение и заключения: автор считает, что организация расследования, прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством, соотносятся с процессуальным руководством расследованием как части и целое. Решая задачу оптимального определения функциональных ролей для должностных органов предварительного расследования, следует подходить к этому вопросу системно – не отвергая концепцию процессуального руководства. Процессуальное руководство расследованием реализуется должностными лицами и органами, осуществляющими расследование, путем совершения процессуальных действий, вынесения промежуточных и итоговых процессуальных решений в отношении всех субъектов уголовного процесса, принимающих участие, привлеченных или допущенных к участию в уголовном деле, и направлено на полное и всестороннее изучение обстоятельств, подлежащих доказыванию в целях надлежащего применения уголовного и уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: предварительное расследование; процессуальное руководство; ведомственный контроль; судебный контроль; прокурорский надзор; соотношение понятий

Для цитирования: Гусак В.В. Понятие процессуального руководства расследованием преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № . С. 351 – 356. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.014

Introduction: the article deals with the concept of procedural management of crime investigation, which, according to the author's opinion, is a particular manifestation of the phenomenon of management in criminal process of Russia as power and subordination. The inconsistency of the reform of the preliminary investigation, mentioned by many academicians in criminal procedure, still causes many challenges of theory and practice. The author proposes to approach their resolution from the concept of procedural guidance.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was the dialectical method of academic knowledge, historical, logical, as well as observation and other special methods of research of legal phenomena.

Results: the author's definition of procedural management of the investigation was proposed, conclusions were drawn about its correlation with the concepts of departmental procedural control, prosecutor's supervision, management and organization of the investigation.

Discussion and Conclusions: the author believes that managing investigation, prosecutor's supervision and departmental procedural control relate to the procedural management of the investigation as part and as a whole. Solving the problem of effective determination of functional role for officials of the preliminary investigation it is necessary to approach this issue systematically, without rejecting the concept of procedural guidance. Officials and bodies conducting the investigation by performing procedural actions, making

interim and final procedural decisions in relation to all subjects of criminal proceedings carry out procedural management of investigation. It is aimed at a full and comprehensive study of circumstances to be proved in order to properly apply the criminal and criminal procedure law.

Keywords: preliminary investigation; investigation management; departmental control; judicial control; prosecutor's supervision

For citation: Gusak V.V. The Concept of Procedural Guidance in Crime Investigation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 351 – 356. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.014

Введение

Невозможно отрицать в уголовном судопроизводстве отношения власти и подчинения, которые, согласно предлагаемой нами рабочей гипотезе, должны в широком смысле рассматриваться как процессуальное руководство. Нельзя не согласиться с тем, что следователь или дознаватель, производя расследование по уголовному делу, по отношению к ряду других участников уголовного судопроизводства наделены властными полномочиями, которые при необходимости могут обеспечиваться государственным принуждением. При этом ни следователя, ни дознавателя нельзя назвать полноправными «хозяевами» уголовного дела, поскольку их свобода в принятии решений ограничена не только законом, но и наличием ведомственных и надведомственных руководителей. Следует уточнить, что значительная часть правовых отношений между лицом, производящим расследование, и его ведомственным начальником имеет уголовно-процессуальный характер и регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ). Наряду с этим руководящими, но надведомственными по отношению к органам расследования полномочиями обладает прокурор. Самостоятельность указанных лиц также ограничивается наличием института судебного контроля за следственными действиями и применением мер принуждения, способными привести к нарушению ряда конституционных прав граждан.

С данными вопросами тесно взаимосвязана проблема оптимального распределения полномочий между государственно-властными субъектами уголовного процесса, выполняемыми ими функциями, роли прокурора, который частично утратил полномочия, позволяющие активно вмешиваться в ход предварительного следствия. Широкими правами в этом отношении наделен руководитель следственного органа, «эволюционировавший» из начальника следственного отдела. Такое решение законодателя на фоне почти полуторавековой истории прокурорского надзора за предварительным расследованием кажется поистине революционным. При этом возможность влиять на дознание, все больше напоми-

нающее в его современном варианте предварительное следствие, существенных изменений не претерпела. На отсутствие системного подхода к реформированию УПК РФ по этому поводу многократно указывалось в научной литературе. Так, например, С.А. Шейфер упоминает о небрежности или отсутствии представлений законодателя о роли руководителя следственного органа [1, с. 51 – 52], А.А. Тарасов – о стирании различий между дознанием и следствием, ограничении возможностей прокурора влиять на предварительное расследование [2, с. 121 – 122], чрезмерную процессуальную регламентацию дознания, избыточное для дознавателя право вступать в конфронтацию путем обжалования решений прокурора, который впоследствии будет поддерживать обвинение в суде [2, с. 125 – 127].

В реформе 2007 г., несомненно, было и рациональное зерно – выделение следственных аппаратов из ведомственного подчинения прокуратуры, размежевание функций надзора и руководства следствием. Последнее, на первый взгляд, представляется вполне разумным: прокурор больше не будет надзирать сам за собой и начнет эффективнее выявлять нарушения законности. Но сможет ли он, будучи непричастным к расследованию, своевременно устранять возникающие нарушения законности, а затем уверенно отстаивать свою позицию, поддерживая в суде государственное обвинение? Допустимо ли в этом случае совмещать функцию беспристрастного надзора и уголовное преследование?

Казалось, уголовно-процессуальное законодательство пойдет по пути дальнейшей специализации участников уголовного процесса и разделения уголовно-процессуальных функций, вступающих в противоречие между собой. У такого предположения, помимо реформы предварительного расследования 2007 г., были некоторые основания – неоднократное обсуждение вопроса о введении института следственных судей, специализирующихся исключительно на контроле за досудебным производством по уголовным делам. На заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и встрече с уполномоченными

по правам человека в субъектах Российской Федерации 10 декабря 2019 года этот вопрос обсуждался вновь, а 29 января 2020 г. Президентом РФ утверждено поручение Верховному Суду РФ рассмотреть вопрос о целесообразности введения института следственного судьи¹.

Однако дальнейшего развития эта тенденция пока не получила. Вступление в силу Федерального конституционного закона РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² привело к изменению ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, которая ныне на уровне основного государственного закона наделила прокуратуру функцией уголовного преследования, что также требует теоретического осмысления. Может, прокурор все-таки снова станет полноправным руководителем на стадии предварительного расследования?

Для разрешения обозначенных теоретических вопросов и связанных с ними практических проблем предлагаем исходить из гипотезы о наличии феномена управления в уголовном процессе и на различных его этапах. На судебных стадиях процессуальным руководителем является суд, а кто является, вернее, должен являться руководителем в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования? Этот вопрос, на наш взгляд, требует более тщательной проработки.

Обзор литературы

Вместе с тем концепция процессуального руководства в науке уголовного процесса не является общепризнанной, имеет множество как сторонников, так и противников. Говоря о поддерживающих или отвергающих указанную концепцию, никак нельзя обойти вниманием труды В.М. Савицкого, содержащие множество интересных положений, на которые мы будем далее неоднократно ссылаться. Суть теоретической концепции процессуального руководства прокурора как единственного эффективного метода надзора прокурора за законностью в стадии предварительного расследования, осуществляемого в том числе путем активного вмешательства в деятельность органов предварительного следствия и дознания в равном объеме, независимо

от ведомственной принадлежности указанных органов, подробно обосновывалась и излагалась В.М. Савицким еще с 1957 г., а затем была поддержана рядом других ученых того времени [3, с. 210 – 211]. Часть исследователей критиковала концепцию на основании того, что в законе при регламентации рассматриваемой деятельности прокурора термин «руководство» не используется [3, с. 212; 4, с. 141]. Другие, признавая руководящие полномочия прокурора, предлагали их исключить, сохранив за последним права и обязанности в объеме, аналогичном общему надзору [3, с. 212]. Дискуссии, обусловленные отсутствием прямого законодательного закрепления факта процессуального руководства прокурора, продолжаются и в настоящее время, на что в одной из своих публикаций, например, указывает И.Ю. Чеботарева [4, с. 171 – 172]. Остается только непонятным, почему тогда отсутствующий в ныне действующем УПК РФ термин «контроль» имеет право на существование, а «процессуальное руководство» – нет? Это вопрос риторический, но мы все-таки считаем необходимым на него ответить.

Причина первая и основная – законодательная: в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве такой термин отсутствовал, а, к примеру, ст. 127.1 УПК РСФСР возлагала на начальника следственного отдела обязанность «осуществлять контроль за своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений, и принятию мер к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам»³. Причина вторая – рационально-традиционная, связанная с предыдущей – наличие в законе соответствующего термина вполне разумно потребовало его осмысления и толкования в уголовно-процессуальной науке. Ввиду сложившейся традиции и научного наследия он продолжает использоваться по сей день. Причина третья – исключительно рациональная: продекларированная законом процессуальная самостоятельность следователя наряду с потребностью общества в защите от возможных следственных ошибок и (или) преодоления некомпетентности некоторых следователей дей-

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека // Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/copy/62700/> (дата обращения: 06.07.2020).

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001?index=49&rangeSize=1/> (дата обращения: 06.07.2020).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Постановлением Верховного Совета РСФСР от 27.10.1960) // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010093&rdk=&backlink=1/> (дата обращения: 06.07.2020).

ствительно требуют контролировать деятельность органов расследования и их должностных лиц.

Введение в 1965 – 1966 г. в УПК республик СССР нового субъекта – начальника следственного отдела не изменило взгляда В.М. Савицкого на прокурора как руководителя расследования. Это привело к признанию ученым за новым участником уголовного процесса статуса процессуального руководителя, пусть и обладающего меньшим объемом полномочий, чем прокурор [3, с. 205].

Позднее А.М. Лариным, поддержавшим мнение, высказанное в 1960 г. болгарским ученым академиком С.Г. Павловым, концепция процессуального руководства значительно дополняется: в качестве процессуальных руководителей признаются не только осуществляющий надзор за законностью в ходе предварительного расследования прокурор или начальник следственного отдела, но и судья, а само процессуальное руководство начинает рассматриваться как единая функция совместно с принятием решений по уголовному делу, проходящая через все этапы уголовного судопроизводства [5, с. 109 – 116].

В.Ф. Статкус и А.А. Чувилев, а позднее – и В.В. Кальницкий небезосновательно считали, что прокурор сможет предупредить нарушения закона, если действия следователя нуждаются в утверждении [6, с. 9]. А.А. Чувилев и В.В. Кальницкий относили властные полномочия начальника следственного отдела к процессуальному контролю, считая, что в силу наличия у следователя процессуальной самостоятельности, а также невозможности руководить следственными аппаратами лишь административными методами, требуется различать процессуальный контроль за расследованием уголовных дел и процессуальное руководство подчиненным следственным подразделением в виде распределения нагрузки между подчиненными по службе следователями.

Кроме того, данные ученые полагали, что процессуальной стороной деятельности по расследованию конкретного уголовного дела руководить нельзя, ведь в противном случае это приведет к чрезмерной опеке следователя, привыкающего действовать не по внутреннему убеждению, а по указаниям начальника следственного отдела [6, с. 14 – 15].

В качестве еще одного аргумента против того, чтобы относить все полномочия начальника следственного отдела к процессуальному руководству, исследователи акцентировали внимание на гарантии процессуальной самостоятельности следователя в виде права возражать против ука-

заний, предопределяющих направление расследования. Обязательность выполнения указаний начальника следственного отдела о производстве следственных действий объяснялась тем, что они не предопределяют решения о направлении расследования, а обусловлены необходимостью обеспечить формирование у следователя объективного внутреннего убеждения [6, с. 12 – 14].

Последний аргумент представляется нам достаточно спорным. Если согласиться с тем, что всякий раз при выполнении обязательных указаний предпринимаются действия, направленные на обеспечение полноты и всесторонности расследования, то чем же они являются, не актом ли процессуального руководства? А насколько часто следователи пользуются гарантиями своей процессуальной самостоятельности на практике?

Мы не преследуем цели вступать в дискуссии, приводя контраргументы в опровержение только что рассмотренной позиции, отдавая себе отчет в том, что перед нами стоит сходная задача – оптимально определить роли в уголовном процессе для должностных органов предварительного расследования, которая на том этапе развития уголовно-процессуальной науки, вероятнее всего была с успехом решена путем разграничения рассматриваемых правоотношений на процессуальный контроль и прокурорский надзор. Вместе с тем решительно отрицаем обстоятельство, что при ее разрешении в современных условиях мы должны полностью отвергнуть концепцию процессуального руководства расследованием, отражающую властный характер правовых отношений в сфере расследования, выступающих если не в роли основного, то, по крайней мере – в качестве одного из системообразующих факторов.

Материалы и методы

Применяемые в процессе настоящего исследования методы, такие как диалектический, исторический, формально-логический, системно-структурный, логико-семантический, позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

Поддерживая упомянутые концептуальные положения, высказанные в разное время В.М. Савицким, С.Г. Павловым, А.М. Лариным и другими исследователями, определим сущность понятия процессуального руководства расследованием преступлений. Решение этого вопроса осложняется отсутствием однозначного понимания в отечественной уголовно-процессуальной доктрине таких терминов, как ведомственный кон-

троль, судебный контроль, прокурорский надзор, организация расследования, процессуальное руководство, и их соотношения между собой.

Как бы парадоксально и вызывающе это ни звучало, мы ввиду большого многообразия различных противоречащих друг другу позиций и взглядов для начала предлагаем на время отодвинуть их в сторону вместе с противоречивым в некоторой степени уголовно-процессуальным кодексом, обратившись к языку и соответствующим толковым словарям.

В УПК РФ многократно и в различных сочетаниях встречаются такие слова, как «руководитель», «начальник», «возглавляющее», «руководит». Их смысл в нормах-дефинициях не закреплен, поскольку понятен любому человеку, владеющему русским языком. Заключается он в управлении подчиненными в силу тех или иных обстоятельств людьми путем оказания воздействия на их поведение различными методами.

Слово «управлять» в русском языке имеет следующие значения: «направлять ход, движение, руководить, направлять деятельность, действия кого или чего-нибудь»¹. Употребляемый в качестве синонима термин «руководить» означает «направлять чью-нибудь деятельность, наставлять, управлять, заведовать»². Схожее по своему значению слово «организовать» употребляется в следующих смыслах: «основать, учредить; подготовить, наладить что-либо; объединить для какой-нибудь цели; упорядочить что-нибудь»³. Организация – внутренняя упорядоченность частей целого, действия, ведущие к образованию, созданию чего-либо, объединение людей для совместной деятельности⁴. Очевидно, что организация является частью деятельности управленца – руководителя.

Слово «контроль» – от французского «contrôle» – определяется как надсмотр с целью проверки, проверка правильности тех или иных действий, исполнения принятых решений или возложенных обязанностей⁵, систематическая проверка, постоянное или периодическое наблюдение⁶. Контролировать означает проверять, надзирать, производить контроль⁷. Контроль – один из неотъемлемых способов управления. Надзор выступает в качестве разновидности контрольной

деятельности, при этом подчеркивается ее внешний характер по отношению к подконтрольному субъекту, нахождение управляющего вне системы, в которой функционирует подчиненный субъект. Организация, контроль, надзор, как разновидность контроля, – элементы управленческой деятельности.

Управление системами может осуществляться как изнутри (под воздействием внутренних факторов), так и снаружи (под воздействием внешних факторов). Самоуправление осуществляется путем взаимодействия обособленных субъектов какой-либо организации или членов коллектива при совместном решении общей задачи. Руководство, в отличие от самоуправления, предполагает в этом процессе ведущую роль главы, начальника, заведующего и т.п. при целеполагании, постановке задач, контроле за их исполнением и т.д. При этом за подчиненными сохраняется некоторая самостоятельность при принятии решений.

Термин «управление» применяется как по отношению к действиям людей, так и различным механизмам, процессам или явлениям, и по своему смыслу является более широким, чем руководство. Руководство же относится к регулированию исключительно деятельности человека. В отличие от управления, руководство предполагает воздействие на субъектов, наделенных сознанием и волей, но объединенных для выполнения совместных задач и функций под организующим началом соответствующего руководителя. Таким образом, для обозначения процессов управления расследованием более правильным будет применять термин руководство, нежели управление.

Руководство расследованием преступлений осуществляется не только соответствующими начальниками, но и должностным лицом, ведущим расследование по уголовному делу, который объединяет и в определенной степени направляет действия всех остальных участников уголовного процесса, не относящихся к государственно-властным субъектам, отнесенных законодателем к стороне обвинения. Цель этой деятельности, исходя из требований ст. 73, 85 УПК РФ, – полное, объективное и всестороннее соби́рание, установление, проверка и оценка обстоятельств, подлежащих доказыванию.

¹ Толковый словарь современного русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: «Аделант», 2014. С. 709.

² Там же. С. 605.

³ Там же. С. 404.

⁴ Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. С. 474.

⁵ Лехин И.В., Петров Ф.Н. (ред.). Словарь иностранных слов: 3-е изд., доп. и перераб. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. С. 329.

⁶ Егорова Т.В. Указ. раб. С. 345 – 346.

⁷ Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / составитель Е. Ефремов. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1912. С. 222.

Обсуждение и заключения

Подводя итог, сформулируем ряд сделанных нами выводов. Процессуальное руководство – проявление феномена управления в уголовном процессе России как отношений власти и подчинения. Организация расследования, прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль соотносятся с процессуальным руководством расследованием как части и целое. Решая задачу распределения полномочий должностных органов предварительного расследования, следует подходить к этому вопросу системно – не отвергая концепцию процессуального руководства.

Процессуальное руководство расследованием – вид уголовно-процессуальной деятельности, реализуемый путем совершения процессуальных действий, принятия промежуточных и итоговых процессуальных решений должностными лицами

и органами, осуществляющими расследование и наделенными полномочиями по упорядочиванию деятельности всех субъектов, принимающих участие, привлеченных или допущенных к участию в уголовном деле, направленной на полное и всестороннее изучение обстоятельств, подлежащих доказыванию в целях надлежащего применения уголовного и уголовно-процессуального закона. Непременным условием реализации этой функции является точное следование требованиям уголовно-процессуального и иного законодательства во имя воплощения закрепленного в ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства, ориентированного на защиту прав, свобод и законных интересов лиц и организаций, так или иначе вовлеченных в сферу уголовного процесса, и достижения в этом отношении оптимального баланса между процессуальными статусами его отдельных участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. 200 с.
2. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986. 160 с.
3. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. 382 с.
4. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М.: Наука, 1975. 382 с.: [Рецензия] / В.Г. Даев // Правоведение. 1977. № 2. С. 140 – 142.
5. Тарасов А.А. Новое в нормативной регламентации дознания: благо или симптом? // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 1. С. 121 – 128.
6. Чеботарева И.Ю. Некоторые вопросы соотношения функций процессуального руководства и прокурорского надзора // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 171 – 176.
7. Шейфер С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. № 4. С. 49 – 55.

REFERENCES

1. Kal'nickij V.V. Voprosy teorii i praktiki ugovolnogo sudoproizvodstva: izbrannye trudy. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2016. 200 s.
2. Larin A.M. Rassledovanie po ugovolnomu delu: processual'nye funkcii. M.: YUridicheskaya literatura, 1986. 160 s.
3. Savickij V.M. Oчерk teorii prokurorskogo nadzora v ugovolnom sudoproizvodstve. M.: Nauka, 1975. 382 s.
4. Savickij V.M. Oчерk teorii prokurorskogo nadzora. M.: Nauka, 1975. 382 s.: [Recenziya] / V.G. Daev // Pravovedenie. 1977. № 2. S. 140 – 142.
5. Tarasov A.A. Novoe v normativnoj reglamentacii doznaniya: blago ili simptom? // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2017. № 1. S. 121 – 128.
6. Shebotareva I.YU. Nekotorye voprosy sootnosheniya funkcion processual'nogo rukovodstva i prokurorskogo nadzora // Vestnik Sheyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 17 (372). Pravo. Vyp. 43. S. 171 – 176.
7. Shejfer S.A. Reforma predvaritel'nogo sledstviya: pravovoj status i vzaimootnosheniya prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 4. S. 49 – 55.

Об авторе: Гусак Владимир Владимирович, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России
email: vlgusa@yandex.ru

© Гусак В.В., 2020

About the author: Gusak Vladimir V., Post-Graduate Student, Ufa Law Institute of the MIA of Russia
email: vlgusa@yandex.ru

Статья получена: 13.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

А.В. Кульчарова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

PROCEDURAL POWERS
OF HEAD OF THE INQUIRY DIVISION
WHEN CONDUCTING AN INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы реализации процессуальных полномочий начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме. В целях повышения эффективности деятельности специализированного подразделения дознания автором предлагается расширить объем процессуальных полномочий непосредственного руководителя данного подразделения.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), публикации современных отечественных ученых, посвященные теме исследования, практика расследования уголовных дел специализированными подразделениями дознания и результаты проведенного опроса сотрудников данных подразделений. Методологическую базу исследования составили общенаучные (индукция и дедукция) и частные (формально-юридический и конкретно-социологический) методы исследования.

Результаты исследования: в статье проведен анализ норм, формирующих главу 32.1 УПК РФ, установлено отсутствие в них какого-либо упоминания о начальнике подразделения дознания, поскольку весь объем процессуальных полномочий по контролю за деятельностью дознавателя сконцентрирован на начальнике органа дознания и прокуроре; выявлены пробелы в правовой регламентации процедуры утверждения начальником органа дознания пересоставленного дознавателем обвинительного постановления; сформулированы предложения по устранению данных правовых коллизий путем расширения границ процессуальных полномочий начальника подразделения дознания.

Обсуждение и заключения: обоснована авторская позиция о делегировании процессуальных полномочий начальника органа дознания начальнику подразделения дознания по уголовным делам, расследуемым в сокращенной форме дознания. Высказаны предложения о необходимости внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ в части оптимизации деятельности специализированного подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме путем оптимизации процессуальных полномочий начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Ключевые слова: начальник подразделения дознания; начальник органа дознания; дознаватель; полномочия; сокращенная форма дознания

Для цитирования: Кульчарова А.В. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 357 – 362. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.015

Introduction: the article deals with the implementation of the procedural powers of the head of the Department of Inquiry in the Production of an Inquiry in an Abbreviated Form. In order to improve the effectiveness of the special investigation unit, the author proposes to expand the scope of procedural powers of the immediate superior of this unit.

Materials and Methods: the Russian Federation Code of Criminal Procedure, current publications of Russian academicians, investigation practices of criminal cases by special divisions of investigation and survey results among the divisions employees. The methodology was general academic (induction and deduction) and special (legal, and particularly sociological) research methods.

Results: the article analyzed the norms forming Chapter 32.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It was established that they do not mention head of the inquiry unit, since the entire scope of procedural powers to control the activities of the investigator was concentrated on the head of the inquiry body and the Prosecutor; gaps in the legal regulation of the procedure for approval by the head of the body of inquiry

of the remitted inquirer indictment; proposals are formulated to eliminate these legal conflicts by expanding the boundaries of the procedural powers of the head of the inquiry division.

Discussion and Conclusions: the author's position on delegating the procedural powers of the head of the body of inquiry to the head of the division of inquiry in criminal cases investigates in the abbreviated form of inquiry is substantiated. The authors suggest amend the current criminal procedure legislation of the Russian Federation in terms of optimizing the activities of a specialized investigation unit in the course of conducting an inquiry in a reduced form by optimizing the procedural powers of the head of the investigation unit and the head of the inquiry body.

Key words: the chief of division of inquiry; the chief of body of inquiry; investigator; powers; inquiry in the reduced form

For citation: Kulcharova A. V. Procedural Powers of Head of the Inquiry Division when Conducting an Inquiry in Abbreviated Form // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 357 – 362. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.015

Введение

Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ¹ начальник подразделения дознания определен в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства России. Это не означает, что до указанного момента необходимость участия данного должностного лица в уголовно-процессуальной деятельности в принципе отсутствовала. Например, в органах внутренних дел руководитель специализированного подразделения по организации дознания функционировал с 1992 года и все это время осуществлял свою (управленческую и уголовно-процессуальную) деятельность в соответствии с ведомственными нормативными актами, в том числе приказом МВД России от 16.10.1992 № 368 «О мерах по укреплению подразделений дознания и совершенствованию раскрытия преступлений, по которым предварительное следствие не обязательно»².

Появление начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве России в качестве самостоятельного и властного участника правовых отношений и наделение его собственно уголовно-процессуальным статусом вызвано необходимостью усиления процессуального контроля за деятельностью дознавателей и повышения ее эффективности. Данное должностное лицо призвано обеспечить назначение уголовного судопроизводства Российской Федерации: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности

от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод³.

Несмотря на незначительное снижение удельного веса преступлений, предварительное следствие по которым необязательно, от общего числа зарегистрированных в России преступлений с 45,8 % в 2018 году⁴ до 44,7 % в 2019 году⁵, потребность в результативности деятельности начальника подразделения дознания и расширении границ его процессуальных и иных полномочий сохраняется.

Начальник подразделения дознания является важным контролирующим и организующим звеном при осуществлении предварительного расследования в форме дознания. Он должен обладать широким набором внешних (процессуальных) и внутренних (административных/управленческих) функций, взаимосвязанных с его полномочиями. Если реализация внутренних (административных) функций начальника подразделения дознания зависит от различных субъективных факторов (структуры органа, его процессуальной компетенции, рабочей нагрузки, порядка взаимодействия и т.д.), то сугубо процессуальные полномочия последнего объективны и ограничены нормами УПК РФ.

По нормам УПК РФ большая часть процессуальных полномочий начальника подразделения дознания делегирована прокурору и начальнику органа дознания, а не собственно данному процессуальному руководителю. Между тем, по данным практики, только начальник подразделения

¹О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Российская газета. 2007. 9 июня.

²О мерах по укреплению подразделений дознания и совершенствованию раскрытия преступлений, по которым предварительное следствие не обязательно: приказ МВД России от 16.10.1992 № 368. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=50554> (дата обращения: 05.08.2020). Утратил силу.

³Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020). Ст. 6.

⁴Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/gerports/item/16053092/>. Доступ свободный (дата обращения: 12.04.2020).

⁵Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года. URL: <https://мвд.рф/gerports/item/19412450/>. Доступ свободный (дата обращения: 12.04.2020).

дознания, находясь ближе к своим подчиненным, имеет возможность осуществлять эффективное руководство и постоянный контроль за ними, выполняя основную работу по организации расследования в форме дознания (в общем порядке либо в сокращенном виде).

Расследование уголовных дел в сокращенном виде дознания занимает особое место на всех уровнях правоохранительных органов, и это не случайно. Во-первых, сокращенная форма производства дознания позволяет исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, а равно необоснованное затягивание сроков реализации досудебного производства. Во-вторых, данная форма дознания призвана обеспечить гражданам доступ к правосудию в разумный срок, а лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, получить более мягкое наказание суда, не превышающее одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

С момента введения Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ¹ в уголовное судопроизводство РФ сокращенного порядка производства дознания прошло более семи лет. Однако, несмотря на неоднократно высказанные суждения ученых и практиков об имеющихся проблемных вопросах регламентации данного вида дознания, внесение конкретных предложений по их устранению или минимизации, в том числе за счет расширения объема процессуальных полномочий начальника подразделения дознания, каких-либо изменений в уголовно-процессуальном законодательстве РФ не последовало.

До настоящего времени в нормах, формирующих главу 32.1 УПК РФ, начальник подразделения дознания по непонятным причинам проигнорирован, его участие при производстве дознания в сокращенной форме не регламентировано. Такие явные коллизии в регулировании порядка осуществления сокращенной формы дознания нельзя признать оправданными, поскольку именно начальник подразделения дознания является непосредственным руководителем специализированного подразделения дознания, осуществляющего производство дознания в сокращенном виде, и он, ежедневно контролируя работу подчиненных дознавателей, может учесть все нюансы по уголовному делу и повлиять на законность и обоснованность принимаемых дознавателем решений.

Обзор литературы

С.А. Табаков [1, с. 177] отмечал, что постоянное нахождение начальника подразделения дознания вблизи объекта контроля является важным преимуществом перед другими субъектами, осуществляющими процессуальный контроль за дознавателем (начальник органа дознания, прокурор). Аналогичные акцентуации правовой регламентации процессуальных полномочий данного субъекта нашли свое отражение в трудах других ученых: У.А. Мусеибова [2], Т.А. Арепьевой [3], И.А. Насоновой, Т.А. Степановой [4, с. 11 – 114], Е.Е. Зыряновой [5, с. 60 – 66], И.И. Федуловой [6, с. 354 – 357], А.Н. Кузнецова [7, с. 131 – 136] и т.д. Проблематика затронутых вопросов, связанных с несовершенством сокращенной формы дознания, анализировалась в научных публикациях А.С. Александрова [8], Б.Я. Гаврилова [9, с. 39], Н.Н. Ковтун [10, с. 47 – 49] и др. Вместе с тем имеющиеся теоретические и практические проблемы реализации начальником подразделения дознания процессуальных и иных полномочий при производстве дознания в сокращенной форме недостаточно изучены наукой и требуют, во-первых, своего изучения; во-вторых, совершенствования.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы исследования (индукция и дедукция), а также частные (формально-юридический и конкретно-социологический) методы исследования. Материалами исследования послужили законодательные положения УПК РФ, публикации ученых-процессуалистов, а также материалы уголовных дел, расследованных в одном ведомственном органе системы МВД России (Управление на транспорте по Приволжскому федеральному округу), но разными специализированными подразделениями дознания, территориально расположенными в других субъектах РФ (г. Астрахань, г. Нижний Новгород), результаты опроса, проведенного среди сотрудников указанных подразделений дознания. Проведено анкетирование 10 сотрудников подразделений дознания Астраханского ЛО МВД России на транспорте и 9 сотрудников Нижегородского ЛУ МВД России на транспорте. Изучены уголовные дела Астраханского ЛО: № 851860 от 19.11.2014; № 852053 от 05.06.2015; № 852446 от 21.07.2016; № 12001008106000122 от 13.03.2020 и уголовные дела Нижегородского ЛУ: № 104208 от 27.10.2017; № 1180100015000006 от 15.01.2018, № 1190100015000026 от 20.01.2019.

¹О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

Результаты исследования

В настоящем исследовании мы провели анализ норм, формирующих главу 32.1 УПК РФ, чтобы определить роль начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме. Проведенный анализ свидетельствует, что в исследуемой главе не содержится ни одного упоминания о названном публичном субъекте. Весь объем процессуальных полномочий по контролю за деятельностью дознавателя при осуществлении дознания в сокращенном виде сконцентрирован на начальнике органа дознания и прокуроре. Именно последний должен быть уведомлен дознавателем о начале производства дознания в сокращенной форме (ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ). Он же обладает правом продления сокращенного срока дознания (ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ). Наконец, названный субъект принимает решение по уголовному делу, поступившему к нему для утверждения обвинительного постановления (ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ), и вправе исключить отдельные пункты обвинения или переквалифицировать обвинение на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ).

Перечисленный объем процессуальных полномочий прокурора по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме дознания, подразумевает осуществление прокурорского надзора за деятельностью дознавателя на всем этапе расследования (с момента уведомления прокурора о производстве дознания в сокращенной форме до направления дознавателем уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору). Однако, согласно данным практики, сжатость сроков данного вида дознания, отдаленность объекта контроля препятствуют реализации данным субъектом своих полномочий. Например, получение прокурором в 24-часовой срок (с момента принятия решения) уведомления об осуществлении сокращенной формы дознания или предоставление дознавателем за 24 часа (до истечения срока) постановления о продлении срока сокращенного дознания, не всегда позволяет прокурору объективно оценить обоснованность и правомерность принятых решений. Нередко для проверки законности данных решений прокурору необходимо тщательное изучение материалов уголовного дела, что, в свою очередь, влечет временные затраты и затягивает и без того «сокращенные» сроки расследования. В данном случае прокурору приходится полагаться на предоставленный ему законом 3-суточный срок, когда уголовное дело поступит к нему с обвинительным постановлением и по результатам его изучения он сможет принять по нему одно из решений, в том числе, о направлении уголовного дела дознавателю для

производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Более проблемной выглядит ситуация по реализации процессуальных полномочий начальником органа дознания. Данный руководитель включается в работу дознавателя только на этапе окончания дознания и наделен законодателем единственным полномочием по утверждению составленного дознавателем обвинительного постановления, в том числе пересоставленного, в случае удовлетворения заявленных подозреваемым, защитником, потерпевшим и или его представителем ходатайств (части 2, 8, 9 ст. 226.7 УПК РФ).

В УПК РФ отсутствует правовая регламентация процедуры утверждения начальником органа дознания пересоставленного дознавателем обвинительного постановления. Законодатель не указал, кто именно (дознаватель или начальник органа дознания) рассматривает соответствующее ходатайство (ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ) вышеуказанных участников уголовного процесса и, принимая решение о его удовлетворении, лишает юридической силы (первое) утвержденное начальником органа дознания обвинительное постановление. Учитывая, что указанное ходатайство поступает на имя дознавателя, полагаем, что им же оно должно быть рассмотрено и удовлетворено. Однако в данном случае вынесенное дознавателем постановление об удовлетворении ходатайства подозреваемого, защитника, потерпевшего будет «блокировать» ранее утвержденное его вышестоящим руководителем обвинительное постановление.

В целях исключения вышеперечисленной системы лагун и коллизий, которые неизбежно встречаются в практической деятельности подразделений дознания, с учетом результатов проведенного анкетирования сотрудников подразделений дознания Астраханского ЛО МВД России на транспорте и Нижегородского ЛУ МВД России на транспорте [16], подтвердивших неукоснительное согласование дознавателями всех принимаемых по уголовным делам решений с начальником подразделения дознания, осуществляющим непрерывный процессуальный и административный контроль за их деятельностью, предлагаем включить в нормы главы 32.1 УПК РФ соответствующие изменения, наделив начальника подразделения дознания следующими процессуальными правами:

– согласовывать вынесенное дознавателем постановление об удовлетворении (отказе в удовлетворении) ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме (ст. 226.4 ч. 3 УПК РФ), а также постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о продлении срока дознания в сокращенной форме до 20 суток (ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ).

Это позволит начальнику подразделения дознания на первоначальном этапе расследования уголовного дела, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела, определить перспективу производства дознания в сокращенном порядке, избежать фактов перехода на общий порядок и затягивания сроков расследования. В свою очередь, контроль и согласование начальником подразделения дознания указанных документов будет служить для прокурора определенной гарантией законности и обоснованности действий и решений дознавателя;

– утверждать составленное дознавателем по окончании дознания обвинительное постановление (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ);

– согласовывать вынесенное дознавателем постановление об удовлетворении (отказе в удовлетворении) ходатайства, заявленного в соответствии с ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ обвиняемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем;

– выносить постановление о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий либо пересоставлении обвинительного постановления;

– утверждать пересоставленное обвинительное постановление (ч. 8, 9 ст. 226.7 УПК РФ).

Перечисленные предложения позволят урегулировать порядок действий дознавателя по поступившему ему в порядке ч.6 ст. 226.7 УПК РФ ходатайству. Дознаватель должен будет в обязательном порядке согласовать с начальником подразделения дознания решение по данному ходатайству. Поскольку только он, как непосредственный процессуальный руководитель, осуществляющий на всем этапе предварительного расследования ведомственный и процессуальный контроль за работой дознавателя и утвердивший обвинительное

постановление, сможет объективно оценить суть и содержание ходатайства. Кроме того, с учетом нагрузки дознавателя по другим уголовным делам, определить возможность его разрешения в установленный для сокращенной формы дознания срок. В случае отказа в удовлетворении ходатайства дознаватель будет обязан незамедлительно направить уголовное дело с обвинительным постановлением прокурору (ч. 7 ст. 226.7 УПК РФ). В случае удовлетворения ходатайства, на основании соответствующего постановления начальника подразделения дознания, либо сразу пересоставить обвинительное постановление (ч. 8 ст. 226.7 УПК РФ), предоставив его для утверждения начальнику подразделения дознания; либо произвести необходимые следственные, процессуальные действия, после чего пересоставить обвинительное постановление (ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ).

Обсуждение и заключения

На основании вышеизложенного предлагаем расширить процессуальный статус начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме, делегировав ему часть процессуальных полномочий начальника органа дознания. Это позволит разгрузить начальника органа дознания от многочисленного объема других выполняемых им функций, сократить дознавателям временные затраты на утверждение обвинительного постановления у данного должностного лица. В свою очередь, начальник подразделения дознания, являясь административным и процессуальным руководителем, знающим индивидуальные особенности дознавателей, нагрузку по уголовным делам и материалам, находящимся в производстве, сможет исключить неоправданное расходование сил и средств дознавателей, а также предотвратить необоснованное затягивание сроков дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2009. 225 с.
2. Мусеилов У.А. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 269 с.
3. Арпьева Т.А. Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2013. 227 с.
4. Насонова И.А., Степанова Т.А. Полномочия начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе: понятие и классификация // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 111 – 114.
5. Зырянова Е.Е. Актуальные вопросы реализации начальником подразделения дознания полномочий по устранению процессуальных нарушений, допущенных дознавателем на стадии предварительного расследования // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 2. С. 60 – 66.
6. Федулова И.И. Проблемные вопросы, связанные с полномочиями начальника подразделения дознания // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2019. С. 354 – 357.
7. Кузнецов А.Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 131 – 136.

8. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12 – 19.
9. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 39.
10. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47 – 49.

REFERENCES

1. Tabakov S.A. Vedomstvennyj processual'nyj kontrol' za deyatel'nost'yu sledovatelej i doznavatelej organov vnutrennih del: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Omsk, 2009. 225 s.
2. Museibov U.A. Processual'nye polnomochiya nachal'nika podrazdeleniya doznaniya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2013. 269 s.
3. Arep'eva T.A. Nachal'nik podrazdeleniya doznaniya v rossijskom ugovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Voronezh, 2013. 227 s.
4. Nasonova I.A., Stepanova T.A. Polnomochiya nachal'nika podrazdeleniya doznaniya v rossijskom ugovnom processe: ponyatie i klassifikaciya // Vestnik Voronezhskogo Instituta MVD Rossii. 2012. № 2. S. 111 – 114.
5. Zyryanova E.E. Aktual'nye voprosy realizacii nachal'nikom podrazdeleniya doznaniya polnomochij po ustraneniyu processual'nyh narushenij, dopushchennyh doznavatelem na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. 2017. № 2. S. 60 – 66.
6. Fedulova I.I. Problemnye voprosy, svyazannye s polnomochiyami nachal'nika podrazdeleniya doznaniya // Aktual'nye voprosy proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya: teoriya i praktika. Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2019. S. 354 – 357.
7. Kuznecov A.N. O sootnoshenii processual'nyh polnomochij nachal'nika organa doznaniya i nachal'nika podrazdeleniya doznaniya na stadii rassledovaniya ugovnogo dela v forme doznaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1 (92). S. 131 – 136.
8. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12 – 19.
9. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 39.
10. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47 – 49.

Об авторе: Кульчарова Альбина Владимировна, адъюнкт Нижегородской академии МВД России
email: albi_cha@mail.ru

© Кульчарова А.В., 2020

Статья получена: 11.06.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

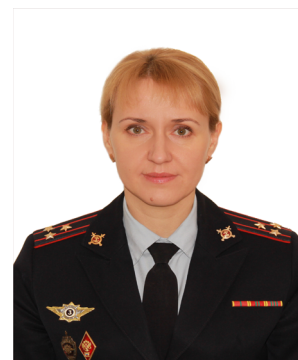
About the author: Kulcharova Albina V., Post-graduate Student of Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia
email: albi_cha@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Н.В. Маликова

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF ENSURING
THE SAFETY OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS
UNDER THE LAWS OF RUSSIA
AND THE KYRGYZ REPUBLIC**

Введение: в статье проводится сравнительно-правовой анализ проблем обеспечения безопасности участников уголовного процесса по законодательству России и Кыргызской Республики.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составляют методы синтеза, компаративного анализа, научного познания, логический, сравнительно-правовой, а также другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: в статье осуществляется сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики по вопросам государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, обосновываются преимущества отдельных аспектов правового регулирования и практики их применения.

Обсуждение и заключения: на основании проведенного исследования автором делается вывод, с одной стороны, о сходстве норм исследуемого законодательства России и Кыргызской Республики, с другой – об особенностях, характерных для каждой из этих стран. Предлагаются пути совершенствования российского законодательства в области обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Ключевые слова: законодательство; Россия; Кыргызская Республика; меры безопасности; обеспечение безопасности; государственная защита; участники уголовного судопроизводства; защищаемые лица; противоправное воздействие

Для цитирования: Маликова Н.В. Сравнительно-правовой анализ проблем обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по законодательству России и Кыргызской Республики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 363 – 367. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.016

Introduction: the article provides a comparative legal analysis of ensuring security of participants in criminal proceedings under the legislation of Russia and the Kyrgyz Republic.

Materials and Methods: the methodological base of the study consisted of methods of synthesis, comparative analysis, academic knowledge, logical, comparative legal, and other private methods of research of legal phenomena.

Result: the article provided a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic on state protection and security of participants in criminal proceedings, substantiates the arguments of the advantages of certain aspects of legal regulation and the practice of their application.

Discussion and Conclusions: based on the research, the author concludes, on the one hand, about the similarity of the norms of the studied legislation of Russia and the Kyrgyz Republic, on the other – about the features characteristic of each of these countries, suggests ways to improve Russian legislation in ensuring the safety of participants in criminal proceedings.

Keywords: legislation; Russia; Kyrgyz Republic; security measures; security assurance; state protection; participants in criminal proceedings; protected persons; illegal influence

For citation: Malikova N.V. Comparative Legal Analysis of Ensuring the Safety of Participants of Criminal Proceedings under the Laws of Russia and the Kyrgyz Republic // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 363 – 367. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.016

Введение

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является одним из приоритетных направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также Министерства внутренних дел Кыргызской Республики. Одна из основных задач министерств – не допустить гибели защищаемых лиц, причинения вреда здоровью, уничтожения их имущества, изменения ими своих показаний, а также отказ от них.

Статистические данные свидетельствуют, что количество лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты в России, немалого снижается (так, согласно статистическим данным Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, в 2017 г. количество защищаемых лиц составило 2 542 человека, в 2018 г. – 2 500 человек [1, с. 7], в 2019 г. – 2 024 человека¹), но проблема до сих пор остается.

На участников уголовного судопроизводства может оказываться как психологическое, так и физическое воздействие. Цель его – заставить лицо прекратить содействие правоохранительным органам, отказаться от дачи показаний или данных ранее показаний, в том числе изменить их. Принимаемые меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства позволяют выявить и устранить источник угрозы или приводят к безуспешным попыткам посткриминального воздействия [2, с. 34 – 37].

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа уголовно-процессуальных кодексов и законодательства России и Республики Кыргызстан, регулирующего вопросы государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Зарубежный опыт обеспечения безопасности участников уголовного процесса, содействующих раскрытию и расследования преступлений, ранее изучался учеными-процессуалистами. Один из первых особенности правового регулирования и мировой опыт государственной защиты участников уголовного судопроизводства изучил Л.В. Брусницын. В своем монографическом исследовании «Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства» он про-

вел анализ правового регулирования и особенностей осуществления государственной защиты в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Канаде, Норвегии и других странах [3, с. 6 – 28, 4, с. 139 – 144]. Исследование опыта Словакии представлено в работах В.Г. Брита [4, с. 61 – 64]. Отдельные аспекты государственной защиты участников уголовного процесса Европейских стран и стран СНГ проанализированы в диссертационном исследовании Е.О. Зайцева [5, с. 19 – 21]. Конституционные основы защиты прав человека в Кыргызской Республике изучены С.Д. Тайлаковой [6, с. 50 – 53]. В настоящей работе делается акцент на процессуальном законодательстве России и Кыргызской Республики.

Материалы и методы

Методологию исследования составляет системный, комплексный подход (методы анализа, синтеза, логико-юридический, методы сравнительно-правового анализа, обобщения). Материалами исследования послужили нормы уголовно-процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Кыргызстан, а также законодательство этих двух стран, регулирующее вопросы государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства; публикации, посвященные теме исследования.

Результаты исследования

В России на данный момент действует два федеральных закона о государственной защите: первый – Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»² (далее – ФЗ № 119 «О государственной защите потерпевших»), а второй – Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»³ (далее – ФЗ № 45 «О государственной защите судей»).

В Кыргызской Республике действует один закон – от 16.08.2006 № 170 «О защите прав свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства»⁴ (далее – закон КР № 170 «О государственной защите свидетелей»), который распространяет свою юрисдикцию как на должностных лиц, так и на других участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, наличие градации законодательства, продиктованной субъектным составом, является более удобным и обоснованным с точки зрения правоприменения.

¹ Данные формы статистической отчетности «Госзащита-ФЛ» за 2019 год.

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.

³ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. № 2. Ст. 198.

⁴ О защите прав свидетелей, потерпевших, и иных участников уголовного судопроизводства: Закон Кыргызской Республики № 170. URL: <https://online.zakon.kz>, доступ свободный (дата обращения: 20.07.2020).

Из анализа закона КР № 170 «О защите прав свидетелей» следует, что законодатель ограничился перечислением субъектов, подлежащих государственной защите, указав среди них свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства, отсылая тем самым к Уголовно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики¹ (далее – УПК КР). В свою очередь, в ст. 2 ФЗ № 119 «О государственной защите потерпевших» представлен исчерпывающий перечень лиц, подлежащих государственной защите, перечисленный в семи пунктах. Помимо них, под государственной защитой находятся также близкие родственники, родственники и близкие лица. Согласно законодательству Кыргызской Республики государственная защита распространяется только на близких родственников, супругу (супруга) (ч. 1 ст. 78 УПК КР). Таким образом, в России сложилась более корректная законодательная практика, поскольку учтены интересы и тех лиц, которые не находятся в официальном родстве с защищаемым лицом, но их жизнь, здоровье и благополучие дороги ему.

В качестве достоинства законодательства Кыргызской Республики отметим систематизацию УПК КР, в отдельной главе (гл. 12) которого сосредоточены основные уголовно-процессуальные положения, касающиеся обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, чего нельзя сказать про Уголовно-процессуальный кодекс РФ² (далее – УПК РФ), где система основных уголовно-процессуальных мер безопасности приведена в ст. 11, а другие меры сосредоточены по всему УПК РФ. На наш взгляд, наличие отдельной главы в УПК РФ, систематизирующей уголовно-процессуальные меры безопасности, упрощало бы порядок их применения.

В УПК КР, в отличие от российского уголовного-процессуального кодекса, представлен отдельный правовой институт «Депонирование показаний» (гл. 26), в силу которого возможно проведение допроса потерпевшего и свидетеля следственным судьей еще в период предварительного расследования, если лицо по объективным причинам не может быть допрошено в ходе судебного разбирательства. Действительно, в случае наличия реальных угроз безопасности может возникнуть необходимость изменения места жительства лица или помещения его в безопасное место, в результате будет затруднительно организовать его допрос в судебном заседании, и в этом слу-

чае наличие аналогичного правового института в России позволило бы решить данную проблему.

Из проведенного сравнительно-правового анализа мы можем с уверенностью заключить, что ФЗ РФ № 119 «О государственной защите потерпевших» по своему развитию и совершенствованию идет на шаг впереди, чем закон КР № 170 «О защите прав свидетелей». Данное умозаключение подтверждается следующими положениями. Во-первых, субъектный состав лиц, полномочных принимать решение о применении мер безопасности, в российском законодательстве является более обоснованным. Так, по законодательству Российской Федерации следователь не имеет право самостоятельно принимать решение о применении мер безопасности, а только с согласия руководителя следственного органа (по законодательству КР следователь подобное решение принимает самостоятельно, что, к сожалению, не всегда обдуманно и вызвано реальной необходимостью). Ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа в этом случае весьма оправдан, поскольку, согласно правоприменительной практике, сложившейся ранее в России (до изменений 2.02.2017 в ФЗ № 119 «О государственной защите потерпевших»), следователи также самостоятельно принимали подобное решение, при этом не всегда ответственно оценивали наличие реальности угрозы безопасности лица, что вело к загруженности органов государственной защиты работой, которая, по сути, не требовала их внимания. Во-вторых, в российском законе следователь не только находится под ведомственным контролем, но и обязан провести проверку заявления (сообщения) об угрозах совместно с органом, осуществляющим меры безопасности, в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно, по общему правилу в течение трех суток, а по мотивированному ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности, может продлить этот срок до 30 суток. В Кыргызской Республике данное решение следователь принимает, как уже было сказано выше, самостоятельно и максимальный срок проверки реальности угрозы составляет всего трое суток (в случаях, не терпящих отлагательства, такое решение должно быть принято немедленно).

Также в рамках данной статьи мы не могли оставить без внимания подписанное в Минске «Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства» от 28 ноября 2006 г.¹ (далее – Соглашение).

¹Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. URL: // <https://online.zakon.kz>, доступ свободный (дата обращения: 20.07.2020).

²Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч.1), ст. 4921.

Оно ратифицировано отдельными государствами – участниками Содружества Независимых Государств, среди которых есть Россия² и Кыргызская Республика³. Данное Соглашение предоставляет широкие возможности повышения эффективности противодействия организованной преступности, способствует повышению качества сотрудничества правоохранительных органов на международной арене [7], предусматривает возможность применения разнообразного перечня мер защиты (ст. 4 Соглашения) и даже тех, которые не предусмотрены внутренним законодательством этих стран, но страны договорились об их применении.

Обсуждение и заключения

На основании изложенного резюмируем, что в России и в Кыргызской Республике соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются

приоритетным направлением деятельности государственных органов. В связи с этим в настоящее время в исследуемых странах созданы полноценные правовые институты государственной защиты участников уголовного судопроизводства, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Во многом нормы указанных институтов оказываются весьма сходными, особенно в отношении конституционных, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и специальных (универсальных) мер безопасности. Более детальное изучение позволило сделать вывод, что в уголовно-процессуальном законодательстве России и Кыргызской Республики существуют специфические особенности осуществления государственной защиты лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пронин О.Ю. Основные тенденции развития и проблемы в сфере обеспечения лиц, подлежащих государственной защите, системы МВД России // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, в современных условиях: вопросы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2018. С. 7 – 14.
2. Маликова Н.В. Некоторые проблемы применения мер безопасности на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Уфимского ЮИ МВД России. Уфа, 2018. С. 34 – 37.
3. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 464 с.
4. Брит Г.В. Международный опыт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Краснодарского университета МВД России. Краснодар, 2017. № 4 (38). С. 61 – 64.
5. Зайцев Е.О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. С. 19 – 21.
6. Тайлакова С.Д. Механизм защиты прав человека в Конституции Кыргызской Республики // Российской право: образование, практика, наука. 2015. № 2. С. 50 – 53.
7. Дмитриева А.А. Правовое значение соглашения о защите участников уголовного судопроизводства отдельных стран СНГ. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?d=22&art=5266>, доступ свободный (дата обращения: 20.07.2020).

REFERENCES

1. Pronin O.YU. Osnovnye tendencii razvitiya i problemy v sfere obespecheniya lic, podlezhashchih gosudarstvennoj zashchite, sistemy MVD Rossii // Deya-tel'nost' organov vnutrennih del po obespecheniyu bezopasnosti lic, podlezhashchih gosudarstvennoj zashchite, v sovremennyh usloviyah: voprosy teorii i praktiki: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ufa, 2018. S. 7 – 14.
2. Malikova N.V. Nekotorye problemy primeneniya mer bezopasnosti na sta-dii voz-buzhdeniya ugolovno-go dela // Vestnik Ufimskogo YUI MVD Rossii. Ufa, 2018. S. 34 – 37.
3. Brusnicyn L.V. Obespechenie bezopasnosti lic, sodejstvuyushchih ugolovno-mu pravosudiyu: mirovoj opyt i razvitie rossijskogo zakonodatel'stva (processual'noe issledovanie): monografiya. M.: YUrlitinform, 2010. 464 s.
4. Brit G.V. Mezhdunarodnyj opyt obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugolovno-go sudoproizvodstva // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. Krasnodar, 2017. № 4 (38). S. 61 – 64.
5. Zajcev E.O. Gosudarstvennaya zashchita anonimnogo svidetelya v sfere ugolovno-go sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran: sravni-tel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid.nauk: 12.00.09. M., 2016. S. 19–21.

¹Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства (заключено в г. Минске 28 ноября 2006 г.) // СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 460.

²О ратификации Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 25.12.2008 № 275-ФЗ. URL: <https://legalacts.ru>, доступ свободный (дата обращения: 20.07.2020).

³О ратификации Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства, подписанного 28 ноября 2006 года в городе Минске: закон Кыргызской Республики от 23.01.2016 № 11. URL: <https://online.zakon.kz>, доступ свободный (дата обращения: 20.07.2020).

6. Tajlakova S.D. Mekhanizm zashchity prav cheloveka v Konstitucii Kyrgyzskoj Respubliki // Rossijskoj pravo: obrazovanie, praktika, nauk. 2015. № 2. S. 50–53.
7. Dmitrieva A.A. Pravovoe znachenie soglasheniya o zashchite uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva ot del'nyh stran SNG. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?d=22&art=5266>, dostup svobodnyj (data obrashcheniya: 20.07.2020).

Об авторах: Маликова Наталия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
email: Natali-malikova@yandex.ru

© Маликова Н.В., 2020

About the authors: Malikova Natalia V., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the Ufa Law Institute of MIA of Russia
email: Natali-malikova@yandex.ru

Статья получена: 29.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.14

DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.017

А.Г. Маркелов

**ИДЕЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОМПРОМИССА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ
ТЕХНОЛОГИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ СОВРЕМЕННОГО
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**USAGE OF THE PROCEDURAL COMPROMISE AS A
PROVEN TECHNOLOGY TO ACHIEVE THE GOAL OF THE
MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Введение: статья посвящена исследованию авторской идеи процессуального компромисса, являющегося доказательственной технологией достижения современной цели и реализации назначения уголовного процесса.

Материалы и методы: в качестве нормативной базы исследования выступили положения действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, отдельные положения уголовно-процессуального законодательства РСФСР 1960 года, иные законодательные и подзаконные акты, теория и следственно-судебная практика, мнения ученых и иных специалистов относительно использования отдельных технологий компромисса в процессе доказывания по уголовным делам. Использованы формально-логический, системный, сравнительно-правовой, статистический, социологический (анкетирование, интервьюирование, опрос) и другие методы исследования.

Результаты исследования: предлагается авторская трактовка указанной идеи как рациональной и доказательственной технологии, направленной на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности и борьбы с преступностью. Автор статьи предлагает частично изменить существующие установки теории доказательственного права и, в частности, уголовно-процессуального доказывания.

Обсуждение и заключения: проанализированные взаимосвязи между существующими положениями теории доказательственного права и возможного использования технологий компромисса в процессе доказывания по уголовным делам позволили автору сформулировать следующий вывод: компромисс в современном уголовном процессе есть полноценная доказательственная технология, позволяющая рационально его использовать и применять в правотворческой и правоприменительной практике в целях повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности и реализации назначения современного Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная форма; компромисс; доказательственная технология; доказательства и доказывание

Для цитирования: Маркелов А.Г. Идея использования процессуального компромисса как доказательственной технологии достижения цели современного уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 368 – 374. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.017

Introduction: the article provides arguments on usage a procedural compromise as an evidence-based technology for achieving a modern purpose implementation of the purpose of criminal proceedings.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study was the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, certain provisions of the criminal procedure legislation of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1960, other legislative and by-laws, theory and investigative practice, opinions of academicians and other specialists regarding the usage of certain technologies compromise in the process of evidence in criminal matters. Logical, systemic, comparative legal, statistical, sociological (questioning, interviewing, interviewing), and other methods of research were used in the study.

Results: the author presents his interpretation of the indicated idea as a rational and evidence-based technology aimed at improving criminal procedural activities and the fight against crime. The author

suggest partially change the law of evidence applying a compromise method (technology) of evidence in the case, while respecting the rights and freedom of expression of the participants in the process.

Discussion and Conclusions: the author concludes due to the analyzed interconnections between the law of evidence and possible usage of compromise in evidence in criminal cases that compromise in the criminal process is full evidentiary technology that allows use it rationally in law-making and law-enforcement practice to make criminal procedural activities efficient and application of the Code of Criminal Procedure of Russia.

Keywords: criminal proceedings; criminal procedure form; compromise; evidentiary technology; evidence and proof

For citation: Markelov A.G. Procedural Compromise as a Evidence Technology to Achieve the Goal of the Modern Criminal Proceedings // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 368 – 374. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.017

Введение

На современном этапе становления и развития российского законодательства резко обострился интерес к проблемам использования альтернативных, в том числе компромиссных, способов (технологий) борьбы с современной преступностью. Нечто подобное мы можем обнаружить и в поле действующего уголовно-процессуального законодательства. В частности, законодатель позволяет в отдельных случаях (как правило, по преступлениям небольшой и средней тяжести) использовать технологии компромисса при принятии решений о прекращении уголовных преследований, в том числе при освобождении от уголовной ответственности [1, 2, 3].

Согласно результатам исследования, современные технологии компромисса рассматриваются как специфическое средство, обеспечивающее повышение эффективности правового регулирования современного уголовного судопроизводства [4, с. 189 – 192]. При этом необходимо отметить, что сфера современного уголовно-процессуального права – одна из самых непростых и проблемных областей для возможного применения технологий компромисса. Помимо того что нормы уголовно-процессуального права находятся в постоянном изменении и дополнении, ее непосредственная нормативная система, предполагающая стандартные формы доказывания, в рамках установки на использование технологий компромисса не всегда применима. Прямым следствием и подтверждением данного обстоятельства является то, что право инициировать применение технологий компромисса в процессе доказывания в уголовном процессе не всегда удается реализовать в полном объеме, по причине слабой выраженности и обусловленности в законе. В связи с этим считаем, что предлагаемая новая компромиссная технология доказывания и достижения целей уголовного процесса должна быть обусловлена не только приемлемостью и согласием заинтересованных сторон

на его применение, но и быть формально закрепленной и четко обозначенной. При этом право на применение технологий компромисса в доказывании должно быть делегировано конкретным субъектам доказывания (прокурор, следователь, дознаватель и др.).

Компромисс как своеобразная технология разрешения конфликтных ситуаций в уголовном судопроизводстве все чаще становится предметом исследований ученых и практиков. В частности, изучению непосредственных проблем использования различных приемов компромисса в борьбе с преступностью посвятили свои труды Х.Д. Аликперов, С.В. Анощенкова, Ю.В. Кувалдина, Е.В. Попаденко, А.А. Семин, К.Б. Сыздык, А.И. Терских, Г.О. Усатия, Н.С. Шитихина и др.

Полагаем, что изучение истоков компромиссных начал, в том числе использование отдельных его (аспектов) технологий в современном уголовно-процессуальном праве, сегодня представляется одним из наиболее перспективных направлений развития юридической науки и повышения эффективности деятельности правоохранительных и судебных органов.

Сущность предлагаемой идеи, и в то же время проблемы применения выражается в банальном вопросе: «Быть или не быть процессуальному компромиссу как таковому в уголовном судопроизводстве, в частности, являться ли ему отдельной доказательственной технологией достижения целей современного уголовного процесса?».

Имеющаяся юридическая литература по заявленной проблематике свидетельствует о том, что исследуемый нами вопрос относится к числу дискуссионных [5, с. 117 – 130]. В то же время доказанная концепция использования компромисса в уголовно-правовой науке уже была предметом отдельного исследования Х.Д. Аликперова, который одним из первых допустил возможность его использования по отдельным категориям уголовных дел в борьбе с преступностью [6]. Отметим, что технологии компромисса успешно использу-

ются и доказывают свою жизнеспособность и необходимость, активно проникают в современное уголовное судопроизводство Российской Федерации [7].

Современная теория уголовно-процессуального доказывания умалчивает возможность использования любых договорных технологий по установлению обстоятельств дела и реализации назначения уголовного судопроизводства. Более того, она создает определенную государственную монополию на установление истины и иных необходимых обстоятельств дела, предусмотренных статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹.

В то же время появление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве таких правовых институтов, как «Особый порядок при осуществлении дознания в сокращенной форме» (глава 32.1 УПК РФ); «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (глава 40 УПК РФ); «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (глава 40.1 УПК РФ); «Особый порядок по производству о назначении судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности» (глава 51.1 УПК РФ), и многих других подобных, явно свидетельствует об особых договорных (компромиссных) отношениях между государством и лицом, совершившим преступление [8, с. 90 – 95; 9, с. 83 – 88; 10, с. 404 – 411]. Данный вывод подтверждается и тем, что особые компромиссные технологии в современном уголовном процессе применяются достаточно часто. Изучение соответствующих обзоров о работе судов Чувашской Республики выявило тенденцию к увеличению числа лиц, желающих рассмотреть и разрешить свое уголовное дело в особом компромиссном порядке. Так, по итогам 2018 года особый порядок судебного разбирательства районными судами применялся по 1745 уголовным делам, что составило 60,0 % от общего числа рассмотренных дел с вынесением приговора и постановления о прекращении дела (в 2017 году – по 1751 делу, или 60,6 %). За первое полугодие 2019 года особый порядок судебного разбирательства районными судами применялся по 1183 уголовным делам, что составило 66,6 % от общего числа рассмотренных дел с вынесением приговора и постановления о прекращении дела (в 1 полугодии 2018 года – по 930 делам, или 38,4 %)².

Задумываясь о причинах столь резкого увеличения рассмотренных уголовных дел указанным способом, мы приходим к выводу, что широкое применение компромиссных технологий объясняется удобством для следственно-судебной практики: существенно упрощается процесс доказывания по делу и быстро достигаются цели современного уголовного процесса.

Материалы и методы

Методологической основой настоящего исследования послужили выработанные в науке философии основополагающие принципы познания реальной действительности (гносеология), которые базируются на общенаучных диалектических методах познания. Формально-логический, системный, сравнительно-правовой, статистический, социологический (анкетирование, интервьюирование, опрос) и другие методы исследования позволили проанализировать и обобщить вопросы, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения по оптимизации современного уголовного судопроизводства.

Результаты исследования

Полагаем, что отдельные постулаты современной доктрины теории доказательственного права в уголовном процессе нуждаются в пересмотре. Остановимся на некоторых из них.

1. Компромиссная технология разрешения уголовного дела посредством создания договорных условий, в том числе признание стороной защиты предъявленного обвинения (иска), очевидно, предполагает доказанными отдельные факты и обстоятельства, позволяющие привлечь лицо к уголовной ответственности. Действительно, когда нет спора по поводу предъявленного обвинения между заинтересованными сторонами, нет и сомнений в доказанности вины лица, совершившего преступление. В данном случае, в результате использования технологий компромисса, реализуется диспозитивное право лица, совершившего преступление, на самоопределение, на добровольное признание того, чего он совершил. Диспозитивность в данном случае является определенным эффективным процессом уголовно-процессуального доказывания, где заинтересованные лица могут свободно распоряжаться своими правами и обязанностями. В данном контексте диспозитивность есть форма распределения прав и обязанностей по непосредственному доказыванию [11, с. 409 – 411] необходимых

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I). Ст. 4921.

²Статистика Управления Судебного департамента в Чувашской Республике. URL:<http://usd.chv.sudrf.ru/modules.php?name=stat> (дата обращения: 15.06.2020).

и устраивающих всех заинтересованных сторон обстоятельств. Свобода распоряжаться заинтересованными сторонами своими процессуальными правами и возможностями путем использования возможностей компромисса, а равно применяя в рамках закона договорной способ достижения совместной цели и установления необходимых обстоятельств по делу, предполагает изменение существующих постулатов теории уголовно-процессуального доказывания, ибо права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью нашего государства.

2. Применение технологий уголовно-процессуального компромисса возможно только при условии доказанности обвинения следственными органами и органами дознания, а равно при наличии только достаточно собранных по уголовному делу доказательств. Иными словами, принятие процессуального решения об использовании технологий компромисса и непосредственного привлечения к уголовной ответственности предполагает обязательное установление (доказывание) необходимых обстоятельств для вынесения итогового решения по уголовному делу. В данном случае мы предлагаем использовать технологии компромисса не на этапе возбуждения уголовного дела, когда нет достаточной информации о событии и составе преступления, а только в стадии предварительного расследования, когда установлены (доказаны) необходимые обстоятельства, подлежащие доказыванию, позволяющие предъявить лицу обвинения в совершении конкретного преступления. Следовательно, при применении технологий компромисса должен быть собран необходимый и достаточный доказательственный материал виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, говорить о применении технологий компромисса в рамках привлечения к уголовной ответственности невозможно, если не собраны достаточные доказательства и в совокупности их оценки не предъявлено соответствующие обвинения. Указанный тезис подтверждается мнением В.С. Гущева и профессора А.С. Александрова, которые полагают, что преступление без уголовного иска (обвинения) не существует. Без обвинения государство в лице правоохранительных органов не вправе разрешить вопрос о наличии факта преступления и соответствующего наказания. Иными словами, формулирование оснований уголовной ответственности и принятие решения о применении технологий компромисса есть обязательная процессуальная форма доказывания оснований уголовного иска (обвинения) и вытекающих из этого

предпосылок вынесения окончательного решения [12, с. 22 – 23, 13, с. 40].

3. Вызывает определенную неясность содержание истины при применении технологии компромисса в доказывании по уголовным делам. Каковы объем и содержание истины в данном контексте? Выход из этого вопроса мы находим в следующем: целью уголовно-процессуального доказывания всегда является познание всех существенных (необходимых) обстоятельств, имеющих значение для принятия правильного решения по уголовному делу. В науке уголовно-процессуального права существует несколько мнений относительно объема и содержания истины:

во-первых, «в содержание истины входит только событие преступления» [14];

во-вторых, «истина предполагает установление фактических обстоятельств уголовного дела (событие) и юридическая оценка (квалификация преступления)» [15, с. 146];

в-третьих, «истина – это установление фактических обстоятельств уголовного дела, юридическая оценка и наказание» [16, с. 224].

Мы считаем, что при применении технологий компромисса в процессе доказывания по уголовному делу сам акт признания обвиняемым своей вины превращается автоматически в соответствующий договор (сделку) между государством в лице правоохранительных органов и лицом, привлекающимся к уголовной ответственности. В данном случае указанный процессуальный акт в виде действия не только имеет доказательственное значение, но и становится определенной парадигмой. Юридическим значением признания вины обвиняемым будет отказ от уголовно-правового спора и согласие с предъявленным обвинением, в том числе согласие на вынесение в отношении него соответствующего процессуального решения. Если в суде подсудимый признает себя виновным и согласится с предъявленным ему обвинением, то необходимость в дальнейшем доказывании всех обстоятельств дела отпадает. Весь собранный по уголовному делу доказательственный материал не подвергается системному анализу, а наоборот, превращается в истинный и подлинный, не вызывающий никаких сомнений у заинтересованных сторон. Так как всех эта истинная позиция устраивает и ни у кого нет проблем в доказывании и очевидного факта установлении виновности лица в совершении преступления.

Из изучения отдельных уголовных дел следует, что компромиссная технология, предусмотренная главой 40 УПК РФ, в следствен-

но-судебной практике действительно стремится перерасти в договор, вследствие чего мы реально наблюдаем очевидный результат достижения цели и установления истины по уголовному делу. Так, при рассмотрении и разрешении уголовных дел в порядке главы 40 УПК РФ прокуроры часто используют отдельные полномочия, предусмотренные ст. 246 УПК РФ, например, право частично отказаться от предъявленного обвинения или пойти на отдельные уступки, в том числе ходатайствовать о смягчении наказания. Согласно данным системного анализа отдельных решений районных судов Чувашской Республики, прокуроры частично отказались от обвинения по 5 уголовным делам из 37 изученных, в том числе изменили объем обвинения в сторону смягчения наказания. По 11 уголовным делам были исключены отдельные квалифицирующие признаки. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему же прокуроры, как государственные обвинители, осуществляли подобные действия в сторону улучшения позиции подсудимого, особенно в суде, где доказательства фактически не исследуются. На наш взгляд, ответ несомненен: подобные обстоятельства возникли вследствие определенных договоренностей благодаря компромиссным доказательственным технологиям.

В обоснование к изложенному при анализе рассмотренного и разрешенного уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ в отношении подсудимого, обвиняемого по ч.1 ст. 228 УК РФ выявилась еще одна очевидная договоренность. Так, прокурор в особом судебном порядке просил наказание в виде одного года лишения свободы, а защитник ходатайствовал о наказании в виде штрафа в размере 20 тысяч рублей. В результате прокурор согласился на штраф в сумме 10 тысяч рублей (штраф позже был уплачен подсудимым)¹. В данном случае мы наблюдаем реальную компромиссную договоренность, в результате чего были достигнуты обоюдные цели, установлены все необходимые обстоятельства и самое главное – установлена истина по уголовному делу.

Итак, использование технологий компромисса позволяет установить истину по уголовному делу и доказать необходимые обстоятельства для принятия окончательного решения по делу.

Стоит акцентировать внимание на том, что действующий УПК РФ прямо не закрепляет обязанности устанавливать истину по уголовному делу. Применяя технологии компромисса в процессе доказывания, в любом случае необходимо

тщательно исследовать отдельные существенные обстоятельства уголовного дела (событие, виновность и др.), собирать необходимые и достаточные доказательства для принятия окончательного решения по делу, о чем прямо говорится в ст. 73 УПК РФ.

Вопрос о цели доказывания также в настоящее время законодателем не решен. Мы считаем, что истина при применении технологий компромисса в любом случае автоматически устанавливается по уголовному делу. В состязательном уголовном процессе приоритет имеет процессуальная форма, а не содержание, и поэтому при применении технологий компромисса нет необходимости дополнительно нацеливать участников процесса на установление истины по делу. Благодаря технологиям компромисса истина будет объективно установлена и устроит каждого заинтересованного участника. Главная задача в состязательном уголовном процессе – обеспечить и соблюсти все права и свободы (капризы) лиц, вовлеченных в сферу современного уголовного судопроизводства. В данном случае мы солидарны с Е.Б. Мизулиной, которая полагает, что задачами современного уголовного судопроизводства являются соблюдение прав и свобод человека и гражданина, и если в ходе уголовного судопроизводства не будут нарушены данные гарантии, то его задачи выполнены в полном объеме [17, с. 146].

Иными словами, отсутствие спора между заинтересованными сторонами относительно отдельных обстоятельств уголовного дела порождает применение технологий компромисса, следовательно, процесс доказывания по уголовному делу становится эффективным, экономным и не затруднительным. В конечном итоге он сокращается или прекращается вообще.

Обсуждение и заключения

Таким образом, на основании применения компромиссного (договорного) способа (технологии) доказывания и установления необходимых обстоятельств по уголовному делу, при соблюдении при этом прав и свободы волеизъявления участников процесса, автор предлагает частично изменить и дополнить существующие установки теории уголовно-процессуального доказывания.

Названные и многие другие существующие положения, обусловленные идеологией современного уголовного процесса, свидетельствуют об актуальности идеи использования технологий компромисса как доказательственной формы достижения цели уголовного процесса.

В завершение еще раз сформулируем основ-

¹ Архив Московского районного суда Чувашской Республики. 2018 г. URL: <http://moskovsky.chv.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.06.2020).

ной посыл: уголовно-процессуальный компромисс – это полноценная доказательственная технология быстрого и полного достижения цели современного уголовного судопроизводства, которой должны руководствоваться законодатели и непосредственные правоприменители в своей

деятельности. Суть данной идея состоит в рациональном использовании возможностей компромисса, направленной на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности и борьбы с преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 182 с.
2. Попова И.А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 204 с.
3. Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 217 с.
4. Поляков М.П. Смолин А.Ю. Технология уголовного процесса: «за» или «против» человека процессуального // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 189 – 192.
5. Кувалдина Ю.В. Уголовно-процессуальный компромисс как способ разрешения уголовно-правового конфликта // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 117 – 130.
6. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку: Элм, 1992. 196 с.
7. Калугин А.Г., Монид М.В. Компромисс в уголовном судопроизводстве: монография. Красноярск: СИБУОИ МВД России, 2008. 119 с.
8. Маркелов А.Г. Идея доказательственного компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 90 – 95.
9. Маркелов А.Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 83 – 88.
10. Маркелов А.Г. Идея доказательственного компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовному делу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 3 (33). С. 404 – 411.
11. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Нижний Новгород, 2009. 122 с.
12. Гуцев В.С., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде: учебное пособие. Нижний Новгород. 1998. 160 с.
13. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 38 – 44.
14. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
15. Полянский Н.Н. Оценка доказательств вышестоящим судом в уголовных делах // Советское государство и право. 1951. № 7. С. 28 – 39.
16. Дорохов В.Я. Понятие доказательства. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. / под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. 736 с.
17. Мизулина Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1. С. 146 – 149.

REFERENCES

1. Kajshev A. V. Uголовно-правовое значение kompromissov i pooshchrenij: dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2005. 182 s.
2. Popova I. A. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie kompromissnyh procedur v uголовnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2011. 204 s.
3. Terskih A. I. Kompromiss v rossijskom uголовnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2013. 217 s.
4. Polyakov M. P. Smolin A. YU. Tekhnologiya uголовnogo processa: «za» ili «protiv» cheloveka processual'nogo // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 4 (40). S. 189 – 192.
5. Kuvaldina YU. V. Uголовno-processual'nyj kompromiss kak sposob razresheniya uголовno-pravovogo konflikta // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2013. № 1 (6). S. 117 – 130.
6. Alikperov H. D. Prestupnost' i kompromiss. Baku: Elm, 1992. 196 s.
7. Kalugin A. G., Monid M. V. Kompromiss v uголовnom sudoproizvodstve: monografiya. Krasnoyarsk: SIBYUI MVD Rossii, 2008. 119 s.
8. Markelov A. G. Ideya dokazatel'stvennogo kompromissa pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2019. № 2. S. 90 – 95.
9. Markelov A. G. O kompromisse pri prekrashchenii uголовnogo dela ili uголовnogo presledovaniya v svyazi s naznacheniem mery uголовno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 83 – 88.
10. Markelov A. G. Ideya dokazatel'stvennogo kompromissa pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym emu obvineniem po uголовnomu delu // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3 (33). S. 404 – 411.
11. Markelov A. G. O kompromisse pri prekrashchenii uголовnogo dela ili uголовnogo presledovaniya v svyazi s

naznacheniem mery ugovolno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 83 – 88.

12. Kuhta A.A. Dokazyvanie istiny v ugovolnom processe: monografiya. Nizhnij Novgorod, 2009. 122 s.

13. Gushchev V.S., Aleksandrov A.S. Narodnoe obvinenie v ugovolnom sude: uchebnoe posobie. Nizhnij Novgorod. 1998. 160 s.

14. Strogovich M.S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom processe. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 384 s.

15. Polyanskij N.N. Ocenka dokazatel'stv vyshestoyashchim sudom v ugovolnyh delah // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1951. № 7. S. 28 – 39.

16. Dorohov V.YA. Ponyatie dokazatel'stva. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe. 2-e izd. / pod red. N.V. ZHogina. M., 1973. 736 s.

17. Mizulina E.B. Sovershenstvovanie ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva. Proekt UPK Rossijskoj Federacii // Informacionnyj byulleten' Sledstvennogo komiteta pri MVD Rossii. 2001. № 1. S. 146 – 149.

Об авторе: Маркелов Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
email: MarkelovAleksandr@yandex.ru

© Маркелов А.Г., 2020

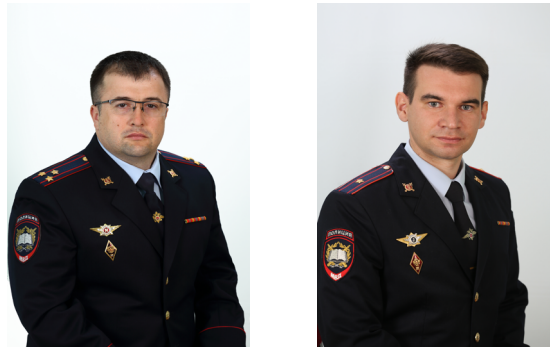
About the author: Markelov Alexander G., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Law Faculty Chuvash State University Named After I.N. Ulyanov
email: MarkelovAleksandr@yandex.ru

Статья получена: 29.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

А.Ю. Терехов, В.С. Латыпов

**К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ РАСХОДОВ ЛИЦ,
ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ,
НЕ ИМЕЮЩИХ ПОСТОЯННОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ**

**REFUNDING THE EXPENSES OF PERSONS WITHOUT SET WAGE ASSISTING AD-
MINISTRATION OF JUSTICE**

Введение: в статье авторами подвергнуто анализу уголовно-процессуальное законодательство России, регламентирующее порядок возмещения расходов, связанных с участием в уголовном процессе лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия¹, не имеющих постоянной заработной платы. В результате проведенного исследования установлено, что такой порядок и размеры выплат определены в соответствующем постановлении Правительства Российской Федерации, в которое не вносились изменения по корректировке размеров выплат с 2015 года.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, логический, сравнительно-правовой, статистический методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: авторы предлагают внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), которые направлены на реализацию прав лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, связанных с получением возмещения расходов в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

Обсуждение и заключения: представлен авторский подход, направленный на совершенствование законодательного механизма возмещения расходов лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия. Сделаны выводы о необходимости нормативной коррекции: во-первых, наименования главы 8 УПК РФ; во-вторых, отдельных положений ч. 2 ст. 133 УПК РФ и, в-третьих, пересмотра размера вознаграждения, подлежащего выплате лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия, не имеющим постоянной заработной платы.

Ключевые слова: содействие правосудию; процессуальные издержки; уголовное судопроизводство; возмещение расходов; оплата; возмещение

Для цитирования: Терехов А.Ю., Латыпов В.С. К вопросу о возмещении расходов лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, не имеющих постоянной заработной платы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 375 – 380. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.018

Introduction: in the article, the authors analyze the criminal procedural legislation of Russia, which regulates the procedure for reimbursement of expenses associated with the participation in criminal proceedings of persons assisting in the administration of justice who do not have a constant salary. As a result of the study, it was found that such a procedure and the amount of payments are determined in the corresponding decree of the Government of the Russian Federation that has not been amended to adjust the amount of payments since 2015.

¹Термин «правосудие» рассмотрен в широком аспекте, позволившем охватить не только судебные стадии уголовного процесса, но и первоначальные стадии расследования уголовного дела, в том числе с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was made up of the dialectical method of academic knowledge, logical, comparative legal, statistical methods, as well as observation and other methods of research legal phenomena.

Results: the authors proposed to make appropriate changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that are aimed at realizing the rights of persons assisting in the administration of justice related to obtaining reimbursement of expenses in connection with participation in criminal proceedings.

Discussion and Conclusions: the authors presented their approach, aimed at improving the legislative mechanism for reimbursing costs to persons assisting in the administration of justice. Conclusions are drawn about the need for regulatory correction: first, the title of Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; secondly, certain provisions of Part 2 of Art. 133 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; and thirdly, the revision of the amount of remuneration payable to persons assisting in the administration of justice who do not have a fixed salary.

Keywords: assistance to justice; procedural costs; criminal proceedings; reimbursement of expenses; payment, reimbursement

For citation: Terekhov A.YU., Latypov V.S. Refunding the Expenses of Persons Without Set Wage Assisting Administration of Justice // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 375 – 380. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.018

Введение

Процедуру отправления правосудия в уголовном процессе принято ассоциировать исключительно с судом, что не удивительно, поскольку именно суд принимает итоговое процессуальное решение о виновности лица в противоправном деянии. Кроме того, действующий УПК РФ в соответствующих нормах прямо закрепляет, что: 1) процессуальной формой отправления правосудия на досудебных и судебных стадиях является судебное заседание (п. 50 ст. 5 УПК РФ); 2) должностным лицом, уполномоченным осуществлять правосудие, является судья (п. 54 ст. 5 УПК РФ); 3) правосудие по уголовному делу осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 8 УПК РФ). Вместе с тем, если обратиться к Конституции Российской Федерации, то можно обнаружить, что в отправлении правосудия, помимо судей, имеют право принимать участие и граждане Российской Федерации (ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации). Возникшее, на первый взгляд, противоречие достаточно легко разрешается, если учесть, что процедура осуществления правосудия в уголовном судопроизводстве достаточно длительная и представляет собой уголовно-процессуальную деятельность должностных лиц и государственных органов, состоящую из досудебных и судебных стадий. Если уголовно-процессуальная деятельность на судебных стадиях реализуется исключительно судом, то на досудебных стадиях она осуществляется органом дознания и следствия, суд же привлекается для принятия промежуточных решений (получения разрешения на производство отдельных следственных действий или применения мер принуждения).

Таким образом, осуществление правосудия по уголовным делам представляет собой регулируемое законодательством Российской Федерации сложную, многоступенчатую процедуру, в которую, помимо суда, вовлекаются также должностные лица, государственные органы и граждане, как заинтересованные в исходе уголовного дела, так и те, которые оказывают исключительно содействие правосудию. Представляется, что данный подход в широком смысле наиболее полно отражает отправление правосудия по уголовным делам, в узком же смысле итоговое процессуальное решение принимает исключительно суд, и именно он осуществляет правосудие, что и соответствует ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации.

Профессиональная деятельность правоохранительных органов и судов оплачивается в соответствии с законодательством Российской Федерации за счет средств федерального бюджета. Заинтересованные в исходе дела лица, как со стороны обвинения (потерпевший, гражданский истец, их законные представители), так и со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик, их представители) отстаивают свои интересы, рассчитывая на справедливое правосудие.

Возникает вопрос, оплачивается ли деятельность лиц, не имеющих личной заинтересованности в уголовном деле, не имеющих постоянной заработной платы, но вовлекаемых в уголовный процесс исключительно для оказания содействия сторонам и суду?

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики

Азербайджан и иных нормативных актов. В ходе подготовки изучены работы по исследуемой проблематике таких ученых, как С.В. Бажанова [1], Е.В. Лобанова [2], В.Н. Григорьева, А.В. Победкина и В.Н. Яшина [3], а также учитывались ранее апробированные исследования авторов [4].

Материалы и методы

Применяемые в процессе настоящего исследования частнонаучные методы, такие как системно-структурный, формально-логический, логико-семантический, метод сравнительного правоведения, позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

Итак, определимся с категорией лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия. В большинстве случаев их перечень закреплен в гл. 8 УПК РФ, такие лица именуется законодателем как «иные участники уголовного судопроизводства» [1]. Полагаем, что название указанной главы подлежит корректировке по аналогии с названиями предыдущих глав УПК РФ. Поясним свою позицию. Раздел II УПК РФ – «Участники уголовного судопроизводства» – структурирован таким образом, что каждая его глава посвящена участнику или группе участников, реализующих в уголовном процессе самостоятельную процессуальную функцию: глава 5 – «Суд», глава 6 – «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», глава 7 – «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты», и лишь в наименовании главы 8 логика нарушается – «Иные участники уголовного судопроизводства». Считаем целесообразным с учетом наличия рабочей теории о существовании самостоятельной уголовно-процессуальной функции содействия правосудию переименовать главу 8 УПК РФ – «Лица, оказывающие содействие правосудию». Но перечень лиц, оказывающих в современном уголовном процессе России содействие сторонам и суду, не ограничивается лишь теми участниками, чей процессуальный статус закреплен в данной главе, поскольку зачастую вовлекаются и те, кто не имеет самостоятельного процессуального статуса: педагог, психолог, статист (процессуальный ассистент) и другие. Указанное обстоятельство позволяет утверждать, что перечень лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, не является исчерпывающим и зависит от обстоятельств кон-

кретного уголовного дела и проводимых процессуальных и следственных действий.

Определившись с исследуемой категорией участников уголовного судопроизводства, проанализируем, имеют ли они право рассчитывать на возмещение расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс.

В период 2020 г. нами был проведен опрос жителей и гостей города Уфы и сотрудников следственных органов и органа дознания¹. Среди респондентов гражданского населения большая часть – 78,04 % (96 чел.) – заявили, что никогда не слышали о том, что за участие в уголовном процессе в качестве свидетеля или понятого государством могут быть выплачены какие-либо суммы. Меньшая часть 12,2 % (15 чел.) отметили, что о возмещении знают, но уверены, что это сложная и длительная процедура, а мизерность выплачиваемых сумм не представляет интерес в их получении. Оставшиеся 9,76 % (12 чел.) опрошенных затруднились с ответом. Сотрудники же правоохранительных органов ответили, что им известно о возможности возмещения участия лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия (75 % (57 чел.)), но указать нормативные акты, в которых данная процедура и положенные суммы закреплены, смогли только 47,36 % (36 чел.).

Проведенный опрос может свидетельствовать об отсутствии отлаженных процессуальных процедур по возмещению каких-либо денежных сумм лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия, связанных с их вовлечением в уголовный процесс. Более того, население не имеет четкого представления о возможности получения денежного вознаграждения за свое привлечение, к примеру, в качестве понятого или свидетеля, по аналогии с процедурой оплаты лица, привлекаемого в качестве защитника.

Проанализировав процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, чей процессуальный статус отражен в главе 8 УПК РФ, отметим, что ни у одного из них не закреплено право на возмещение затрат, связанных с участием в уголовном судопроизводстве. В качестве примера по данному вопросу можно привести Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК). К примеру, в п. 6 ч. 3 ст. 78 УПК РК, раскрывающем процессуальный статус свидетеля, закреплено, что «свидетелю обеспечивается возмещение расходов, понесенных им при производстве по уголовному делу». Подобные права также закреплены и у осталь-

¹В опросе приняли участие 123 жителя и гостя города Уфы, 29 сотрудников следственных подразделений и 47 сотрудника органа дознания.

ных лиц, оказывающих содействие уголовному правосудию Республики Казахстан. Закрепление аналогичных прав лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, мы можем наблюдать и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Азербайджан. Полагаем необходимым внесение соответствующих процессуальных изменений и в российское уголовно-процессуальное законодательство – с целью реализации прав и законных интересов лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

Итак, действующее уголовно-процессуальное законодательство России определяет, что все расходы, связанные с осуществлением уголовного судопроизводства, именуется процессуальными издержками (ст. 131 УПК РФ).

Несмотря на имеющееся в законе определение, в теории уголовного процесса нет единого подхода к пониманию того, что следует относить к процессуальным издержкам. Одни считают, что к ним следует относить лишь расходы органов, осуществляющих уголовное преследование, прокуратуры и суда, направленные на осуществление уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 485 – 486], другие относят закрепленный законом перечень расходов, понесенных упомянутыми органами при производстве по уголовному делу [2, с. 417], не учитывая при этом, что определенные процессуальные издержки допустимы также и на этапе проверки сообщения о преступлении, когда еще не принято решения о возбуждении уголовного дела. Нам же импонирует взвешенная позиция авторов, которые предлагают при определении процессуальных издержек придерживаться «широкого» и «узкого» подходов, когда в первом случае к издержкам можно отнести практически любые понесенные в процессе расследования расходы, а во втором те, которые были определены судом [3, с. 254 – 256].

Вместе с тем заметим, что ч. 2 ст. 133 УПК РФ детализировала, что конкретно следует относить к издержкам. Рассмотрим лишь те, что относятся к деятельности лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия. Это подп. 1, 2, 3, 4, 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ¹.

Даже беглое ознакомление с перечисленными расходами, подлежащими возмещению, позволяет признать, что не все лица, оказывающие содействие, могут на них рассчитывать. К примеру, отсутствует упоминание о возможности возмещения расходов, связанных с участием в уголовном судопроизводстве педагога. Более того, требуется дополнительное пояснение тому, что следует относить к «иным расходам», закрепленным в п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Вместе с тем следует отметить, что порядок и размеры возмещения процессуальных издержек устанавливаются Правительством Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240² [2] (далее по тексту – постановление Правительства РФ № 1240), а 19 декабря 2013 г. было издано постановление Пленума Верховного Суда РФ № 42 «О применении судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам»³ [3], которое объединило в себе судебную практику по возмещению участникам уголовного судопроизводства процессуальных издержек.

Именно в постановлении Правительства РФ № 1240 раскрывается, что к иным расходам, помимо прочего, следует относить расходы, связанные с участием педагога, психолога и иных лиц в производстве следственных действий (пункт 2). Указанное обстоятельство позволяет констатировать, что в действующем УПК РФ излишняя детализация в перечислении лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, имеющих право на возмещение процессуальных издержек, влечет за собой «утрату» отдельных участников. Полагаем целесообразным, после перечисления

1 «1) суммы, выплачиваемые потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, эксперту, специалисту, переводчику, понятым, а также адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные); 2) суммы, выплачиваемые работающим и имеющим постоянную заработную плату потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, понятым в возмещение недополученной ими заработной платы за время, затраченное ими в связи с вызовом в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд; 3) суммы, выплачиваемые не имеющим постоянной заработной платы потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, понятым за отвлечение их от обычных занятий; 4) вознаграждение, выплачиваемое эксперту, переводчику, специалисту за исполнение ими своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись ими в порядке служебного задания; 9) иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу».

² О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 (ред. от 28.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

³ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 (ред. от 15.05.2018) // Российская газета. 2013. № 294.

участников процесса в подп. 1, 2, 3, 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ включить фразу «иным лицам, оказывающим содействие правосудию».

Анализ указанного постановления позволяет определить, что лица, оказывающие содействие отправлению правосудия, имеют право на возмещение следующих расходов: связанных с оплатой проезда (практически на все виды транспорта общего пользования), найма жилого помещения, проживанием вне места постоянного жительства (суточные). С целью последующего получения оплаты участники процесса должны предоставить соответствующие подтверждающие расходы на проезд документы (чеки, квитанции, электронные билеты и т.д.).

Указанное постановление регламентирует также порядок и сумму возмещения лицам, оказывающим содействие правосудию, за наем жилого помещения. К обязательным условиям относится возмещение стоимости проживания лишь в одноместном номере либо в однокомнатном жилом помещении, которое сдается за плату, не превышающую 550 рублей в сутки. Не подлежат оплате номера повышенной комфортности, а также включенные дополнительные услуги. Оплата за наем жилого помещения также не осуществляется, в случае если участник уголовного судопроизводства имел возможность ежедневно возвращаться к месту своего постоянного жительства. Определение данной возможности возложено на лиц, осуществляющих производство по делу и приглашающих данных участников процесса.

В случае осуществления предварительного бронирования мест в гостиничных номерах предусмотрено возмещение платы за бронирование в размере 50 процентов.

Кроме того, на возмещение в размере 100 рублей за каждый день имеют право рассчитывать участники уголовного судопроизводства в случае возникновения дополнительных расходов, связанных с проживанием вне постоянного места жительства, в связи с явкой к месту производства процессуальных и следственных действий.

Обсуждение и заключения

Вместе с тем в п. 19 постановления Правительства РФ № 1240 закреплены суммы, подлежащие возмещению не имеющим постоянной заработной платы потерпевшему, свидетелю, их законным представителям и понятым за отвлечение их от обычных занятий. В 2014 г. эта сумма составляла 4842 руб., в 2015 г. – 5108 руб. путем деления на количество рабочих дней в месяце, в котором

осуществлялось содействие правосудию. К сожалению, внесенные в июле 2020 г. изменения в указанный нормативный акт не отразились на выплачиваемых суммах. Более того, в данный пункт с момента его утверждения изменения вносились лишь в 2014 г. с уже указанными нами ранее суммами вместо установленных в 2012 г. 4611 руб. Полагаем, следует пересмотреть указанную сумму с учетом инфляции, поскольку средняя выплата за день участия в производстве процессуальных действий лицу, оказывающему содействие правосудию (не имеющему постоянной заработной платы), составит в среднем не более 170 руб., что не является экономически обоснованным в условиях постоянной инфляции: 2014 г. – 11,36 %; 2015 г. – 12,91 %; 2016 г. – 5,38 %; 2017 – 2,52 %; 2018 г. – 4,27 %; 2019 г. – 3,05 %; 2020 г. – 2,95 % [4]. Даже если предположить, что указанная сумма в 2014 и 2015 годах условно соответствовала минимальному размеру оплаты труда (далее – МРОТ), который на данный период составлял 5 554 – 5 965 рублей, в 2020 году МРОТ составляет 12 130 рублей, что практически в 2,5 раза выше суммы, положенной к возмещению. Указанное обстоятельство и проведенные подсчеты недвусмысленно указывают на необходимость пересмотра сумм, подлежащих возмещению не имеющим постоянной заработной платы лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия, за отвлечение их от обычных занятий. Кроме того, в перечне лиц, указанном в анализируемом пункте, отсутствует такая категория участников, как статисты (процессуальные ассистенты), привлекаемые должностными лицами для оказания содействия в производстве такого следственного действия, как опознание лица (п. 4 ст. 193 УПК РФ). К сожалению, указанные проблемы не нашли надлежащего освещения в научной литературе.

В заключение отметим, что осуществленный в 90-х годах прошлого столетия переход к системе рыночных отношений неумолимо настигнет и уголовно-процессуальных правоотношений. Неизбежен момент, когда вовлекаемые в уголовный процесс участники уголовного судопроизводства не будут реализовывать функцию содействия до тех пор, пока не убедятся в возможности получения надлежащего возмещения за затраченное время. Это приведет либо к пересмотру и изменению процедуры и необходимости вовлечения лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, либо к четкой регламентации полагающегося права на возмещение понесенных расходов, в том числе и временных.

¹Таблицы Месячной и Годовой Инфляции в России // Бюро Статистики 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-tables> (дата обращения: 14.09.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2002. 585 с.
2. Лобанов Е.В. Понятие процессуальных издержек в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 415 – 418.
3. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 827 с.
4. Латыпов В.С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 304 с.

REFERENCES

1. Bazhanov S.V. Stoimost' ugolovnoogo processa: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. N. Novgorod, 2002. 585 s.
2. Lobanov E.V. Ponyatie processual'nyh izderzhkek v ugolovnom processe Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2009. № 3. S. 415–418.
3. Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., YAshin V.N. Ugolovnyj process: uchebnik . M.: Eksmo, 2005 (GUP IPK Ul'yan. Dom pechati). 827 s.
4. Latypov V.S. Okazanie sodejstviya inymi uchastnikami ugolovnoogo sudoproizvodstva, predusmotrennymi glavoj 8 UPK RF: monografiya. M.: YUrlitinform, 2018. 304 s.

Об авторах: Терехов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе)
email: terekhov.au@gmail.com

Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
email: vadi-latypov@yandex.ru

About the authors: Terekhov Alexey YU., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor Deputy Head of the Ufa Law Institute of MIA of Russia (for academic work),
email: terekhov.au@gmail.com

Latypov Vadim S., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Procedure Department of the Ufa law Institute of MIA of Russia
email: vadi-latypov@yandex.ru

© Терехов А.Ю., 2020

© Латыпов В.С., 2020

Статья получена: 29.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

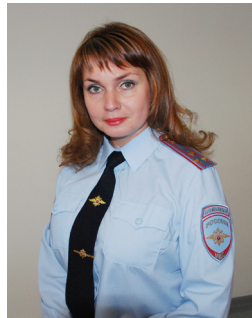
Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Заявленный вклад авторов

Терехов Алексей Юрьевич – поиск и исследование доктринального материала, доработка текста, анализ уголовно-процессуального законодательства, формирование выводов, оформление статьи по установленным требованиям.
Латыпов Вадим Сагитьянович – разработка и обоснование концепции исследования, определение цели и задачи, сбор и анализ эмпирического материала, подготовка первоначального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

В.Н. Чаплыгина, И.И. Гулакова

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ
СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF PREPARATION OF PROCEDURAL
DOCUMENTS BY THE INVESTIGATOR AT THE STAGE OF PRELIMINARY
INVESTIGATION**

Введение: в статье анализируются проблемы применения лингвистических и коммуникативных навыков следователя при составлении процессуальных документов, имеющих доказательственное значение.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (индукции и дедукции, анализа и синтеза, классификации и группировки), а также специальные методы познания (логический, статистический, формально-юридический). В исследовании использованы материалы уголовных дел по Орловской области за 2017 – 2019 гг.

Результаты исследования: исходя из материалов обобщения следственной практики, установлены ошибочные варианты расстановки грамматических и орфографических приоритетов при оформлении следователем процессуальных документов на стадии предварительного расследования, которые требуют дополнительного правового регулирования.

Обсуждение и заключения: авторы приходят к выводу, что работа по совершенствованию следственной практики, направленная на устранение имеющихся пробелов и недостатков при оформлении следователем процессуальных документов на стадии предварительного расследования, должна занимать особое место в следственной деятельности, что указывает на необходимость совершенствования лингвистической подготовки следователей на уровне образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: следственная деятельность; следователь; речевая культура; процессуальный документ; юридическая грамотность; жаргонизмы; фразеологизмы; профессионализмы

Для цитирования: Чаплыгина В.Н., Гулакова И.И. Лингвокультурологический аспект подготовки следователем процессуальных документов на стадии предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 381 - 386. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.019

Introduction: the article analyzes applying linguistic and communicative skills of an investigator in the preparation of procedural documents of evidentiary value.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was general academic methods of cognition (induction and deduction, analysis and synthesis, classification and grouping), as well as special methods of cognition (logical, statistical, legal). Criminal cases in Orel region (2017 – 2019) were the study material.

Results: based on the generalization of the investigative practice, erroneous options for arranging grammatical and spelling priorities were established when investigator draws up procedural documents at the preliminary investigation stage, which require additional legal regulation.

Discussion and Conclusions: the authors conclude that improving the investigative practice aimed at eliminating the gaps and shortcomings in the preparation of procedural documents by the investigator at preliminary investigation should take a special place in the investigative activity, which indicates the need to improve the linguistic training of investigators on the level of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: investigative activity; investigator; speech culture; procedural document; legal literacy; jargon words; idioms; professional words

For citation: Chaplygina V.N., Gulakova I.I. Linguoculturological Aspect in Preparation of Procedural Documents at Preliminary Investigation by Investigator // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 381 - 386. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.019

Введение

Деятельность следователя происходит по типу «человек-человек», в связи с чем общая задача следственных органов заключается, в первую очередь, во всестороннем, полном расследовании уголовного дела при использовании коммуникативных навыков следователя. В своей деятельности следователь оперирует большим набором следственных и иных процессуальных действий, результатом которых является составление процессуальных документов, имеющих доказательственное значение.

Принятие любого процессуального решения следователем связано с составлением процессуальных документов, при этом формулируя и контролируя соблюдение норм права, юрист не может игнорировать нормы родного языка. В связи с этим в обязательном порядке следователь должен соблюдать речевые (орфографические, пунктуационные, выразительные и другие) правила устной и письменной речи, так как процессуальные документы, составляемые следователем, разнообразны по своей природе и структуре и применимы к различным следственным ситуациям.

Обзор литературы

В рамках юридических и филологических наук проводятся исследования, посвященные изучению проблем «делового стиля» при составлении процессуальных документов. Данные проблемы в своих работах рассматривали А.С. Кобликов, Н.В. Григорьева, А.В. Никонов, Е.В. Горкина и другие.

Проблемы, затронутые в данной статье, исследуются авторами на протяжении нескольких последних лет. Отчасти рассмотренные ниже вопросы в разных вариативных проявлениях были предметом дискуссии в ряде научных изданий [5, с. 61; 6, с. 141; 7, с. 67].

Материалы и методы

Общая теоретическая основа, разработанная вышеуказанными авторами, с учетом личного опыта одного из авторов статьи, позволяет провести анализ практического опыта составления следователем процессуальных документов на стадиях досудебного производства. Применялись общенаучные методы познания (индукции и дедукции, анализа и синтеза, классификации и группировки), а также такие специальные методы познания (логический, статистический, формально-юридический).

Результаты исследования

Следственная деятельность, как и любая юридическая деятельность, нуждается в определенной подготовленности к ней через изучение языковых аспектов, так как именно язык следователя отражается в продукте его деятельности – процессуальном документе, являющемся «показателем» культуры его автора.

Согласимся с Э.Д. Шайдуллиной и Д.В. Мардос [1, с. 157] в том, что в уголовном судопроизводстве документы имеют доказательственное значение, в силу чего верность их составления предопределяет эффективность всего предварительного следствия. Также еще А.С. Кобликов утверждал, что «культура любого процессуального документа выражается в его общей и юридической грамотности. Элементарное требование к каждому юристу – безупречное владение языком судопроизводства, умение грамотно излагать факты, аргументы, решения, если последние входят в его компетенцию. Юрист, который в своих письменных документах демонстрирует неумение грамотно формулировать то или иное положение, подрывает свою репутацию. Грамматические ошибки, допущенные следователем или судьей, остаются в уголовном деле, «закрепляются» в официальном документе. Они становятся достоянием участников процесса» [2, с. 123].

Развивая вышесказанное, отметим, что проблема грамотного, стилистически правильного изложения материала следователем в процессуальном документе имеет особую актуальность в связи с тем, что в содержание данных «следственных» документов включается краткое изложение события преступления (фабулы), поводов и оснований для принятия процессуального решения или производства процессуального действия, что должно отвечать требованиям юридически грамотного, логического, односмысленного, последовательного, понятного и ясного, а также орфографически, пунктуально и стилистически выверенного изложения текста.

По существу, процессуальные документы классифицируются по содержанию: процессуальные документы, содержащие ход и результаты процессуальных действий (в основном это протоколы следователя); процессуальные документы, содержащие процессуальные решения (чаще всего это постановления следователя); иные процессуаль-

ные документы (вспомогательные документы следователя – поручения, уведомления, требования, запросы, планы расследования).

При работе с документами следователем выработывается свой официально-деловой стиль, характеризующийся [2, с. 117]:

- во-первых, качественным объемом, что предполагает лаконичность при изложении материала, достаточную для его понимания. Текст документа должен быть кратким настолько, чтобы суть события преступления (фабулы), поводов и оснований для принятия процессуального решения или производства процессуального действия (цель создания данного документа) были сформулированы в доступном понимании тех лиц, которые с ним будут ознакомлены. При этом фильтруется ненужная информация, убираются вводные слова в той мере, в которой это не противоречит событию преступления. Например: «Гражданин П. совершил кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с причинением гражданину М. значительного ущерба с проникновением в жилище при следующих обстоятельствах», что является наиболее верным описанием квалификации. Неверным в данном случае, полагаем, можно считать такое описание: «Гражданин П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, думая о том, как отомстить своему товарищу по бизнесу гражданину М., украл у него из квартиры 15 тысяч рублей, при этом проклиная всех соседей, ибо они застали его на месте происшествия»;

- во-вторых, в содержании текста должна отсутствовать яркая эмоциональность. К примеру, при допросе потерпевшего в ходе его свободного рассказа он излагает следующее: «Этот наглый подлец высказал в отношении меня такое, что в страшном сне никому не снилось, а потом подошла проводница, он еще и на нее матом как наорет, она начала вызывать полицию, а он скрылся». Следователь, безусловно, в протокол допроса не должен заносить дословное изложение слов потерпевшего, зафиксировав следующее: «Неизвестный гражданин высказал в отношении меня и иных лиц, находящихся в одном помещении, ряд нецензурных слов, затем скрылся»;

- в-третьих, лексический состав процессуальных документов предполагает определенные общепринятые сокращения (например, КУСП, УК РФ, УПК РФ), а также наличие в тексте устойчивых вводных слов и словосочетаний (например, «принимая во внимание, что имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренные статьей УК РФ», «руководствуясь статьями УПК РФ»).

Кроме вышеизложенных характеристик стиля процессуальных документов, можно добавить и такие, как возможность использования местоимений от первого лица (протоколы допроса, очной ставки и другие, в которых важное значение имеют показания лиц); описание конкретных фактов (а не предположений); логическая и последовательная структура.

Помимо орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок, в процессуальных документах недопустимо использовать бюрократические обороты речи, канцеляризм, словесные штампы; двусмысленные слова и словосочетания; жаргонизмы и нецензурную лексику; фразеологизмы и устаревшие выражения и другие. Кроме того, в документах следователя часто можно встретить такую стилистическую ошибку, как плеоназм, выражающийся в написании повторяющихся по смыслу (при этом взаимопоглощающих смысл друг друга), но различных по написанию сочетаний слов. Например, «два человека свидетелей», «15 000 рублей денежных средств», «противоправный проступок» и другие. Считаем, что использование плеонастических выражений нежелательно при составлении процессуальных документов.

Безусловной ошибкой следователя в части, касающейся составления документов, является незаметное отклонение его письменной речи от литературной нормы. Это может быть связано с тем, что следователь, находясь на службе в непосредственном контакте с людьми, больше склонен к разговорному стилю общения, при этом забывая грамотно оформлять письменную речь в официально-деловом стиле.

Согласимся с А.В. Никоновым и Е.В. Горкиной в том, что в процессуальных документах, в первую очередь в их описательно-мотивировочной части, нередко встречаются и иные нарушения норм литературного языка, среди которых: неудачные, неграмотные обороты речи, орфографические и пунктуационные ошибки, языковые погрешности в изложении фактического материала, анализе доказательств [3, с. 152]. Например, встречаются нелаконичные описания места происшествия, действий обвиняемых и свидетелей. Особым недостатком, к сожалению, нередко является многословие в вводной и резолютивной частях процессуального документа.

При составлении юридического документа действует принцип, согласно которому «словам должно быть тесно, а мыслям просторно», что, по сути, означает в первую очередь то, что следователю не рекомендуется использовать большое количество синонимов, сложных обращений и

оборотов. Кроме того, полагаем целесообразным сочетать и сопоставлять слова в тексте документа так, чтобы каждое слово имело свое место без искажения основной мысли.

При составлении некоторых документов, основой для которых служат показания конкретного лица, у молодых следователей возникают определенные трудности, связанные с тем, что допрашиваемое лицо дает показания в свободной форме, используя разговорный стиль речи. Следователь же, опираясь на свои познания русского языка, должен представить эту информацию в официально-деловом стиле, при этом не допуская ее искажения. Также в контексте прямой речи следователем в документах используются местоимения первого лица и третьего лица. Причем одни и те же показания могут излагаться с различными местоимениями в различных документах. К примеру, в протоколе очной ставки показания лиц будут записаны в первом лице «я, мне, мое». Однако в обвинительном заключении в доказательственной части следователем эти же показания будут переписаны с местоимениями «он, она, ее, его, нее, него».

Стоит отметить, что стилистика составления процессуальных документов никак не регламентируется законодательно, а изучение основ составления процессуальных документов следователи начинают при изучении русского языка и риторики в высших образовательных организациях.

Обратим особое внимание на такие типичные стилистические ошибки, как неверно составленные бланки процессуальных документов: неграмотное заглавие процессуального документа «Обвинительное заключение по обвинению:...» [4, с. 60]. Трудно спорить, что «правовой» язык по своей природе является специфическим, например, многие термины, употребляемые в процессуальных документах, имеют отличное значение от слов, употребляемых в речи лиц, осуществляющих иную по виду деятельность или в других отраслях права (гражданское, гражданско-процессуальное), например, «презумпция», «последственность», «мотив», «цель», «эмоции», «умысел», «деяние» и другие [5, с. 142].

В лексике следователей и иных лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, существуют свои профессиональные слова и выражения. В русском языке такая лексика имеет особую стилистическую помету «ограниченная сфера употребления», а слова называются профессионализмами. Данная лексика встречается как в

устной, так и в письменной речи. К примеру, зачастую можно слышать «подвергся ответственности», «пьяный мужчина», «начал дело», «закрыл дело». Следователь должен верно употреблять терминологические обороты, такие как «привлекается к ответственности», «в состоянии алкогольного опьянения», «возбудил дело», «окончил производство по делу» [6, с. 67].

Стилистика составления процессуальных документов не регламентируется какими-либо нормативными документами либо правилами.

Анализ следственной практики, проведенный авторами статьи, установил, что в письменных объяснениях, полученных на стадии «доследственной» проверки, наиболее часто допускаются следующие грамматические ошибки: в тексте упоминается слово «статья» в единственном числе, однако в контексте с данным словом окончание в слове «с положениями» грамматически является неверным. Кроме того, в 20 % проанализированных уголовных дел следователь употребляет непроцессуальную терминологию, используя словосочетание «доследственная» проверка, хотя в уголовно-процессуальном законе данное терминологическое словосочетание не закреплено¹ [8].

Отмечено, что в материалах уголовных дел также наиболее часто встречаются такие синтаксико-грамматические обороты, как: «при обстоятельствах, описываемые...», «по содержания смысла...», «проводилось с заведомо обязательного прекращения...», «вынесение постановления...»² [9].

В одном из анализируемых авторами уголовных дел следователем было допущено 11 (!) ошибок на два листа текста, что нельзя признать незначительным³ [10].

Отмечено, что в материалах уголовных дел также наиболее часто встречаются такие синтаксико-грамматические обороты, как: «при обстоятельствах, описываемые...», «по содержания смысла...», «проводилось с заведомо обязательного прекращения...», «вынесение постановления...» [9].

В одном из анализируемых авторами уголовных дел следователем было допущено 11 (!) ошибок на два листа текста, что нельзя признать незначительным [10].

Проблематика составления следователем процессуальных документов заключается в том, что неграмотное употребление лексических, орфографических и пунктуационных правил написания текста может сформировать искаженную мысль

¹Архив Железнодорожного районного суда г. Орел, уголовное дело № 1-235/17.

²Архив Заводского районного суда г. Орел, уголовное дело № 1-129/17.

³Архив Советского районного суда г. Орел, уголовное дело № 3-351/19.

следователя или же способствовать потере доказательственного значения необходимой для расследования уголовного дела информации, что впоследствии негативно скажется на окончательном судебном решении по уголовному делу. Так, прокурор или судья, ознакомившись с материалами уголовного дела, могут сделать по нему ошибочный вывод или составить ложное представление о тех или иных фактах, событиях и лицах (обвиняемом, потерпевшем), чего можно избежать, придерживаясь вышеуказанных правил составления процессуальных документов.

Обсуждение и заключения

Резюмируя сказанное, еще раз подчеркнем, что в ходе производства предварительного следствия эффективность его результатов зависит от компетенции следователя и полноты добытой им информации доказательственного значения, а компетентность следователя определяется многими компонентами, одним из которых является его речевая культура. В статье отмечена необходимость изучения следователем культурного и лингвистического контекста конкретных процессуальных документов, имеющих определяющее значение на уровне практики их исполнения на досудебном производстве. Необходимо помнить о том, что благодаря высокому уровню речевой культуры, письменной и устной речи следователя решаются проблемы с отношением участников уголовного процесса к следователю, с созданием последним грамотных процессуальных документов.

В настоящее время считаем крайне важным осуществление ревизии российского уголовно-процессуального законодательства на предмет использования юридической терминологии, используемой в законодательных актах, которая должна быть подвергнута унификации и стандартизации. Это означает, что в настоящее время есть потребность в исследовании и обобщении также юридических терминов, функционирующих в законодательном тексте, приведении их к возможному единству в употреблении, придании шаблонности в использовании.

В статье теоретически обосновано значение речевой культуры как основного компонента профессиональной деятельности следователя и необходимого условия для составления юридически грамотных процессуальных документов и указано на необходимость разработки приемов юридической техники составления документов предварительного расследования. С практической точки зрения устранение указанных недостатков должно послужить сформированности культуры профессиональной речи следователя и ее динамики в процессе следственной деятельности. В качестве предложений практической направленности хотелось бы предложить ввести в учебный процесс образовательных организаций системы МВД России таких спецкурсов или практикумов, как «Речевая культура следователя», «Процессуальные документы досудебного производства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шайдуллина Э.Д., Мардос Д.В. К вопросу об оценке доказательств / Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 27 апреля 2018 г., 2018. С. 156 – 160.
2. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник. М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М., 2015. 168 с.
3. Никонов А.В., Горкина Е.В. Значение языка и стиля процессуальных документов в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4. С. 150 – 154.
4. Григорьева Н.В. Современный подход к определению процессуального документа в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 102 – 105.
5. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о невозможности переноса некоторых расхожих слов и выражений в приговор из обвинительного заключения // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция. Орел. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 25 мая 2018 г. С. 59 – 62.
6. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 29 мая 2015 г. С. 139 – 143.
7. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. Причины использования юридического жаргона в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия: сборник статей. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 65 – 68.

REFERENCES

1. Shajdullina Je.D., Mardos D.V. K voprosu ob ocenke dokazatel'stv / Tendencii razvitija sovremennogo ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ekaterinburg, 27 aprelja 2018 g., 2018. S. 156 – 160.

2. Koblikov A.S. Juridicheskaja jetika: uchebnik. M.: Norma, NIC INFRA-M, 2015. 168 s.
3. Nikonov A.V., Gorkina E.V. Znachenie jazyka i stilja processual'nyh dokumentov v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 4. S. 150 – 154.
4. Grigor'eva N.V. Sovremennij podhod k opredeleniju processual'nogo dokumenta v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 1. S. 102 – 105.
5. Gulakova I.I., Chaplygina V.N. K voprosu o nevozmozhnosti perenosa nekotoryh rashozhiv slov i vyrazhenij v prigovor iz obvinitel'nogo zakljucheniya // Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'ju : Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Orel. Orlovskij juridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'janova, 25 maja 2018 g. S. 59 – 62.
6. Gulakova I.I., Chaplygina V.N. K voprosu o rechevoj kul'ture sledovatelja pri sostavlenii processual'nyh dokumentov // Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'ju : Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Orel : Orlovskij juridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'janova, 29 maja 2015 g. S. 139 – 143.
7. Gulakova I.I., Chaplygina V.N. Prichiny ispol'zovaniya juridicheskogo zhargona v sovremennom rossijskom ugovno-processual'nom zakonodatel'stve // Obespechenie prav i zakonnyh interesov grazhdan v dejatel'nosti organov doznaniya i predvaritel'nogo sledstvija : sbornik statej. Orel : Orlovskij juridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'janova, 2018. S. 65 – 68.

Об авторах: Чаплыгина Виктория Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

email: victory-75@yandex.ru

Гулакова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

email: gulirina@list.ru

© Чаплыгина В.Н., 2020

© Гулакова И.И. 2020

About the authors: Chaplygina Victoria N., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Bodies of Internal Affairs, Oryol Law Institute of MIA of Russia Named After V.V. Lukyanov

email: victory-75@yandex.ru

Gulakova Irina I., Candidate of Philology (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Turgenev Orel State University

email: gulirina@list.ru

Статья получена: 25.05.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020. Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

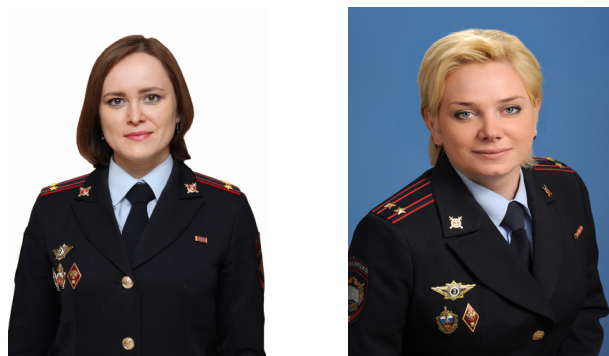
Заявленный вклад авторов:

Чаплыгина В.Н. – постановка цели и определение методов исследования, проведение критического анализа проблематики статьи, подбор научной литературы, анализ следственной практики, формирование выводов и предложений, научное оформление статьи.

Гулакова И.И. – инициирование и постановка проблемы исследования, подбор научной литературы, подготовка первоначального текста статьи, редактирование окончательного варианта статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Э.Д. Шайдуллина, Н.А. Моругина

КЛАССИФИКАЦИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

CLASSIFICATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: THEORIES AND APPLICATIONS

Введение: в статье исследуется классификация вещественных доказательств, анализируется ее актуальность для правоприменительной практики. Так, авторами статьи определено, что, согласно материалам следственной и судебной практики, вещественные доказательства встречаются практически в каждом уголовном деле. Однако неправильное получение и обращение с такого вида доказательствами зачастую может привести к ситуации, когда вещественные доказательства будут признаны недопустимыми по уголовному делу или безвозвратно утраченными. Это обусловило актуальность проведенного исследования, результаты которого приведены в настоящей статье.

Материалы и методы: основой для написания статьи явились действующие нормативные правовые акты, анализ мнений ученых-процессуалистов по рассматриваемой тематике, материалы уголовных дел. В процессе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, среди которых можно выделить диалектический, а также методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования: в результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что значение квалификации доказательств важно не только с точки зрения использования вещественных доказательств в доказывании по уголовному делу, но и с точки зрения проверки и оценки доказательств, а их процессуальная форма обеспечивает необходимый уровень истинности содержащихся в них сведений. Определено, что электронные носители информации также стали разновидностью вещественных доказательств по уголовным делам в правоприменительной практике.

Обсуждение и заключения: в результате исследования авторы предложили рекомендации по применению существующих классификаций вещественных доказательств правоприменителем, а также разработали (с учетом потребностей судебно-следственной практики) предложения по оптимизации видов вещественных доказательств в виде дополнения части первой статьи 81 новым подпунктом 2.2, закрепляющим электронные носители информации в качестве вещественных доказательств.

Ключевые слова: вещественные доказательства; классификация доказательств; доказывание; электронные носители информации

Для цитирования: Шайдуллина Э.Д., Моругина Н.А. Классификация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве России: вопросы теории и практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № . С. 387 – 392. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.020

Introduction: the article examines the classification of physical evidence, analyzes its relevance to law enforcement practice. Thus, the authors of the article determined that, as shown by investigative and judicial practice, material evidence is found in almost every criminal case. However, the improper obtain and handling of this type of evidence can often lead to a situation where the material evidence will be declared inadmissible in a criminal case or irretrievably lost. This led to the relevance of the study, the results of which are given in this article.

Materials and Methods: the basis for the article was the current legal acts, analysis of the opinions of procedural academicians on the subject, criminal cases. In the process of the study, general academic and academic methods of cognition were used, among which dialectical, as well as methods of analysis and synthesis, comparative legal and formal-logical methods can be distinguished.

Results: as a result of the study, the authors concluded that the qualification of evidence is important not only in terms of the usage of physical evidence in criminal evidence, but also in terms of the verification and evaluation of evidence, and its procedural form ensures the necessary level of truth of the information contained in them. It is determined that electronic media have also become a form of evidence in criminal cases in law enforcement practice.

Discussion and Conclusion: as a result of the study, the authors proposed recommendations on the application of the existing classifications of physical evidence by the enforcer, and also developed proposals on optimizing the types of physical evidence, taking into account the need for forensic practice, in the form of a supplement to part one of Article 81 with a new subparagraph 2.2, which establishes electronic media as physical evidence.

Key words: physical evidence; classification of evidence; proof; electronic media

For citation: Shaidullina E.D., Morugina N.A. Classification of Evidence in Criminal Proceedings in Russia: Theories and Applications // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 3. P. 387 – 392. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.020

Введение

Основным средством доказывания по уголовным делам выступают доказательства. Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)¹ закрепляет, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых уполномоченные должностные лица и государственные органы устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Одно из главных мест в системе доказательств занимают вещественные доказательства.

Они являются многогранной юридической категорией и, исходя из этого, могут быть классифицированы по различным основаниям. Типологии вещественных доказательств представлены в науке уголовного процесса с целью определения основных признаков той или иной их разновидности и на основе этого выработки практических рекомендаций по обращению с отдельными их видами. Различные типологии отражают разные свойства вещественных доказательств. Значение же классификации доказательств важно с точки зрения их использования в процессе доказывания по уголовному делу. Данное обстоятельство побудило научный интерес авторов в проведении исследования классификации вещественных доказательств.

Обзор литературы

К вещественным доказательствам применимы также общие основания классификации всех видов

доказательств в целом. Систематизация доказательств всех видов по какому-либо критерию имеет большое значение для деятельности субъектов доказывания в части собирания, проверки, использования и оценки вещественных доказательств.

Так, например, широко известным в теории уголовного процесса является деление доказательств – в зависимости от их отношения к предмету доказывания – на прямые и косвенные.

Прямое вещественное доказательство – это доказательство, содержание которого дает возможность достоверно определить наличие или отсутствие искомого обстоятельства. Косвенные вещественные доказательства, в свою очередь, не непосредственно устанавливают такие обстоятельства, а только указывают на них. К косвенным вещественным доказательствам, например, могут относиться средства и орудия, с помощью которых лицо могло совершить преступление, денежные средства и ценности, которые, возможно, были добыты преступным путем. Значение представленной классификации для практической деятельности заключается в особенностях доказывания при наличии конкретного вида вещественных доказательств. Например, при наличии в материалах уголовного дела вещественных доказательств косвенного характера процесс доказывания приобретает сложный, многоступенчатый характер, огромное значение в котором имеет логический аспект доказывания.

Так, например, найденные в ходе обыска пустые полимерные пакеты по уголовному делу, воз-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 20.04.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2020).

бужденному по признакам преступления, предусмотренного статьей 2281 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, с остатками наркотических веществ или без них должны быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу, так как косвенно будут указывать на виновность лица в незаконном сбыте наркотических средств.

Ряд ученых-процессуалистов считают, что вещественные доказательства не могут быть прямыми, а являются лишь косвенными доказательствами по уголовному делу. Так, Р.Д. Рахунов выражает уверенность, что прямое доказательство – это доказательство, непосредственно удостоверяющее или опровергающее виновность лица, а любое вещественное доказательство не может обеспечить это. Именно поэтому, по мнению автора, вещественные доказательства могут быть только косвенными [1, с. 93; 2, с. 217].

В свою очередь, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов и Л.М. Карнеева признают, что в подавляющем большинстве случаев вещественные доказательства являются косвенными, потому что не указывают прямо на наличие или отсутствие того или иного факта. Однако также отмечают, что вещественные доказательства в ряде случаев могут быть прямыми [2, с. 367]. Например, найденное в ходе обыска наркотическое средство по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного статьей 228 УК РФ, будет признано вещественным доказательством по уголовному делу и будет прямо указывать на виновность лица в незаконном хранении наркотических средств. Таким образом, по нашему мнению, вещественные доказательства по уголовным делам могут быть как прямыми, так и косвенными.

Следующая общеизвестная в науке уголовного процесса классификация предусматривает деление доказательств в зависимости от источника формирования на первичные и производные. В отношении вещественных доказательств к первичным относятся предметы, которые являются первоисточниками. Например, орудие преступления, документ, подтверждающий факт фальсификации обстоятельств и т.д. К производным вещественным доказательствам относятся различные модели первичных доказательств – слепок следа обуви, копия документа. В рамках рассматриваемой классификации С.А. Зайцевой и Н.А. Поповой были выделены следующие виды производных вещественных доказательств:

1) копии вещественных доказательств (оттиски, слепки, фотографии и т.д.);

2) предметы-аналоги (когда предмет-оригинал не обнаружен – орудие убийства, например);

3) образцы для сравнительного исследования (экспериментальный отстрел пуль) [3, с. 87].

Значение приведенной классификации вещественных доказательств для процесса предварительного расследования достаточно полно представила Л.М. Карнеева, утверждавшая, что такая классификация определяет характер связи между устанавливаемым фактом и источником получения информации о нем, что обуславливает необходимость оценивать сначала сам источник, а уже затем – полученную из него информацию [4, с. 112 – 113]. Лицам, осуществляющим предварительное расследование, для использования в процессе доказывания производного вещественного доказательства необходимо удостовериться, что производное доказательство адекватно воспроизводит оригинал, не искажает передачу первичных сведений.

Дознаватель, следователь, собирая вещественные доказательства по уголовному делу, должен оценивать их с точки зрения принадлежности к тому или иному виду и понимать, какие доказательства могут быть использованы в доказывании определенного факта единолично, а какие только через призму других доказательств, на основе сформированных промежуточных выводов.

Приведенные нами выше классификации являются общими для всех видов доказательств в уголовном процессе. Однако учеными-процессуалистами были разработаны и специфичные основания для классификации непосредственно вещественных доказательств.

Самое широкое распространение в науке уголовного процесса получила классическая классификация вещественных доказательств, выработанная в соответствии со статьей 81 УПК РФ, согласно которой О.В. Гладышева и В.А. Семенов [5, с. 136] разделили вещественные доказательства в зависимости от форм связи предмета с событием совершенного преступления и выделили следующие их виды:

1) предметы, которые служили средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;

2) предметы, на которые были направлены преступные действия;

3) имущество, полученное в результате совершения преступления;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2020).

4) предметы и документы, которые могут служить для установления обстоятельств совершенного преступления.

На наш взгляд, целесообразно разделить первый вид вещественных доказательств на два самостоятельных подвида:

1) предметы, которые служили средствами совершения преступления;

2) предметы, которые сохранили на себе следы преступления.

В обоснование этого можно заметить, что предметы-средства совершения преступления и предметы-следы имеют мало общего, различаются по своей природе, назначению для целей уголовного судопроизводства и, исходя из этого, требуют соблюдения различных правил в части обращения с ними. К первой категории относятся всевозможные орудия совершения преступления, средства облегчения совершения преступления и сокрытия следов. Вторая категория включает в себя предметы, которые испытали на себе воздействие события преступления – одежда со следами крови, взрезной замок со следами взлома и т.д.

Анализ классической классификации вещественных доказательств приводит к возникновению вопроса о разграничении вещественных доказательств, где таковыми являются различные документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, и иные документы, являющиеся самостоятельным видом доказательств в соответствии со статьей 74 УПК РФ. Ряд авторов предлагают проводить разграничение по следующим признакам: особенности формирования (вещественные доказательства добываются определенными способами, указанными в УПК РФ, осматриваются и приобщаются к уголовному делу, для иных документов такая процедура не предусмотрена); соотношение формы и содержания (вещественные доказательства представляют интерес для процесса доказывания, в первую очередь, своей формой, а уже потом своим содержанием. Иные документы важны исключительно своим содержанием, которое имеет значение для установления обстоятельств совершенного преступления) [6, с. 75]. Полагаем, что более корректной является следующая точка зрения: разграничение документа по двум основным представленным признакам позволит правильно отнести имеющийся в материалах уголовного дела документ к определенному виду доказательств.

Следующая предложенная классификация вещественных доказательств принадлежит Ю.В. Худяковой, которая, основываясь на классической классификации вещественных доказательств, до-

полняет ее за счет содержания статьи 82 УПК РФ и предлагает следующие основания для классификации: по пригодности для решения того или иного уровня экспертных задач (идентификационные и неидентификационные); по характеру связей между вещественным доказательством и событием преступления (имеющие генетические, функциональные, объемные, субстанционные связи и связи преобразования); по способности вещественного доказательства устанавливать обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию (в соответствии с видом обстоятельства, перечисленного в статье 73 УПК РФ, которое устанавливает вещественное доказательство) [7].

В некоторых работах высказываются мнения ученых о необходимости разграничения вещественных доказательств – в зависимости от их размера – на макрообъекты и микрообъекты и в соответствии с этим о внесении в УПК РФ изменений в части, касающейся дополнения перечня вещественных доказательств указанием на микроследы, микрочастицы и микрообъекты [8, с. 80]. Но с указанным мнением, как уже было отмечено нами выше, согласны не все ученые-процессуалисты.

Материалы и методы

В настоящей статье используются действующее законодательство, исследование уголовных дел, а также теоретические аспекты рассмотрения данной проблематики. В статье в качестве основного использован диалектический метод познания объективной действительности. В качестве частных научных методов авторами использованы такие методы, как анализ и синтез, а также сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования

Продолжая свое исследование, мы пришли к выводу, что существующие традиционные виды и критерии классификации вещественных доказательств не всегда отвечают требованиям современности. Так, например, в настоящее время нет единого мнения ученых относительно хранимой в электронном виде информации, в качестве которой могут выступать электронные документы, письма или иные файлы, а также электронные свидетельства, включающие записи, хранящиеся интернет-провайдерами. По мнению С.В. Зуева, электронная информация в уголовном процессе может быть признана в качестве одной из разновидностей вещественного доказательства [9, с. 253 – 254]. Аналогичного мнения придерживается и П.С. Пастухов [10]. Однако Н.А. Зигура и А.В. Кудрявцева, в свою очередь, убеждены, что электронная информация является самостоятельным видом доказательства [11, с. 30].

На наш взгляд, в данном случае можно согласиться с мнением ученых в области уголовного процесса, которые считают, что в процессе доказывания по уголовному делу могут быть использованы различные по форме и по существу объекты материального мира, признаваемые в качестве вещественных доказательств. Недопустимо сужать круг источников доказательств путем создания искусственных барьеров [12, с. 266].

С развитием общества, информационных и телекоммуникационных технологий вещественными доказательствами могут признаваться новые предметы, состояния объектов материального мира, которые, на наш взгляд, необходимо законодательно закреплять в перечне вещественных доказательств в статье 81 УПК РФ. В частности, полагаем, к таковым необходимо отнести электронные носители информации.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование позволило нам прийти к выводу, что в настоящее время классификация вещественных доказательств, приведенная в УПК РФ, должна соответствовать существующим веяниям объективной действительности, соответственно, она нуждается в реформировании. Учитывая, что

электронные носители информации в настоящее время фигурируют во многих уголовных делах, предлагаем дополнить часть первую статьи 81 УПК РФ новым подпунктом 2.2, представив его в следующей редакции:

«2.2) электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам, если на их основе будут получены сведения о наличии либо отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Резюмируя проведенное исследование, отметим, что все имеющиеся в науке уголовного судопроизводства классификации вещественных доказательств основываются на общих классификациях доказательств и взаимосвязаны. Их грамотное применение обеспечит качественное и полное расследование уголовного дел. Полагаем, что проведенное нами исследование и сформулированные предложения станут очередным шагом в оптимизации видов и классификации вещественных доказательств в уголовном процессе, так как знание различных типологий для квалификации вещественных доказательств важно также с точки зрения их проверки и оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамедов Р.Я. Классификация вещественных доказательств // Закон и право. 2012. № 7. С. 91 – 93.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева и др. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
3. Зайцева С.А., Попова Н.А. Классификация вещественных доказательств // Право и политика. 2005. № 12. С. 84 – 89.
4. Левченко О.В. Классификация доказательств в уголовном процессе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3. С. 111 – 114.
5. Гладышева О.В., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство. М.: Юрлитинформ., 2013. 319 с.
6. Охота А.А. Вещественные доказательства и иные документы: вопросы разграничения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 72 – 75.
7. Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_994595/ (дата обращения: 06.06.2020).
8. Вершицкая Г.В. Особенности использования микрообъектов в ходе расследования преступлений // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2. С. 76 – 81.
9. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.
10. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).
11. Зигура Н.А., Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: монография. М., 2011. 176 с.
12. Власов А.А., Лукьянова И.Н., Некрасов С.В. Особенности доказывания в судопроизводстве. М.: Экзамен, 2004. 320 с.

REFERENCES

1. Mamedov R.YA. Klassifikaciya veshchestvennyh dokazatel'stv // Zakon i pravo. 2012. № 7. S. 91 – 93.
2. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe / R.S. Belkin, A.I. Vinberg, V.YA. Dorohov, L.M. Karneeva i dr. M.: YUrid. lit., 1973. 736 s.
3. Zajceva S.A., Popova N.A. Klassifikaciya veshchestvennyh dokazatel'stv // Pravo i politika. 2005. № 12. S. 84 – 89.

4. Levchenko O.V. Klassifikaciya dokazatel'stv v ugovnom processe // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3. S. 111 – 114.
5. Gladysheva O.V., Semencov V.A. Ugolovno-processual'noe pravo. Obschaya chast' i dosudebnoe proizvodstvo. M.: YUritinform., 2013. 319 s.
6. Ohota A.A. Veshchestvennye dokazatel'stva i inye dokumenty: voprosy razgranicheniya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 3. S. 72 – 75.
7. Hudyakova YU.V. Veshchestvennye dokazatel'stva v ugovnom processe Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_994595/ (data obrashcheniya: 06.06.2020).
8. Vershickaya G.V. Osobennosti ispol'zovaniya mikroob"ektov v hode rassledovaniya prestuplenij // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2016. № 2. S. 76 – 81.
9. Osnovy teorii elektronnyh dokazatel'stv: monografiya / pod red. d-ra jurid. nauk S.V. Zueva. M.: YUritinform, 2019. 400 s.
10. Pastuhov P.S. O razvitiu ugolovno-processual'nogo dokazyvaniya s ispol'zovaniem elektronnyh dokazatel'stv. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 01.06.2020).
11. Zigura N.A., Kudryavceva A.V. Komp'yuternaya informaciya kak vid dokazatel'stv v ugovnom processe Rossii: monografiya. M., 2011. 176 s.
12. Vlasov A.A., Luk'yanova I.N., Nekrasov S.V. Osobennosti dokazyvaniya v sudoproizvodstve. M.: Ekzamen, 2004. 320 s.

Об авторах: Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
email: elya-hi@bk.ru

Моругина Надежда Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России
email: moruginy@mail.ru

© Шайдуллина Э.Д., 2020

© Моругина Н.А., 2020

About the authors: Shaidullina Elvira D., Candidate of Law (Research doctorate), Docent, Deputy Chief of Department of Criminal Process, Kazan Law Institute of MIA of Russia

email: elya-hi@bk.ru,

Morugina Nadezhda A., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Voronezh Institute of MIA of Russia

email: moruginy@mail.ru

Авторский вклад:

Шайдуллина Э.Д. – введение, материалы и методы, обсуждение и заключения, итоговое редактирование статьи.

Моругина Н.А. – обзор литературы, результаты исследования, обсуждение и заключения.

Статья получена: 09.07.2020. Статья принята к публикации: 18.09.2020.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (email: vestnikkui.ru).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Заместитель главного редактора С.Н. Миронов
Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина
Дизайн Е.А. Бикмуллина
Верстка Е.О. Смирнова
Перевод Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)
Номер отпечатан в типографии Казанского юридического института МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130
Подписано в печать 23.09.2020
Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л. 15,7 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.